БОЛЬШЕВИК

№ 14

5 НОЯБРЯ

1 9 2 4

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

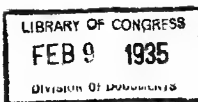
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 5 НОЯБРЯ 14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 4
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА

Главлит № 28114. Тираж 86.000.
Типо-литография „Искра Революции" (б. 7-я) Мосполиграф. Филипповский, 11.

О путях к Октябрю.

Семь лет диктатуры пролетариата, — какой громадный пробег истории!

Семь лет, которые потрясли капиталистический мир, создали и укрепили Союз Советских Социалистических Республик.

Семь лет, в итоге которых мы вступили на путь явного хозяйственного под'ема, укрепляющего экономический фундамент социализма.

История поработала это семилетие за нас.

Но такие итоги мы имеем потому, что не ждали с терпеливым фатализмом от истории ее подарков. Эти итоги достигнуты в результате непрестанных боев, сознательного вмешательства партии в стихийные процессы, непрерывного напряжения активности пролетарских революционных организаций.

Октябрь был подготовлен большевизацией рабочего класса, упорной работой над повышением революционной сознательности масс в течение двух десятилетий предоктябрьского периода.

Отрицание или замалчивание э т о г о факта скрывает глубокое непонимание сущности и исторической роли нашей партии, таит в себе отмежевание от славного революционного большевистского прошлого, как недопустимо и замалчивание того, что положительные итоги семилетия имеют своей непременной предпосылкой большевистскую выдержку нашей партии в тяжелые годы гражданской войны и эпохи первоначального строительства социализма.

Октябрь подготовлен д о - октябрьской борьбой коммунистической партии. Завоевания Октября удержаны и закреплены п о с л е-октябрьской политикой большевизма. Большевизм нельзя принять частично, признав лишь одну, хотя бы и важнейшую, его особенность; большевиком является т о л ь к о тот, кто принимает большевизм ц е л и к о м, стоит на почве и с т о р и ч е с к о г о большевизма.

«Только история большевизма за в е с ь период его существования, — пишет Ленин, — может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, н е о б х о д и м у ю д л я п о б е д ы большевизма».

*) См. „Детская болезнь левизны в коммунизме".

Октябрь был детищем дооктябрьского большевизма. Без большевизации рабочего класса в дооктябрьский период мы не смогли бы победить в октябре.

А если говорить конкретно о содержании работы по большевизации рабочего класса, то она сводилась, прежде всего:

1) *к построению партийной организации на основе специфически-большевистских принципов;*

2) *к усвоению рабочим классом тактики революционно-политического реализма, т. е. тактики, чуждой соглашательству, но пронизанной обязательной для политика революционной трезвостью.*

Большевистская *организация* партии — это первое условие, первая, необходимейшая предпосылка октябрьской победы.

«Опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что *безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата* являются одним из основных условий для победы над буржуазией» *).

Итак, большевистский тип *построения* партии — это одно «из основных условий для победы над буржуазией».

А этот тип построения партии определился почти за пятнадцать лет до Советского переворота.

За полтора десятка лет до установления диктатуры — большевики обеспечивали победу этой диктатуры правильным *построением* рядов авангарда пролетариата, ведшего рабочие массы в наступление и осуществлявшего организованное отступление для подготовки к новым, решающим атакам.

Партия нужна рабочему классу для того, чтоб сознательным единодействием ее парализовать в пролетариате центробежные тенденции, обусловленные различием в положении, сознательности, опыте, организованности различных частей рабочего класса.

Партия, в свою очередь, не лишена этих центробежных тенденций, ибо и она в капиталистическом обществе вообще, и в российских условиях в особенности, отличается значительной пестротой состава по социальному признаку, стажу, возрасту, культурному уровню, степени сознательности и т. д.

Такая пестрота партии — в условиях сильного влияния буржуазии и мелкой буржуазии — является об'ективной предпосылкой дезорганизации партийных рядов, колебаний и перехода отдельных частей партии на непролетарскую позицию, разнобоя в действиях различных отрядов партийного целого.

*) См. „Детская болезнь левизны в коммунизме“, гл. „Одно из основных условий успеха большевизма“.

Централизованность партии — в этих условиях — обеспечивает руководящую, направляющую роль старой партийной гвардии, состоящей из наиболее сознательных и опытных передовиков партии.

Централизованность в построении партии — обеспечивает в этих условиях ее единодействие, преодоление внутренних противоречий, единство боевого фронта.

Поскольку меньшевизм выступал против централизованного построения партии, — он выступал против основной предпосылки правильного и единого боевого действия партии.

Обеспечивая централизованностью преодоление внутренних противоречий партии и единодействие ее, — большевизм одновременно боролся за устранение моментов, усугубляющих эти противоречия: он боролся против разжижения состава партии, за подбор в нее исключительно лиц, стоящих на точке зрения пролетарской революции и считающих своей профессией борьбу за эту революцию, т. е. профессиональных революционеров.

Такая позиция большевизма, несомненно, отталкивала от партии «рыцарей на час», попутчиков из буржуазно-демократической интеллигенции, либеральных «профессоров и гимназистов», не возражающих против фронды, но чуждых революции.

Но большевизм никогда не ориентировался на попутчиков: он базировался на растущей активности сознательных передовиков пролетариата и беззаветно преданных ему интеллигентов-профессионалов.

Говорить о пролетарской революции и не понимать необходимости создания централизованной, единодействующей, и состоящей из настоящих профессиональных революционеров партии — это значит об'ективно бороться против пролетарской революции.

Успех революции обеспечивает не фраза, а действительная борьба за создание ее предпосылок, в первую очередь за создание партии, построенной по-ленински. Вот почему наша партия с таким упорством разоблачала лже-революционность меньшевизма, говорящего о революции, и стремящегося превратить партию революции в пеструю коалицию групп и группочек, аморфное об'единение аморфных организаций, годных для всего, только не для руководства революцией пролетариата.

Вот почему наша партия вела жестокую борьбу с так называемым «августовским» блоком, возглавляемым тов. Троцким, вместо боевой задачи создания боевой партийной организации, поставившим задачу об'единения всех групп социал-демократии во что бы то ни стало.

Подобно тому, как II Интернационал, по определению самого тов. Троцкого имеет своим лозунгом: «Да погибнет мир и да здрав-

ствует парламентское большинство!», — подобно этому позиция августовского блока тов. Троцкого — об'единяла силы российского меньшевизма под лозунгом «Да погибнет мир и да здравствует единство социал-демократии!».

В борьбе с меньшевизмом большевики вынуждены были пойти на раскол, ибо об'единение с ликвидаторами есть ликвидация революции. И этот раскол подготовил об'единение широчайших масс вокруг революционных лозунгов.

Говорить об Октябрьской революции и замолчать, что основным, важнейшим, непременнейшим условием победы ее является создание ленинской партии, большевистское построение партии пролетариата, — это значит оплевать Октябрь!

Но эта боевая организация партии, ее большевистское построение мыслимо только на почве большевистской политики партии.

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? Чем подкрепляется?» — ставит вопрос тов. Ленин и, отмечая в ответе сознательность авангарда пролетариата и его уменье связаться с массами, продолжает:

«Правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности».

Мы имели победы и будем их иметь потому, что всегда были и будем партией революционно-политического реализма; партией революционной, ибо, идя на соглашения и заключая компромиссы, мы никогда не уступаем в этих соглашениях основных классовых позиций пролетариата; партией реалистической, ибо никогда не вели и не собираемся вести политики, не основанной на строгом учете об'ективных условий и возможностей.

В борьбе за об'единение масс вокруг революционно-реалистических лозунгов большевизма, партия пролетариата вынесла длинную цепь схваток с явным оппортунизмом меньшевиков и левым авантюризмом, политикой «революционной» фразы.

«Большевизм вырос, окреп и закалился, — пишет т. Ленин, — в «детской болезни», во-первых в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата»...

«Большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелко-буржуазной революционности, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, отступает в чем бы то ни было существенном от условий и

потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы... «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно».

Позорной лентой развертывается в истории российского рабочего движения оппортунизм, переросший из организационного в тактический оппортунизм еще перед революцией 1905 года, во время «комедийных действ» земской кампании по плану «Искры»; выдвинувший законченно - предательскую тактику в период первой российской революции, гнусаво прошамкавший отречение от революции в период ликвидаторства; взвывший от избытка патриотических чувств или стыдливо прикрывший свою измену пролетариату пацифистской фразой в эпоху империалистической войны, ставший в военный лагерь буржуазии в эпоху гражданской войны, открытой 17-м годом.

С другой стороны, твердость революционных рядов пролетариата нарушается «истерическими порывами» левого авантюризма.

Когда большевизм об'единяет в революции 1905 года рабоче-крестьянские массы под лозунгом борьбы за «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, — группа тов. Троцкого выставила лозунг «чистой» диктатуры пролетариата.

Т. Троцкий утверждает теперь, что он был прав в 1905 году, ибо диктатура пролетариата осуществилась в 1917 году. Но кого может убедить эта аргументация, если всем и каждому известно, что история прошла между первой и второй революциями громадное расстояние, что первая революция справедливо определялась большевиками, как буржуазно-демократическая революция, а вторая—непосредственно подвела нас к строительству социализма. В разные эпохи — один и тот же лозунг! Это ли не «достоинство», это ли не «революционная прозорливость»!

Ленин считал самым необходимым и обязательным для массовой партии, возглавляющей масовую революцию, — отыскание правильных путей к социализму.

Если бы армия имела задание занять определенный стратегически важный пункт, а ее руководители не знали пути к этому пункту, — армия никогда не выполнила бы своего задания.

Указать массам правильный путь к диктатуре пролетариата в условиях первой российской революции — это значит правильно наметить операции по занятию ближайших пунктов, достижимых в настоящий момент.

В 1905 году этим пунктом была «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», ибо центральным вопросом рево-

люции был аграрный вопрос и основной задачей революции, революционное свержение крепостничества.

Революционный реализм большевиков натолкнулся на политику фразы, и эту политику он отверг, как вредную для пролетариата. Ту же политику фразы вели противники использования легальных возможностей «левые» большевики, «впередовцы», подковывавшие свою практическую позицию левого авантюризма богостроительской философской теорией. И они встретили железную стену со стороны основных кадров партии революционно-политического реализма.

И меньшевистский оппортунизм и левый авантюризм, несомненно, были родственными течениями.

Идеологи мелкой буржуазии или плетутся за капиталом или показывают облик «взбесившегося от ужасов капитализма» мелкого буржуа. Они или с покорностью мирятся с господством капитала, или «прорываются» в «несуразно-левой» вспышке против капитала.

Фаталистическое примиренчество с капитализмом у наиболее живых представителей мелкой буржуазии переходит в идеалистический волюнтаризм, питающий политику «прямого действия» без масс, политику авантюристических выступлений небольших группок...

Бывают переходы и в обратном порядке.

«Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным течением,—все это общеизвестно *). Эволюция «троцкизма» является нагляднейшим примером этой неустойчивости.

1) Меньшевизм 1903 года — в организационных вопросах. Тов. Троцкий в рядах меньшевиков. Вместе с меньшевиками он не понимает роли боевого штаба революции.

2) Земская кампания и план «Искры» — меньшевизм чувствует приближение буржуазной революции, но он не желает, чтобы пролетариат возглавил эту революцию. Поэтому меньшевики предлагают передать руководство развертывающимся движением нереволюционной буржуазии. Тов. Троцкий с меньшевиками, видящими революцию, но не понимающими, что революцию надо сделать. Он разделяет позицию фаталистического пассивизма меньшевиков.

3) 1905 год. Меньшевики против захвата власти пролетариатом и крестьянством, намечаемой и подготовляемой большевиками. Тов. Троцкий «левее» большевиков: он за «чистую» диктатуру пролетариата. Политика революционной фразы отделяет его в этот период от большевиков.

4) Реакция и пред'военная обстановка. Тов. Троцкий не отказался от фразы, но он борется против практического обеспечения революционных побед: он против создания штаба революционного действия, против организации партии по большевистскому типу. Он — вновь с меньшевиками. Он скатывается в болото ликвидаторства.

5) Война. Тов. Троцкий и «левее», и «правее» большевиков. Последние еще за «демократическую диктатуру». Он как и в 1905 г., за «чистую диктатуру». Фразе отдана дань. Но он не может понять, что за эту диктатуру надо бороться революционным способом. Он против большевистского лозунга «превращения империалистической войны в гражданскую», ибо,—по его мнению,—массы можно об'единить только на платформе борьбы за мир, а не призывами к новой войне (хотя бы и гражданской). Тов. Троцкий выступает мелко-буржуазным пацифистом.

Революционный лозунг «чистой» диктатуры — повисает голой, никчемной, жалкой фразой, когда он сопровождается отказом от гражданской войны.

Вот эта мелко-буржуазная «революционность», о которой Ленин писал, как о «бесплодной», обладающей свойством «быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику».

В борьбе с нею вырос большевизм. Преодоление ее подготовило октябрь, обуславливало наши успехи в октябре.

Мы сильны опытом и традициями исторического большевизма, создавшего стальную партию, выковавшего определенный тип революционно - реалистической тактики, умеющего бороться с проявлениями мелко-буржуазного влияния на пролетариат.

Ни на шаг от этого исторического большевизма!

*) Ленин „Детская болезнь левизны“.

М. Покровский.

Советская глава нашей истории*).

Мы все еще не сбоoрались написать истории Октябрьской революции,—а уже прошло семь лет послереволюционной нашей истории. И каких лет! Одна гражданская война стоила бы пяти французских Вандей, ибо Вандея, о которой слыхал всякий грамотный человек, это немного побольше нашей Антоновщины—и поменьше Антоновщины и Махновщины, вместе взятых. И о Вандее слыхал всякий грамотный человек, а о нашей гражданской войне впятеро больше написали русские эмигранты, использовывая предоставленный им нами досуг, чем коммунисты. Даже наши хроники революционного периода останавливаются пока на первом его годе, а идет уже восьмой год, как революция одержала победу и скоро пойдет девятый с того дня, когда революция началась.

Самобичеванием и сожалениями, конечно, тут делу не поможешь. Единственный способ реального продвижения вперед состоит в том, чтобы поставить революционный период темой для семинарской работы какого-нибудь учебного заведения типа Института Красной Профессуры. Для гражданской войны это уже и сделано. Если дело пойдет не хуже, чем с революцией пятого года и межреволюционным периодом, через год мы будем иметь ряд монографий, опирающихся, отчасти, на архивный материал. Но этим будет освещен лишь один эпизод истории семи лет, — правда, эпизод самый яркий, если не самый важный: Ленин еще в 1905 году предсказал, что защита завоеваний революции будет труднее, чем самые завоевания **).

---

*) **ОТ РЕДАКЦИИ.** Помещая интересную статью тов. Покровского, редакция оговаривает свое несогласие со „схемой“ автора.

Во-первых, редакция не согласна с тем, что «схемы» играют служебно-техническую роль. «Схема» имеет положительный смысл только в том случае, если она более или менее верно отражает определенный тип действительных, реальных существующих отношений. Но если она таковой отражает, она играет более, чем служебную роль. В этом смысле, например, историческая периодизация Маркса требует к себе бережного отношения (ибо она верна и не может быть заменена другой).

Во-вторых, нельзя периодизировать революцию по типу иллюзий, распространенных в различные моменты революции (хотя изучение этих иллюзий и представляет определенный интерес).

В-третьих, редакция не согласна с некоторыми частными положениями, вытекающими из общей ошибки (так, например, нельзя характеризовать период гражданской войны непосредственно после октября, как период «пацифистских иллюзий»).

**) „Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно свергнуто, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание“ („Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. „Вперед“ № 14, 30/III—1905 г.)

Но монографии помогут нам понять отдельные эпизоды, — они не дадут нам схемы всего периода. Пишущий эти строки небольшой поклонник схематизации и периодизации в истории. Этим очень любили заниматься русские историки конца XVIII — начала XIX в.в., т.-е. до-диалектического периода нашей исторической литературы. Как только повеяло духом диалектики, хотя и в идеалистической ее форме, Соловьев стал говорить, что дело историка «не дробить, не делить историю на периоды», а попытаться выяснить внутреннюю связь исторических перемен. В новейшее время произошло некоторое возрождение вкуса к периодизации, и любитель схем, Н. А. Рожков, находит много поклонников. Можно думать, что это не свидетельствует о чрезмерной диалектичности мышления последних. Но нельзя отрицать, что, будучи научно весьма слабым приемом, периодизация весьма полезна педагогически. Если не фетишизировать вех, нами самими расставленных на пути истории, а пользоваться ими,—как и полагается пользоваться вехами,—лишь для ориентировки, начинающему они помогут понять особенности важнейших этапов прошлого.

С этой точки зрения имеет некоторое себе оправдание и попытка периодизации «истории семи лет», которой посвящены нижеследующие страницы. Она не опирается на изучение архивов или даже хотя бы исчерпывающее знакомство с печатным материалом. Факты, которыми я пользуюсь, более или менее, общеизвестны. Мы все их переживали, и благополучно забывали их, как только они были пережиты. Между тем, если их припомнить, в их хронологической последовательности, получается любопытная картина тех напластований, из которых постепенно сложился теперешний Союз советских республик.

Так как у схемы должен быть какой-нибудь основной принцип, то я беру лишь одну сторону исторического процесса, которая мне представляется важнейшей: положение пролетарской диктатуры в ее отношении к непролетарским элементам, как внутри страны, так и во внешнем мире, за границей. Против этого можно возразить, что исходной точкой тут является не экономика, не развитие производительных сил, но политика. Я думаю, однако, что для данного периода это совершенно правильно. Поскольку Россия 1914 г. была уже определенно империалистической страной, экономика, определявшая ее судьбы, была не местная, но мировая: из этой мировой экономики можно об'яснить империалистскую войну (политический факт), разрушившую хозяйство царской России и тем вызвавшую революцию 1917 года; из туземных же экономических условий об'яснить участие России в империалистической войне нельзя *).

Что при таких условиях наша революция с самого начала должна была принять характер той социалистической революции, о которой в 1905 году приходилось говорить, как о более или менее отдаленной возможности, разумеется само собой. В первые годы нэпа в наши ряды, несомненно, стала просачиваться

---

*) См. мою вступительную статью к русскому переводу книги Каутского „Как возникла мировая война“ и мою же статью „Как русский империализм готовился к войне?“ („Большевик“ № 9).

меньшевистская концепция Октябрьской революции, как переворота, по существу еще *буржуазного*, не выходящего непосредственно из пределов капиталистического хозяйства. У меньшевиков эта точка зрения обстоятельнее всего развивалась Даниным, в его книге «После войн и революций». Отзвуки этой концепции продолжают слышаться и до сих пор — и мне на одном докладе была подана записка, автор которой, со ссылкою на слова тов. Ленина, пытался обосновать Данинскую мысль. Лишь поскольку такие мысли бродят еще в наших головах, стоит посвятить этому вопросу несколько строк, хотя бы для того, чтобы напомнить подлинные и пророческие слова тов. Ленина, в его брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в середине сентября 1917 г. Здесь, в числе «главнейших мер» для предупреждения грозящей катастрофы, на первом месте названы такие: «1. Об'единение всех банков в один, государственный контроль над его операциями или национализация банков. 2. Национализация синдикатов, т.-е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.)».

Считать эти мероприятия (действительно проведенные в жизнь в течение 1918 года, едва ли стоит об этом упоминать), не выходящими из рамок капиталистического строя, мог бы только человек, чрезвычайно «либерально» понимающий слово капитализм. Конечно, бывали, ведь, люди, которые, вообще, крупное производство отождествляли с капитализмом: при таком понимании дела капитализм всегда останется. Но если понимать под капитализмом то. что он, действительно, собой представляет — частную собственность на орудия крупного производства, то предлагавшиеся в сентябре 1917 года тов. Лениным меры были, конечно, уже мерами *социалистическими*. Ленин ставил этот вопрос совершенно отчетливо, в его брошюре имеется специальная глава, под названием: «*Можно ли итти вперед, боясь итти к социализму?*», где мы находим такие строчки: «Предшествующее изложение легко может у читателя, воспитанного на ходячих оппортунистических идеях эсэров и меньшевиков, вызвать такое возражение: большинство описываемых здесь мер, в сущности, не демократические, а *уже* социалистические меры...», и дальше, обличив эсэров и меньшевиков в непонимании того, что такое империалистические монополии, что такое государство, что такое революционная демократия, Ленин кончает: «поняв это, нельзя не признать, что нельзя итти вперед, не идя к социализму». «Ибо, если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т.-е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного* демократизма) — государство направляет предприятие, в чьих интересах? Либо в интересах помещиков и капиталистов,—тогда мы получаем не революционно-демократическое, а революционно-бюрократическое государство, империалистическую республику; либо в интересах революционной демократии, — тогда *это и есть шаг к социализму*».

Таким образом, уже за полтора месяца до захвата власти в России пролетариатом, вождь этого последнего прекрасно предвидел социальные и экономические последствия этого захвата,—последствия, совершенно неизбежные, с железной логикой вытекав-

шие из того обстоятельства, что революция наша была бунтом против империализма, т.-е. монополистического *капитализма*, т.-е. той формы капитализма, которая в данный момент господствовала на земном шаре. И Ленин, на которого ссылался мой оппонент, был, конечно, против не этого низвержения империализма, — к нему он звал, а против изничтожения сразу, без всяких промежуточных мер, тех отсталых, до-монополистических форм частно-хозяйственного производства, которые определяющей роли уже не играли, но к социализации еще не были готовы. Для этих отсталых предприятий им и предлагалась такая промежуточная мера: «... 4. Принудительное синдицирование (т.-е. принудительное об'единение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще».

Из этого следует, разумеется, что Ленин был против военного коммунизма в том его проявлении, когда милиционер отнимал молоко у привезшей его в город крестьянки и выливал оное на мостовую, во славу государственной монополии торговать молоком. У тов. Бухарина эта картина вызвала восклицание, что это не социализм, а чорт знает что. Чорт знает с чем, планы Ленина, конечно, ничего общего не имели, но *социалистический*, в настоящем понимании этого слова, характер нашей революции был им поставлен совершенно твердо и отчетливо.

Из характера нашей революции, как *антиимпериалистического бунта*, следовал непримиримый антагонизм Советского государства со всем империалистическим миром. Но было бы крайней наивностью понимать этот антагонизм, как состояние формальной и открытой войны с этим миром, — точка зрения, не чуждая некоторым из «левых коммунистов» эпохи Брестского мира. Такой взгляд был явным пережитком *идеологического* об'яснения международных отношений, которое так свойственно было Второму Интернационалу. Это идеологическое об'яснение учило, что феодальное государство в своей внешней политике всегда, безусловно, враждебно буржуазному, а буржуазное всегда будет враждебно социалистическому, и т. д. На самом деле, реальные отношения между странами диктуются реальными интересами их господствующих классов, а вовсе не идеологией этих последних. Теперь, когда мы знаем, что дворянская, крепостническая Россия в 1848 году искала союза республиканской, демократической и, во всяком случае, буржуазной Франции, Ламартина и Каваньяка, когда мы вспомним, что франко-русский союз завязался в ту именно пору, когда в России Александра III свирепствовала жесточайшая дворянская реакция, а во Франции только что подошла к власти партия радикалов, — иллюзии Второго Интернационала кажутся весьма наивными и пригодными лишь для того, чтобы облегчить германской социал-демократии поддержку Вильгельма в его борьбе с царской Россией. Нет никакого сомнения, что правившие Германией осенью 1917 года фабриканты, помещики и банкиры с чрезвычайной охотой и удовольствием расстреляли бы большевиков, но их реальные интересы заставляли их не только вести с большевиками переговоры, но и быть с ними крайне предупредительными и вежливыми. И это обстоятельство мы должны были использовать для упрочения пролетарской диктатуры, если только мы не были окончательными дураками. Ибо, помимо того, что мы шли к власти с мандатом заключить мир во что бы то ни стало,-это было непременное условие, под которым мы взяли

власть, и если бы мы этого условия не выполнили, то нас постигла бы участь Керенского, — не говоря уже об этом, Брестский мир был великолепным *стратегическим* маневром, создав из германского фронта прикрытие для нас, в самый трудный момент нашего существования, от гораздо более опасных для нас антантовских фронтов. Если бы английские, французские и американские империалисты имели с нами непосредственную границу, с нами легко могло бы приключиться то, что полтора года спустя случилось с советской Венгрией. Если нас не постигла участь последней, то, отчасти, благодаря тому, что англичане имели возможность высаживаться только в таких отдаленных от наших жизненных центров местах, как Мурман и Архангельск.

Итак, Брестский мир был чрезвычайно для нас спасительным. Но это нисколько не мешало ему быть не правилом, а исключением в том антиимпериалистском бунте, который мы начали. Это не был ни прочный, ни, главное, *настоящий* мир. И, вот, это последнее обстоятельство, что мир был не настоящий, был *худым* миром, который лучше только доброй ссоры, это обстоятельство в 1917 году, несомненно, ускользало от внимания наших широких кругов. От иллюзии неизбежной формальной войны с империализмом, мы легко скатывались к иллюзии настоящего, хотя и непродолжительного, мира с империалистами. Вот почему этот период нашей после-революционной истории, период, охватывающий время от октября 1917 по август, примерно, 1918 года, можно назвать периодом *пацифистских иллюзий*.

Иллюзии эти в массовой работе принимали самые разнообразные формы. То мы собирались разбазаривать десять миллионов аршин ткани из интендантских складов старой армии, и торговались с Красной армией, только что возникавшей тогда, из-за каждого миллиона аршин; то мы отпускали на все четыре стороны московский комитет кадетской партии, на аресте которого настаивали рабочие; то мы позволяли, под самым у себя носом, эсэрам заключать договоры с французской миссией на предмет спускания под откос советских поездов и взрыва мостов на наших железных дорогах, позволяли тем же эсэрам партиями свозить белогвардейское офицерство и генералитет в Поволжье, готовя контр-революционный взрыв, в то время, как эсэровская фракция легально продолжала заседать во ВЦИК'е; то мы собирали отборных академических зубров и пытались, «по соглашению» с ними, выработать новый устав высшей школы, и т. д., и т. д., словом, всех наших пацифистских глупостей того периода и не перечтешь. И не мудрено, что совершенной неожиданностью для большинства из нас было чехо-словацкое восстание конца мая 1917 года, — а оно было началом вполне обдуманной и издалека подготовлявшейся интервенции, которая, в виду прикрывавшего нас от непосредственной атаки со стороны Антанты германского фронта, не могла принять какой-либо иной формы.

Ряд ударов лета 1917 года, восстание левых эсэров в Москве, восстание правых эсэров в Самаре, восстание савинковцев в Ярославле, убийство Володарского, убийство Урицкого, наконец, покушение на Ленина 30 августа, ликвидировали наш пацифизм до тла. Осенью 1918 года мы об'явили красный террор, бросили все живое на фронты гражданской войны, начали ту героическую борьбу, которая наполнила *второй период* истории послед-

них 7-ми лет, период гражданской войны, в тесном смысле этого слова, тянущийся с августа 1918 года до весны 1920 года. Я не ставлю своей задачей описывать этот период: вкратце он всем известен, подробное его изучение будет поставлено на твердые рельсы, будем надеяться, тем семинарием Института Красной Профессуры, о котором говорилось вначале. Здесь важно отметить, что этот период внес в нашу психологию, если не в нашу идеологию, определенные новые черты, чуждые ей в 1917—18 г.г. Я никогда не забуду наших молодых коммунистов-просвещенцев, уезжавших на фронт со всем обличием, приемами и манерами человека пера и книжки, и возвращавшихся с фронта бравыми военными людьми, с наружностью, немного даже неприятно напоминавшей прапорщиков и поручиков доброго старого времени. Да, простят мне эти товарищи это беглое воспоминание об их наружности. Внутренно они, конечно, остались тем, чем были — добрыми коммунистами. Они даже стали лучшими коммунистами, чем были, ибо, раньше наполовину теоретическая, борьба с империализмом стала для них теперь живой и суровой действительностью. Но они вернулись *военными коммунистами*. Вернулись с уверенностью, что то, что дало такие блестящие результаты по отношению к колчаковщине и деникинщине, поможет справиться со всеми остатками старого в любой иной области.

Начался период милитаризации. Все милитаризировалось, до народного просвещения включительно. Сам Наркомат был построен по военному типу, — с планирующим и составляющим диспозицию штабом, государственным ученым советом и «оперативными» частями, Главками. Милитаризировалась высшая школа, появились медвоенкомы, и т. д., и т. д.

Больше всего подверглось, конечно, милитаризации народное хозяйство, появились «трудармии» и т. п. Под конец вся деревня была подчинена, фактически, полувоенному режиму, — и курьезнее всего, что инициатором этой последней милитаризации был один из главных антимилитаризаторов того периода. Это показывает, как могущественна была зараза.

Что соблазняло и увлекало нас в этом угаре милитаризации? Две вещи, по-моему. Во-первых, к этому времени уже определенно выяснилось, что рабочая революция на Западе запаздывает, что ожидать появления социалистического хозяйства в капиталистических странах Западной Европы с сегодня на завтра не приходится. Приходилось создавать это социалистическое хозяйство, которое в первый, «пацифистский» период мыслилось в общеевропейском плане; Россия только «начинала» создавать собственными, «национальными» силами. Это, с одной стороны. С другой, быстрота ликвидации белых фронтов, окончание гражданской войны, сулившей бесконечные годы бойни, всего в 2 года, порождало надежду, что дело пойдет также быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы. Все это, вместе взятое, и обеспечило военному коммунизму, хотя короткий, но блестящий успех.

Читатель видит, что я выделяю военный коммунизм в особый *третий период* истекшего 7-летия. Я решительно отказываюсь причислять к «военному коммунизму» наши социалистические мероприятия 1918 года. Ничего военного в этих мероприятиях не было. Важнейшие из них, — национализация банков, — было про-

ведено нами в разгаре наших пацифистских иллюзий, когда в возможность настоящего мира, хотя бы на короткий срок, верил, кажется, даже тов. Ленин. Проводился этот первоначальный социализм вовсе не военными приказами сверху, а под нажимом рабочей массы. Плановое хозяйство складывалось довольно стихийно и разрозненно, и отвечало необходимости как-нибудь увязать, лишенную банкового руководства, промышленность. Словом, тут все шло от экономики, а не от политики. Между тем, характерной особенностью подлинного военного коммунизма 1920 года и было то, что в нем экономика должна была плясать под дудку политики. Забыта была фраза тов. Ленина, написанная не очень задолго до этого, в 1916 году: «экономике нельзя приказывать».

Весною 1921 года эта фраза тов. Ленина и оправдалась. Построенная в шеренгу, экономика расстроила ряды и «замитинговала». Это обстоятельство заставило изменить не направление, по которому мы шли, как показалось в первую минуту некоторым близоруким людям, а темп нашего движения и приемы нашего действия. С этим изменились и наши отношения к непролетарскому миру, как за границей, так и внутри страны. Тов. Ленин в своей речи перед X с'ездом, назвал поворот в нашей политике «крестьянским Брестом». Это было очень меткое название в том смысле, что, как Брест 1918 года покончил с идеологическим и, по существу, идеалистическим подходом к международным отношениям, так новая экономическая политика покончила с идеалистическим подходом к деревне. Мы стали исходить не от воображаемого нами плана будущей деревни, а от реальных возможностей деревни настоящей, «деревни, как она есть». Это никоим образом не значило, что по отношению к деревне мы отказались от коммунизма: мы отказались только от военных методов проведения коммунизма в деревне, вот и все.

Новый период истории 7-летия, по счету четвертый, на первых порах был связан с целым рядом иллюзий, уподобляясь в этом отношении первому периоду. Отличие было в том, что на этот раз иллюзии были двухсторонние. В 1918 году мы заблуждались относительно истинных намерений и чувств буржуазии, в особенности отечественной. В 1921 году заблуждались — далеко в меньшей степени, чем в 1918 — и мы, но гораздо больше заблуждалась на наш счет буржуазия. Наши собственные иллюзии сводились, главным образом, к переоценке личной инициативы и, в связи с этим, частно-хозяйственного почина в деле поднятия промышленности. В «реакционном», по отношению к «военному коммунизму», настроении нам казалось, что стоит отказаться от методов «военного коммунизма», и, можно сказать, эта самая инициатива попрет из земли, а вместе с нею явятся в промышленность и скрывавшиеся на нелегальном положении частные капиталы. Это дополнялось другой иллюзией, будто и заграничные, и частные капиталы немедленно возжаждут использовать открывшиеся в России возможности, которые нам, опять-таки по контрасту с «военным коммунизмом», представлялись огромными.

Ни того, ни другого не случилось, и не могло случиться. Частный капитал из нелегальной спекуляции переместился в легальную торговлю, в особенности розничную и полурозничную, с ее быстрым оборотом, но в промышленность, с ее, сравнительно, медленным оборотом и невысоким уровнем барыша, этот, вскор-

мленный бешеной спекуляцией предшествующего периода, частный капитал не пошел. Промышленность пришлось восстановлять пролетарской диктатуре собственными усилиями, без какой-либо помощи даже из-за границы, ибо и европейский капитал неохотно шел в советскую обстановку, пока он мог работать в привычных для него условиях буржуазного общежития. Только когда дома почва начинала становиться очень уже горячей, западные капиталисты начинали поглядывать и на обновленную, в смысле экономической политики, Россию: так было с германским капиталом в период наибольшей остроты германского рабочего движения. Но и это было явление временное и преходящее. Европейская и американская буржуазия выжидала «дальнейшего развития» нэпа.

Вот тут-то и имело место следующая, уже не наша, а ихняя, буржуазная иллюзия. По мере того, как выяснялось действительное отношение частно-хозяйственной инициативы к возрождению советской промышленности, льготы для частного капитала у нас, естественным образом, должны были не увеличиваться, а уменьшаться. Нэп был создан вовсе не для кормежки спекулянтов. И, к горькому разочарованию заграничных буржуазных наблюдателей, вместо дальнейшего развития капиталистического хозяйства, у нас начала происходить «коммунистическая реакция». Это в то время, как по законам всех приличных революций оные должны были кончаться реакцией буржуазной.

Это так огорчало буржуазных наблюдателей, приезжавших взглянуть на «обновленную» Россию, что у них начались буквально галлюцинации. Иначе нельзя об'яснить то, например, что пишет в Москве гостивший здесь многие месяцы американский профессор Гольдер *). Там, где его глаз в 1922 году, в разгаре иллюзий нэпа, видел величайшее коммерческое оживление, в 1923 пред ним расстилалась пустыня, на которую смотрели заколоченные окна магазинов и среди которой блуждали остатки голодающего населения. Так как наш глаз ничего подобного усмотреть не может, то остается одно из двух предположений: или страдает галлюцинациями профессор Гольдер или галлюцинирует полтора миллиона жителей Москвы. А так как индивидуальные галлюцинации все-таки более обычное явление, нежели массовые, притом для миллионов людей сразу, то, рассуждая совершенно об'ективно, медицинским образом, приходится решать вопрос не в пользу проф. Гольдера.

Этот профессор, историк по специальности, и дает нам в своей хронологии точку опоры для периодизации нэпа. Эра новой экономической политики естественным образом распадается на два периода — период, когда на глазах проф. Гольдера были розовые очки, и период, когда он их сменил черными. Это 1923 год с его «ножницами» и финансовой реформой. «Ножницы» были своеобразной экономической реакцией на все предшествующие периоды в области соотношения цен на сельско-хозяйственные продукты и на фабрикаты. Октябрьская революция нашла резкое нарушение тех соотношений в этой области, к которым привыкла довоенная Россия. Если мы возьмем цену ржаной муки 1913 года за сто, то, в до-военных копейках, на первое января 1921 года мы получим

*) „Current History“ February. Изд. Нью-Иорк „Таймс.“
„The tragic Failure of Soviet Policies“, („Трагический крах советской политики“) Frank-A. Golder.

139,—тогда, как, если мы возьмем за сто же цену пары сапог, мы получим на то же число только 130. Такие же цены держались еще и в 1922 году: на первое апреля этого года цены на хлеб стояли, в советских дензнаках, почти в три миллиона выше довоенного, а цены на продукты промышленности только в два миллиона раз. Обратное отношение, развернувшееся в 1923 году, и было своеобразной реакцией, показывавшей, по существу дела, что мы вышли из военного периода нашей экономики, когда города и промышленные районы представляли собою нечто, в роде осажденных крепостей, при чем осаждающие опирались как раз на производившие хлеб окраины. К 1923 году не только осада была снята, но вымерли окончательно и сложившиеся в осадный период соотношения цен, наступила, повторяю, экономическая реакция, и палку пришлось перегибать уже искусственно в противоположную сторону, чтобы в положении осажденной крепости не оказалась деревня.

Это было далеко не единственным отражением гражданской войны на нашей экономике. Я не помню, чтобы кто-нибудь подходил с этой точки зрения к голоду 1921 года: а, между тем, если вы наложите карту наиболее остро голодавших районов на карту белых фронтов 1918—1920 годов, вы получите удивительнейшее и чрезвычайно красноречивое совпадение. Голодал, как правило, бывший театр гражданской войны, где хозяйство было подшиблено перекатывавшимися через деревню по несколько раз в том и другом направлении фронтами. Наоборот, то, что Советская власть прочно держала в руках, куда не заходил ни Колчак, ни Деникин, то не только уцелело от голода, но в 1921 году давало даже картину исключительного процветания: Московская губерния, в некоторых уездах, не запомнит такого урожая, как в этот «голодный» год. Мы, по старой привычке, все больше считаемся со стихийными, природными силами, и, конечно, считаться с ними нужно, но забывать социальные причины отнюдь не следует. Засуха, конечно, засухой, но без помощи Колчака, Деникина и Врангеля до каннибализма засухе все же довести дело не удалось бы.

То, что наблюдателю в черных очках показалось коммунистической реакцией, на самом деле, было просто ликвидацией последствий гражданской войны, притом ликвидацией, совершенной нашими собственными силами. В этом главное: если бы добрая буржуазия, сожалеющая ныне о запустении московских улиц, в свое время, в 1921 году, снабдила нас капиталами на поправку, тяготение этих капиталов, несомненно, заставляло бы нас больше считаться с нэпом, нежели это имело место в действительности. Громадным выигрышем было, что первые, самые трудные шаги мы сделали исключительно на своих ногах. В особенности, что мы исключительно собственными средствами ликвидировали— главный остаток военного периода, военную валюту.

Ассигнации,—а наш советский дензнак побил все рекорды всех ассигнационных карьер, всех времен и народов, оставив позади себя ассигнаты великой французской революции так далеко, что их не видно*),—всюду и всегда были военными деньгами. Почти во всем мире они возродились именно во время большой

*) Самым низким курсом французского ассигната, летом 1796 года, было 384 бумажных ливра за один металлический: а у нас при ликвидации старой советской валюты один червонный рубль был приравнен 50 миллиардам рублей в дензнаках 1921-го года!

войны, и у нас, в России, благополучно достигли одной двадцатой их номинальной стоимости еще до Октябрьской революции: от Керенского мы получили в наследство рубль, равный пятачку. Если сравнить возможности Керенского, при котором продукция русской промышленности равнялась еще 4 миллиардам, тогда как у нас сейчас нет и двух, то можно оценить, каким достижением было поднять рубль в семь раз выше рубля Керенского. Можно опасаться, что после такого анекдота черные очки с носа некоторых наблюдателей не слезут до светопреставления, по крайней мере, до преставления буржуазного света.

Если первый период нэпа носит следы некоторого колебания и компромисса между государственным и частным капитализмом, то второй период дает уже четкое проявление настоящего государственного капитализма при условии пролетарской диктатуры, т.-е. того состояния вещей, которое всюду и всегда нормально признавалось, как первый акт социалистической революции.

Таким образом, взяв историю 7 послереволюционных лет в аспекте пролетарской диктатуры и ее отношения к непролетарским слоям и элементам у себя дома и за границей, мы получаем следующие пять периодов:

1. 1917—1918 г.г. — переход к социалистическому хозяйству в (воображаемых нами) условиях мирной обстановки.

2. 1918—1919 г. — перерыв начавшегося процесса мировой социализации, под давлением гражданской войны; постепенная стихийная милитаризация, переходящая в

3. период военного коммунизма (1920 до весны 1921 года).

4. Период реакции против военного коммунизма, период первоначального нэпа, с его иллюзиями с обоих сторон (1921—1923).

5. Период постепенного возвращения к плановому хозяйству, в условиях уже не воображаемой, а, действительно, мирной обстановки, с введением нэпа в границы абсолютно необходимого (1923 — ?).

Хотя в начале я оговорился, что периодизация — дело не диалектическое, тем не менее, скрыть историческую диалектику никакая периодизация не может, и в приведенном выше делении эта диалектика чувствуется достаточно отчетливо, хотя и в суб'ективной, к сожалению, форме. Мы имеем перед собой одну законченную триаду, и одну только начавшуюся. Первая триада может быть сведена к трем таким этапам: мирный социализм, война, военный коммунизм. Вторая триада начинается с реакции против военного коммунизма, продолжается на наших глазах выпрямлением коммунизма вообще, и должна закончиться окончательным установлением социалистического хозяйства. Этот последний третий член второй триады — наше ближайшее будущее. В суб'ективном отражении эта диалектика является перед нами, как смена, в обоих случаях, поры иллюзий возвратом к суровой действительности, с тем, чтобы в следующей, третьей стадии, то, что было в первой стадии закутано в пелену иллюзии, явилось, как твердо проводимый, отчетливый план.

М. Шефлер.

Экономическая политика Рабоче-Крестьянской власти за 7 лет.

Долговременная хищническая политика царского правительства, опиравшегося на помещиков и буржуазию, довела Россию до такого экономического положения, при котором возникли резкие противоречия между благосостоянием правящего класса, с одной стороны, и нищенским угнетенным положением рабочего класса и крестьянства, — с другой стороны.

Эти резкие противоречия достигли своего крайнего развития в период неимоверно напряженной империалистической войны, начавшейся в 1914 году.

Февральская революция, явившаяся, несомненно, ближайшим последствием этих резких противоречий, между интересами правящего класса — дворянства и буржуазии — и интересами рабочего класса и крестьянства, выдвинула к власти, так называвшееся, «коалиционное» правительство из представителей либеральных буржуазных и мелко-буржуазных партий.

Само собой разумеется, что такое правительство, как бы пророчески, называвшееся «временным», не только совершенно не отвечало воле трудящихся масс, но и было не в состоянии справиться с тяжелым экономическим положением страны и сгладить резко выраженные противоречия классовых интересов буржуазии и пролетариата, помещиков и крестьянства.

Двоедушная политика «коалиционного» правительства, продолжавшего разорительную войну, стремительный рост цен на продукты и предметы широкого потребления, расстройство транспорта, кризис промышленности, начавшаяся дезорганизация сельского хозяйства, — все это вызвало в октябре 1917 года, в качестве неизбежного следствия, новый взрыв, — революцию рабочего класса, дружно поддержанного крестьянскими массами.

Октябрьской революцией 1917 года впервые в мире пролетариат, предводимый партией большевиков, завоевал диктатуру и поставил к власти первое в мире Рабоче-Крестьянское Правительство.

В наследство от прежних правительств, однако, Рабоче-Крестьянской власти досталось сильно надорванное, истощенное экономически и технически почти беспомощное народное хозяйство.

В то же время буржуазия и дворянство не так-то легко расставались с властью и со своими личными имущественными правами, продолжая еще длительное время вести борьбу всеми способами за власть, за свои поместья, за право собственности, за фабрики, заводы и т. п.

В первые годы после Октябрьской революции, в период, так называемого, военного коммунизма, поэтому все силы пролетариата и идущего за ним крестьянства были направлены на продолжение борьбы, на отстаивание завоеваний Октябрьской революции.

Борьба велась упорная, тяжелая, требовавшая от пролетариата и крестьянства больших жертв и лишений, не дававшая возможности налаживать на новых началах народное хозяйство и лишь способствовавшая еще большей разрухе отдельных отраслей хозяйства.

В этот период первых лет после Октябрьской революции были, однако, установлены основные вехи экономической политики пролетарского государства и, в частности:

была завершена национализация промышленности и транспорта;

были национализированы все банки и финансовые учреждения;

была закончена аграрная революция, путем перехода всех частных земель в собственность государства и передачи их в использование крестьянству;

были твердо декретированы основы охраны трудящихся от эксплоатации;

созданы сильные профессиональные организации;

была произведена национализация всех крупных частных торговых складов, элеваторов, мельниц и проведена твердая система государственных заготовок продуктов и предметов широкого потребления и распределения их продовольственным советским аппаратом, на основе классовых принципов удовлетворения в первую очередь потребителей трудящихся.

Лишь жесткая политика сосредоточения основных сил на борьбу с буржуазией и дворянством, поддержанных и правительствами большинства капиталистических государств, лишь величайшее напряжение пролетарского государства и готовность рабочего класса итти на величайшие жертвы и лишения, создали возможность закончить этот период величайшей в мире гражданской войны победой пролетариата и крестьянства и укреплением власти трудящихся.

Отбросив врагов революции на всех фронтах, справившись и с иностранной интервенцией, и блокадой, рабочий класс и крестьянство, под руководством Российской Коммунистической партии (большевиков), приступила к новой борьбе, — борьбе с разрухой, борьбе за восстановление народного хозяйства и пересоздание его на новых началах.

Завоевания Октябрьской революции были сохранены, и именно они являлись основой для дальнейшей экономической политики Рабоче-Крестьянского государства. Национализация промышленности и транспорта, национализация банков и финансовых учреждений, национализация земель и передача их в использование крестьянству, Кодекс законов о Труде, — все эти основы экономической политики Рабоче-Крестьянской власти явились фундаментом и для дальнейшего строительства.

Однако, на ряду с сохранением этих основных начал экономической политики, период окончания военной борьбы за револю-

цию выдвинул ряд новых требований к экономической политике государства трудящихся.

Следовало найти, и Коммунистическая партия, в лице своего вождя В. И. Ленина, нашла такие методы строительства, которыми возможно было бы, осуществляя диктатуру пролетариата в экономической политике, в то же время опираться на крестьянство и вместе с ним переходить от старых, весьма различных и отсталых форм хозяйства к новым формам.

В. И. Ленин в своей брошюре: «Главная задача наших дней», изданной еще в 1918 году, определяет это разнообразие форм хозяйства России перечислением следующих, существующих в России, типов хозяйства:

«1) Патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом».

Именно это разнообразие типов общественно-экономического уклада хозяйства побудило В. И. Ленина, а с ним вместе и всю Коммунистическую партию, выдвинуть, в качестве основной, переходной к социалистическому хозяйству формы, государственный капитализм и, опираясь на него, вести работу по подтягиванию к новым формам и методам всего народного хозяйства России.

Переход к государственному капитализму, как к временной переходной стадии, выдвинул необходимость внесения следующих коррективов в экономическую политику.

Снятие государственных хозяйственных органов и предприятий с госбюджета и перевод их на самостоятельный хозяйственный расчет.

Предоставление бо́льшей хозяйственной инициативы и самодеятельности всем государственным хозорганам и предприятиям и децентрализация управления всеми мелкими отраслями хозяйства.

Разгрузка государственных органов от управления мелкими хозяйственными предприятиями, путем сдачи их в аренду кооперативам, артелям и частным лицам на определенных договорных условиях.

Предоставление рабочим и служащим таких условий оплаты труда, которыми обеспечивалась бы рациональная постановка дела каждого хозучреждения и создавался бы стимул к расширению производительности.

Введение более рациональных методов товарооборота между сельским хозяйством и промышленностью и, в частности, укрепление и развитие кооперативной сети.

Переход от продразверстки к продналогу, как к более современной и планомерной форме обложения крестьянского хозяйства, обеспечивающей ему свободу распоряжения излишками производимой им продукции.

Оставляя без изменения коренные начала своей экономической политики, основывающейся на национализации земель и всех

крупных хозяйственных предприятий, на незыблемости финансовой политики государства, на монополии внешней торговли, Коммунистическая партия этими коррективами совершила переход к, так называемой, новой экономической политике, т.-е. политике, базирующейся на государственном капитализме, сочетаемом с частно-хозяйственными мелко-товарными формами хозяйства.

Новой экономической политикой закреплялся союз между рабочим классом и крестьянством, устанавливалась постоянная гибкая связь между городом и деревней и, тем самым, создавались условия для одновременного поднятия и укрепления всех отраслей народного хозяйства, на каких бы ступенях развития они не стояли.

К концу седьмой годовщины Октябрьской революции рабочий класс Союза Социалистических Советских Республик уже может констатировать несомненное общее укрепление народного хозяйства и, хотя и медленный, но верный рост благосостояния трудящихся масс.

В частности, к ноябрю 1924 года можно указать на следующие основные достижения:

Транспорт, на который были обращены все силы пролетариата в самом начале хозяйственного строительства, приведен в порядок и работает без перебоев.

Добыча топлива расширилась, — угольные бассейны и нефтяные промыслы на три четверти восстановлены, и годовая их добыча превышает годовую потребность.

Металлургическая промышленность, хотя медленно, но все же укрепляется и возобновляет постепенно, как добычу, так и обработку металла.

Сельское хозяйство, несмотря на катастрофическую засуху 1921 года и крайнее сокращение всех средств производства, тем не менее, уже дает возможность не только покрыть потребности городов и Красной армии в продовольствии, но и оставляет, хотя небольшие, излишки для вывоза за границу, тем самым поднимая нашу внешнюю торговлю.

Легкая индустрия и производство предметов широкого потребления в некоторых отраслях развертываются почти до размеров довоенного уровня.

Наконец, в качестве завершения восстановления этих отраслей народного хозяйства, можно констатировать и укрепление государственных финансов и переход к твердой денежной валюте, без чего немыслимо было бы дальнейшее хозяйственное строительство и,

что самое важное для благосостояния трудящихся, — рост реальной заработной платы рабочих и укрепление бюджета крестьянского хозяйства.

Эти достижения, однако, пока являются лишь показателем успешности взятого Коммунистической партией курса на новую экономическую политику, но для действительного укрепления хозяйства требуют дальнейших огромных усилий.

Задачи дальнейшего хозяйственного строительства еще более сложные и требуют сосредоточения на них всей воли пролетариата и всей энергии рабочего класса и крестьянства.

В частности, ближайшие задачи таковы:

поднять производительность труда и развить на новых, более рациональных началах сельское хозяйство и, в частности, путем

перехода к новым приемам, обеспечить сельское хозяйство Юга и Юго-Востока от новой угрозы засухи;

завершить денежную реформу, путем максимального сжатия расходов государства и поднятия доходности государственных предприятий и хозяйственных органов;

улучшить и укрепить кооперативную сеть и государственные органы для достижения наилучших простых и дешевых методов товарооборота сельского хозяйства и промышленности, обеспечивающих все отрасли производства, как от кризиса сбыта, так и от недостатков продуктов и предметов широкого потребления;

обеспечить дальнейший рост реальной заработной платы рабочих и служащих;

завершить построение системы кредитных учреждений и, в частности, системы сел.-хоз. кредита для обеспечения крестьянскому хозяйству возможно лучшего и дешевого снабжения средствами производства и лучших условий переработки и сбыта сельско-хозяйственной продукции.

Разрешение этих основных ближайших задач завершит первый период новой экономической политики, период сочетания государственного капитализма с ростом мелко-товарного производства крестьянского хозяйства, период, которым рабочий класс обеспечивает дальнейший планомерный переход к новым социалистическим формам хозяйства трудящихся.

Н. Бухарин.

Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока.

Новая полоса нашего развития характеризуется нашим ростом. Это отличительная черта «текущего момента», в широком смысле слова. Мы имеем внешне-политический рост Союза (признание Англией, Францией и т. д.); на лицо укрепление нашей промышленности (увеличение общей ее продукции за истекший год на 30%), сельского хозяйства (превышение на 19% продукции технических культур, при уменьшении на 6% производства зерна; расширение посевной площади; рост наличного скота и т. д.; увеличение товарной части крестьянской продукции); улучшение транспорта; проведение денежной реформы (которой предрекали гибель ликвидаторски настроенные «маловеры»); начало упорядоченного построения госбюджета (ликвидация эмиссионного налога и дефицитности, покрываемой этим налогом); рост государственной и кооперативной торговли и начало вытеснения частного купца не мерами административного воздействия, а мерами хозяйственной борьбы, т.-е., в первую голову, хозяйственной конкуренцией, а затем, на ее основе, плановым регулированием. Линия на под'ем обозначилась резко и отчетливо. Из этого основного факта нашей действительности и нужно исходить при анализе положения и при выработке нашей практическо-политической линии.

1. Хозяйственный под'ем и классовая расстановка.

Развязывание хозяйственных сил и процесс роста всего народного хозяйства проходят у нас в противоречивых формах и поэтому таит в себе опасности нового типа.

Мы не будем здесь говорить об опасности, вытекающей из роста частного капитала. Этот вопрос достаточно ясен и осознан всей партией. Гораздо меньше осознан другой вопрос: о непосредственном соотношении между госпромышленностью и крестьянским хозяйством, вопрос о рабочем и крестьянине, как социальных

носителей этих экономических категорий, вопрос об их союзе (но не «вообще», а именно теперь, именно в новых, складывающихся условиях). Здесь, прежде всего, следует отметить такие пункты:

1. Новая буржуазия не успела еще развиться настолько, чтобы обнаружить в сознании крестьян свой эксплуататорский характер. Госпромышленность и, в особенности, госторговля, в свою очередь, не успели еще настолько развиться, чтобы хозяйственно разоблачить новую буржуазию (т.-е. продавать всюду и везде дешевле частного предпринимателя, купца, лавочника). Поэтому, крестьянство не «проголосовало» еще за госторговлю и кооперацию против частного посредника. Здесь пока идет лишь борьба.

2. Соотношение между рабочим и крестьянином обнажилось, при чем пока момент противоположности часто превалирует (господствует) над моментом единства. В самом деле, где резче всего сказывается различие непосредственных интересов крестьянина и рабочего? В сфере борьбы за хлебные цены (когда рабочий продает, то сюда входит и борьба за цены на продукты промышленности). Различие непосредственных интересов, даже противоположность их, выступает, прежде всего, как противоположность интересов покупателя и продавца (ср., например, вопрос о «лимитах»).

3. Рост производительных сил есть рост товарности крестьянского хозяйства. Следовательно, именно отсюда вырастает осознание противоположности непосредственных интересов, осознание того, что разделяет оба класса, союз между которыми является необходимой предпосылкой всякого дальнейшего развития «на новых путях». Другими словами: рост народного хозяйства таит в себе возможность (вернее, определенный момент таковой возможности) раскола между трудовыми классами советского общества.

Итак: прежде трения внутри рабоче-крестьянского блока росли на фоне хозяйственного обнищания и имели свою форму (продразверстка и недовольство, связанное с нею, реквизиции и т. д.); теперь речь идет о недовольстве, связанном с хозяйственным укреплением, растущей товарностью крестьянского производства.

Как идеологически формулируется эта сторона дела (мы касаемся пока только экономики)?

Со стороны рабочих (не понимающих длительных и общих интересов и видящих только непосредственные интересы рабочего класса) мы наблюдаем такую цепь положений: политически мы укрепились, сдвинули промышленность (нашу) с мертвой точки, ведем борьбу за скорейшее накопление, за «диктатуру промышленности»; не нужно делать «уступок деревенщине». Нужно с нее брать, елико возможно больше, во славу пролетарской промышленности. Подлаживание к крестьянскому рынку есть народническая точка зрения и т. д.

Со стороны крестьянства идет противоположная тенденция: город нас обирает, рабочие мало работают, мы, крестьяне, кормим город и его рабочих; нужно немножко понаперетъ на рабочих, в первую очередь, путем дорогих хлебных цен (повторяем, мы оставляем пока без анализа политическую формулировку этого же явления).

Таким образом, обе стороны могут развивать тенденции к разрыву блока, к разрыву, который был бы губителен для обеих сторон. Само собой разумеется, что наибольшая опасность разрыва идет со стороны деревни. С другой стороны, наибольшая ответственность ложится на руководящую силу блока, т.-е. на рабочий класс.

2. Хозяйственная гегемония, как очередная задача дня.

В другом месте мы показали (см. наши статьи против Розы Люксембург и Туган-Барановского, в журнале «Под знаменем марксизма»), что теория независимости процесса капиталистического воспроизводства от потребительского рынка является сущим вздором. Но потребительский рынок нашей промышленности являлся в значительной мере крестьянским рынком, — этого не нужно упускать из виду. До войны 40% всей индустриальной продукции и 60% фабрикатов реализовалось на деревенском рынке (это, несмотря на то, что царизм осуществлял «экспансию капитала»!). Не следует позабывать также «мелочь»: ведь крушение царизма имело своей самой глубинной подосновой противоречие между развитием производительных сил и слабой емкостью внутреннего рынка, что царизм пытался компенсировать внешними завоеваниями. Тем, кто нашу политику величает «народнической», не мешало бы помнить эти азы марксизма в его применении к анализу социально-экономических противоречий царской империи. Упрек в «народничестве» или в «крестьянском уклоне» нелепы и теоретически. Ведь народники утверждали, что накопление невозможно вообще без «третьих лиц» (например, крестьян). Это положение неверно. Но с этим нельзя спутывать другого вопроса, а именно: если дана такая система экономических отношений, где промышленность уже работала на крестьянский рынок, где она не может быть вне связи с этим рынком, то промышленная коньюнктура, темп накопления и т. д. не может не зависеть от роста производительных сил сельского хозяйства. То обстоятельство, что пролетаризация крестьян-

ства создает тоже «внутренний рынок» для капитализма (это прекрасно было показано Лениным в «Развитии капитализма»), ни капли не опровергает этого положения, ибо пролетаризацию нужно отличать от простого обнищания (пауперизация), от равенства в нищете. Тип первого — Соединенные Штаты; тип второго — Ирландия, отчасти царская Россия, Индия. В связи с этим и находился быстрейший темп накопления капитала в Соединенных Штатах, медленный — в Ирландии. На относительном сужении внутреннего рынка крахнул царизм.

Между тем, этой простой истины многие не понимают до самого последнего времени, хотя это непонимание, эта прикладная гуган-барановщина, неизбежно должна оказаться душегубской политикой по отношению к народному хозяйству Союза и, политически, по отношению к советской власти *).

Тот, кто рассматривает проблему воспроизводства и соотношения между госпромышленностью и сельским хозяйством исключительно с точки зрения борьбы за высокие цены, т.-е. за дележ данного национального дохода, тот, — это заранее можно сказать, — никогда не сможет решить проблемы, ибо он не может даже правильно ее поставить.

Поскольку так ставят вопрос коммунисты, на лицо мы имеем, в лучшем случае, пережитки военного коммунизма, потребительско-распределительную точку зрения (дележ данного, уже произведенного, и полная беззаботность насчет будущего процесса воспроизводства), либо, в худшем случае, своеобразный трэд-юнионизм, цеховщину, которая блюдет узкие и непосредственные интересы рабочего класса и предает интересы общие, т.-е. коммунизм (об этом ниже).

Приглядимся к этой точке зрения. В чем ее основная ошибка? В том, что она не видит целого, она не видит всего народного хозяйства и поэтому не понимает взаимозависимости и взаимной обусловленности его частей. Другими словами: она не видит динамики хозяйства и наблюдает лишь за его статикой. Если бы задача исчерпывалась однократным дележом между крестьянами и рабочими раз навсегда данного прибавочного продукта, то «истинно-рабочая» политика состояла бы в том, чтобы получить максимальную долю из этого дохода. Но тогда не было бы ни вопроса о воспроизводстве, ни вопроса о движении к коммунизму, ни вопроса о блоке рабочих и крестьян.

Действительность диктует нам другие предпосылки, другие цели, другие задачи, другую линию.

---

*) См. напр. статью И. Жирковича: Емкость рынка и цены „Соц. Хоз-во", 1924, № 1, стр. 215 и след.

На плечах рабочего класса теперь лежит забота о народном хозяйстве, о процессе воспроизводства и об обеспечении этому процессу правильного (т.-е. коммунистического) маршрута. Не о дележе данного, с наибольшей выгодой, идет речь, а о повышении продукции и тем самым о постоянном повышении совокупного, подлежащего «дележу», прибавочного продукта.

Нелепая, узкая, цеховая, «промышленная» точка зрения, казалось бы, в достаточной степени раскроила себе череп на осеннем кризисе прошлого года. В самом деле, разве наши промышленные организации не пытались «для ради» наибольшей «выгоды» промышленности заграбастать возможно больше с деревенского потребителя? И что вышло? Получив раз и два очень много (на небольшом количестве проданного), они уперлись в тупик: рынок сжался, кризис сбыта схватил промышленность за горло, процесс воспроизводства застопорился. Стоило только нажать на цены, как оказалось, что: 1) промышленность стала развиваться гораздо быстрее, и спрос стал перегонять предложение; 2) что прибыли промышленности вовсе не исчезли; 3) что темп накопления возрос; 4) что одновременно стало быстрее расти сельское хозяйство, т.-е. 5) что в результате получился хозяйственный рост по всей линии.

А между тем, находились мудрецы, которые писали:

«Под'ем уровня цен продуктов сельского хозяйства... не расширит и не может расширить общей емкости рынка для продуктов индустриальной промышленности» *).

Теперь, ведь, совершенно ясно, в чем дело. Все искусство экономической политики состоит в том, чтобы заставить задвигаться («мобилизовать») факторы производства, которые лежат под спудом, «мертвым капиталом». В этом гвоздь, а вовсе не в дележе уже данного, как единственной задаче. Наоборот: самый «дележ», т.-е. проблему распределения, нужно подчинить интересам воспроизводства, ибо только тогда будет расти совокупный прибавочный продукт, и только тогда можно будет повышать жизненный уровень и рабочих, и крестьян.

Но нельзя мобилизовать скрытые запасы энергии, подрезывая внутренний рынок промышленности. Поэтому осенью прошлого года нужно было начать с понижения цен: иначе немыслимо было и «увеличить продукцию».

А ведь некоторые товарищи писали:

«Выход из создавшегося положения не в понижении цен, а в увеличении продукции **). Точно можно было «увеличить продукцию», не реализуя уже имеющейся! И здесь мы видим то же представление: люди не понимают, что часто весь вопрос заключается

---

*) Ibid стр. 221.

**) Султан Заде: Проблемы кризиса сбыта. Там же, стр. 212.

в том, чтобы мобилизовать, *привести в движение связанные элементы хозяйства*, обеспечить им влияние друг на друга, сделать возможным *их взаимодействие*, которое и будет иметь своим результатом рост производительных сил, следовательно, рост приб. продукта, следовательно, абсолютный рост «доль» при «дележе». В этом заключается, к слову сказать, изрядный процент смысла «новой экономической политики».

Интересно попутно отметить, что у нас *об'ективные условия оптимума воспроизводства совпадают с длительными интересами руководящего класса, пролетариата*. Этого *не было* до завоевания рабочим классом власти. До завоевания власти длительный и общий интерес рабочего класса состоял не в том, чтобы поддерживать единство общества и замазывать его противоречия, а в том, чтобы *разрушить* это общество. Вот почему все ламентации «сверхклассовых» теоретиков, вроде П. П. *Маслова* *), их призывы поддержать об'ективные интересы народного хозяйства, отказаться от классового своекорыстия, поддержать и обеспечить общественное единство и т. д., всегда и неизменно оказывались в условиях революционной эпохи пустой фразеологией оппортунистов. Совершенно иначе стоит вопрос для того периода, когда промышленность в руках рабочего класса, когда политический строй есть диктатура пролетариата и т. д. При *этих* предпосылках общий и длительный интерес пролетариата *совпадает* с условиями производства *максимума* продуктов на основе социализирующихся производственных отношений.

Поэтому принимать во внимание величину емкости крестьянского рынка, заботиться об увеличении этой емкости и проч., это не только не значит *отступать* от классовой позиции пролетариата: наоборот, это значит общие и длительные (т.-е. революционные) интересы его ставить на первый план и из них исходить. Кто поступает иначе, тот по сути дела защищает цеховую, оппортунистическую точку зрения, которая не только приводит к разрыву с крестьянством, но через некоторое время загоняет в тупик и развитие промышленности, которая неизбежно должна будет споткнуться, натолкнувшись на суженный крестьянский рынок.

Вопрос имеет и другую—тоже в высшей степени принципиальную — сторону. *Революционный* рабочий класс, осуществляющий диктатуру, вовсе не проповедует вечного царства *пролетариата*. Он ставит своей задачей *преодоление классов*. Другими словами: он все время ведет такую политику, что стремится поднять крестьянство *до себя*, его хозяйственно и культурно переработать, растворить—и *самому* растворить-

*) Ср. напр., П. Маслов: Мировая социальная проблема.

ся в безклассовом обществе. Конечно, это—«музыка будущего». Но *сюда* устремляются усилия революционного рабочего. Наоборот, *трэд-юнионист*, цеховик, оппортунист в условиях пролетарской диктатуры будет смотреть на крестьянское хозяйство лишь как на свой внутренний *колониальный рынок*, причем царство пролетариата, как *класса*, да будет вечным. *Такая* «точка зрения», разумеется, ничего общего с марксизмом и ленинизмом не имеет.

Возвратимся теперь к более *конкретной* постановке вопроса. Итак, рабочий класс должен обеспечить *взаимодействие* хозяйственных факторов и сил. Под этим углом зрения нужно рассматривать и отдельные задачи нашей экономической политики. Конечно, при всем этом речь может итти о таких мероприятиях, которые идут по линии относительного роста *социалистических* элементов хозяйственной системы. Развязывание противоположных сил рассматривается лишь, как *средство* (поэтому, напр., нельзя сдавать командных высот иностранному капиталу, *несмотря* на то, что производительные силы «вообще» от этого росли бы, при определенных условиях, даже быстрее).

Возьмем вопрос о *протекционизме* и ввозе иностранных товаров. Поставим, скажем, вопрос о ввозе *тракторов*.

Самым простым, «истинно-рабочим», «пролетарским», «диктаторско-промышленным» было бы, примерно, такое рассуждение: тракторов ввозить нельзя, ибо это губит наше тракторостроение, подрезывает развитие нашей собственной металлической промышленности. Дайте нам столько же денег и мы построим почти столько же тракторов. Если же вам дадут за границей кредит, то все же ввозить тракторов нельзя: нельзя губить в зародыше ваши тракторные заводы.

Правильна ли такая аргументация? Отнюдь нет. Ибо она *слишком* проста. А простота здесь, поистине, хуже воровства. Предположим, что реальный спрос на тракторы выражается в сумме 5.000 х. Предположим, что при данных возможностях госфинансирования наша собственная промышленность может дать только 1.000 х. Предположим далее, что заграница отпускает в кредит сколько угодно тракторов, во всяком случае не меньше недостающих 4.000 х. Можем ли мы их ввезти?

Конечно. Не только можем, но и должны. Ибо мы тем самым меняем весь темп развития хозяйства в целом, а, следовательно, и самой промышленности.

Что делает ввезенный трактор? Он *немедленно* увеличивает с.-хоз. продукцию. Это значит: увеличение емкости внутреннего рынка, увеличение спроса на продукты промышленности (и на средства потребления и на средства производства), повышение

с.-х. экспорта; тракторы сами создают спрос на ряд промышленных продуктов: на нефть, напр.; расширение спроса на нефть, в свою очередь, дает себя знать на целом ряде отраслей, связанных с нефтяным производством и т. д. Но, в конце концов, все это создает и добавочный спрос на тракторы. Ибо общий под'ем с.-хозяйства, экспорта и т. д. раздвигает все быстрее границы этого спроса. Совершенно нелепо представление о неизменном спросе и даже о неизменном темпе накопления. Другими словами: базис для домашнего тракторостроения отнюдь не уничтожается, и нужно во-время подтягиваться и бросать в оборот свою продукцию, как только раздвинутся границы производства. Тогда мало-по-малу будет понижаться и % ввозимых тракторов.

Если же достаточных кредитов для собственного тракторостроения нет, мы сами можем давать поэтому лишь небольшое количество тракторов, а ввозить тоже не ввозим из-за соображений о защите промышленности но всей «принципиальной» чистоте и «святой абстрактности», то тем самым мы замедляем общий темп накопления, а поэтому и темп развития социалистической промышленности, в том числе, как это ни странно на первый взгляд, и социалистического тракторостроения.

Ошибочность такой политики опять-таки опирается на непонимание того факта, что развитие промышленности—есть функция развития всего народного хозяйства, что обе части народного хозяйства находятся во взаимодействии и взаимно оплодотворяют друг друга.

Из всего вышеизложенного вытекает, что необходима хозяйственная гегемония советского государства. Только тогда можно будет парализовать и начисто уничтожить трения между рабочим классом и крестьянством, вытекающие из-за обнаженности вопроса о ценах, когда станут видны и крестьянству выгоды более быстрого развития: 1) процесс удешевления цен на продукты промышленности и возрастающее насыщение крестьянского рынка; 2) появление на крестьянском рынке квалифицированных средств сельскохозяйственного производства; 3) инициатива советского государства во всех культурно-экономических вопросах современной деревенской жизни. Эту задачу нужно поставить. Эту задачу нужно решить.

3. Экономика и политика в текущий момент.

Если хозяйственная гегемония рабочего класса будет обеспечена, то, несомненно, будет обеспечена и его политическая гегемония, т. е. его диктатура в советском обществе.

Трения, которые мы анализировали при разборе чисто-экономических отношений, получают и свое политическое выражение.

В каких формах? И что подкрепляет эту политическую трещину, которая кое-где, как симптом, намечается теперь?

Будем помнить, что нужно иметь в виду и здесь то особое, что отличает именно эту «трещинку» от тех, которые были и раньше, которые замазывались ходом общей борьбы. Новое и здесь — рост. В данном случае речь идет о росте политической активности, о тяге к организации, о растущей самодеятельности среди крестьянства всех категорий: и среди кулаков, и среди середняков, и среди культурно выросшей, хотя и страдающей от перенаселения в деревне, бедноты.

Плохая хозяйственная смычка и отсутствие хозяйственной гегемонии пролетариата приводит иногда к желанию эмансипироваться от руководящей роли коммунистов и коммунистических советов, к требованию особых организаций против них, или для их «исправления» и т. д. Возникает и мысль о «несправедливости» руководящей роли пролетариата, пролетарского города и т. д., которые «утесняют» крестьянское большинство. Само-собой понятно, что застрельщиком такой идеологии, а равно и соответствующих действий, ежели они бывают, является кулак, деревенский ростовщик и т. д. Он действительно утеснен невозможностью земельной спекуляции, кодексом законов о труде и другими безбожными вещами. Но в своей агитации он опирается на недовольство ценами, что касается всего крестьянства. Он опирается и на устарелость методов и приемов нашего хозяйственного и политического администрирования, которые уже не соответствуют теперешним экономическим отношениям, не могут быть «формами развития».

Что экономика наша растет, усложняется, развивается, словом, движется — этого, кажется, никто не оспаривает. Однако, нередко позабывают, что политика, это — «надстройка» над экономическим базисом, и что она не может стоять на месте, когда под ней «все течет, все изменяется».

Из этого вовсе не следует, что должно измениться классовое содержание власти, как то пророчат бесперечь все сороки меньшевизма, эсеровства, нео-меньшевизма и нео-эсеровства, купно с врангелевцами, Милюковыми и прочими «демократами». Меньшевистский quasi-марксизм опирается на перспективу «неизбежной» победы капитала в экономике страны. Для такого прогноза у нас нет, поистине, никаких оснований. Поэтому нам нечего бояться меньшевистских кликуш.

Но в пределах данного классового господства совершенно неизбежно изменение форм и методов этого господства. Это мы видели уже на переходе от военного коммунизма к новой экономической политике. Разве не изменились методы и формы управления? Разве «ВЧК» не сменилась «ГПУ»? Разве не разда-

лись голоса о «советской законности»? Разве с тех пор не выросла целая система норм «советского права»? Если диктатура определяется в своем узком значении, как власть, не связанная никаким формальным законом, то диктатура советов все же оказалась «связанной» своими же законами. Иначе и не могло быть. Ибо формы диктатуры, соответствовавшие осадной экономике, реквизициям, продразверстке, гражданской войне, оказались несоответствующими, противоречащими новому периоду, когда была «всерьез и надолго» провозглашена «новая экономическая политика».

Что же нужно теперь? Форсированная «нормализация» советского режима — во-первых.

Роль хозяйственных стимулов, хозяйственного предвидения, хозяйственного расчета будет все время повышаться в той мере, в какой крестьянин будет переходить (а он сейчас прямо бежит по этому пути) от потребительски-натурального к производящему товарному хозяйству. Всякий элемент административного произвола, «маленьких недостатков механизма», волокиты, неразработанности и нелепости административных распоряжений и т. д. будет все больнее ощущаться крестьянином, который все рациональнее относится к хозяйственным вопросам. Остатки методов военного коммунизма приходят тут в противоречие с потребностями развития крестьянского хозяйства. И это противоречие необходимо устранить. Крестьянин должен иметь перед собой советский порядок, советское право, советский закон, а не советский произвол, умеряемый «бюро жалоб», неизвестно где обретающимся. Нужно раз навсегда понять и усвоить, что административное дерганье вверху отражается внизу серьезными хозяйственными катастрофами. И чем больше упорядочивается хозяйственная жизнь вообще, тем острее чувствуется всякое произвольное вмешательство, идущее вразрез с действующей системой советских норм. «Порядок» — должен стать решительно на место «произвола».

В связи с этим стоит и проблема втягиванья в работу крестьян, в особенности поскольку речь идет о работе советов. Методы управления «ревкомами» или «парт'ячейками» были пригодны в военный период. Теперь на этом далеко не уедешь. Нужна и внизу такая форма управления, которая обеспечивала бы точную разработку общих норм применительно к местным условиям; которая обеспечивала бы прощупывание настроения, нужд, жалоб, потребностей наиболее широких кругов крестьянства; которая бы способствовала вовлечению наиболее активных элементов в советскую работу, перекладывала бы на них частицу ответственности за управление государством, воспитывала бы их на опыте местных дел и местных нужд к роли управления государством и втягивала бы их в обсуждение все более широких проблем хозяйственного и политического строительства. А всего этого можно достигнуть только при оживлении уездных, волостных и сельских советов, которые должны стать маленькими трудовыми «парламентами», действительно прорабатывающими вопрос. Разумеется, проведение этой политики требует больших затрат энергии на «убеждение», большей работы. Но только так можно и должно подходить сейчас нашим партийным организациям к деревенской работе.

* * *

Таковы главные линии стоящих на очереди дня проблем. Следовало бы остановиться еще на «культурной» работе в узком смысле этого слова. Но об этом мы уже писали в нашем журнале раньше. Скажем лишь, что растущая активность масс в деревне властно требует от нас занятия всех идеологических командных высот. Без этого мы можем быть обойдены с тыла кулаком или анти-советским интеллигентом.

Партия должна взять решительную линию на укрепление союза рабочих и крестьян. И в новой обстановке нам нужно действовать новыми методами, пролагая им путь по всем главным линиям нашей общественной жизни.

И. Краваль.

Проблема металла.

„(Мы знаем, что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,—этого еще мало,— не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,—этого тоже еще „мало— нам необходима также тяжелая индустрия... Мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна").

(См. Ленин. Реч на IV конг. Комм. Интернационала).

Металлопромышленность — одна из основных отраслей народного хозяйства, развитие или упадок которой является одним из основных показателей роста или упадка народного хозяйства в целом.

Самое важное и основное при этом то, что развитие металлопромышленности означает собой, прежде всего, усиление накопления, в первую очередь основного капитала страны, потому что главная масса ее продукции идет не на удовлетворение нужд непосредственного «потребления», а для изготовления орудий и средств производства, для развития транспорта, разных видов строительных работ и т. д.

Темп восстановления основного капитала во всех отраслях промышленности, кроме целого ряда других условий, будет в очень значительной степени зависеть также и от того, в какой мере металлопромышленность будет в состоянии удовлетворять этот все возрастающий спрос. Быстрое развертывание производства продуктов массового потребления невозможно без еще более быстрого расширения производства средств производства. Быстрый под'ем производительности труда во всех отраслях промышленности в очень значительной степени будет зависеть от темпа восстановления металлопромышленности—как поставщика все более и более усовершенствованных орудий производства. История развития целого ряда капиталистических стран говорит нам о том, что наряду с ростом производства предметов массового потребления еще более быстрым темпом идет рост производства средств производства. Так, например, данные, относящиеся к 2-м переписям германской промышленности, дают следующую картину по Пруссии *):

*) См. Металлопромышленность республики и ее нужды изд. Гумп, с. 12.

	Число занятых лиц в тысячах.		Увеличение в процентах.
	1896 г.	1907 г.	
Горное дело	458,5	736,4	60,6
Обработка металлов	383,9	573,4	49,3
Приготовление машин и инструментов	329,4	655,8	99,1
Химическая промышленность	66,7	106,0	59,0
Строительная промышленность . . .	596,7	919,7	54,1
Текстильная промышленность	441,9	445,5	0,8
Обработка пищев. веществ	586,4	706,7	20,5

В то время, как число рабочих увеличилось в текстильной промышленности на 0,8%, число рабочих, занятых приготовлением машин и инструментов, увеличилось на 99,1%; таково расстояние между текстильной и машиностроительной промышленностью, обусловившее в дальнейшем очень быстрый рост выпуска продукции на одного занятого рабочего наряду с текстильной промышленностью также и во всех остальных отраслях промышленности. Удивительно ли поэтому, что американские станко-строительные заводы увеличили свою продукцию с 32 милл. долларов в 1914 г. до 212 милл. долларов в 1919 г.

Если столь большое значение играет металлопромышленность в капиталистических странах, то еще большее значение должно быть ей отведено в Советской России.

Нельзя упускать из виду, что и в довоенное время, несмотря на сравнительно быстрое развитие русской промышленности в последнее десятилетие перед войной, она все же не справлялась с пред'являемым к ней требованием, и рынок пополнялся в значительном количестве иностранным ввозом. Так, например, в 1911 году ввезено было готовых изделий разного рода на 390 милл. руб., сырых и полуобработанных материалов на 553.143 тыс. руб., а всего ввезено было товаров на 1.161.682 тыс. рублей *).

И все-таки и быстрым темпом развивающаяся русская промышленность (в значительной степени за счет иностранных капиталов) и значительный иностранный ввоз лишь в весьма малой степени удовлетворяли потребности страны в изделиях промышленности, что наглядно видно при сравнении нашего потребления с потреблением наиболее передовых стран **).

Возьмем для иллюстрации несколько наиболее характерных цифр потребления на душу населения в 1911 г.

*) См. Статистический ежегодник на 1911 г. под редакцией Шараго стр. 774

**) стр. 719—21 кроме данных за 1923—24 г.г.

	Россия.		Соед. Шт.	Германия.	Англия.
	1911	1923—24	1911		
Чугун (пуд.)	1,34	0,29	18,4	13,4	9,2
Медь (фунт.)	0,44	0,05	14,9	8,0	18,5
Камен. уголь (пуд.)	13,5	7,02	318,3	205,4	284,5
Сахар (фун.)	17,2	6,9	84,0	46,3	101,7
Хлопок	5,6	2,24	27,4	16,2	46,6

Из этой таблицы мы видим, что потребление на душу населения чугуна в 1923—24 г. даже в сравнении с 1911 г. упало в 4,6 раза, потребление меди, почти в 9 раз и т. д. Эта таблица говорит о том, что, несмотря на значительный хозяйственный под'ем, который мы имеем в течение последних лет, мы все-таки страшно бедны, что производительность труда у нас страшно низка, что процесс восстановления средств производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, происходит страшно медленно. Мы в настоящее время потребляем чугуна в 61 раз меньше, чем потребляли Сев.-Амер. Соед. Штаты в 1911 году, за этот промежуток времени далеко шагнувшие вперед.

Между тем, перед нашим С.С.С.Р стоит задача не простой замены устарелого, изношенного и в значительной степени разрушенного оборудования — аналогичным ему — новым, а полная реконструкция хозяйства нашего Союза на основе электрификации промышленности и сельского хозяйства, которая станет возможной только при условии достаточного развития металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Электрификация, кроме постройки крупных районных электрических станций, дающих дешевую и удобную энергию, требует также и приспособления оборудования к ее потреблению, что потребует значительного расширения металлопромышленности.

Перед нашей металлопромышленностью стоят задачи гораздо более грандиозные и заманчивые, но и гораздо более трудные, чем перед металлопромышленностью любой из капиталистических стран.

Наша металлопромышленность обязана вывести наше сельское хозяйство из того положения, в каком оно находилось в смысле снабжения с.-х. инвентарем при самодержавном правительстве, когда «сох и косуль в Великороссии насчитывалось 59,3% общеимперского количества, деревянные бороны с деревянными же зубьями также многочисленны в северной полосе, где в некоторых губерниях они составляют 70% этих зарегистрированных почворазрыхляющих орудий» *).

*) См. Измайловская. Русское сельско-хоз. машиностроение изд. ВСНХ. 1920 г.

Можно сказать с полной уверенностью, что от быстроты ликвидации этих допотопных орудий обработки земли будет в очень значительной степени зависеть темп под'ема нашего сельского хозяйства, а, следовательно, и нашей промышленности, поскольку спросом со стороны сельского хозяйства на продукты промышленности в очень значительной степени определяются возможности для развертывания последней, не говоря уже о том, что сельское хозяйство является основным поставщиком сырья для нашей промышленности. Поскольку же наши предприятия по сельско-хозяйственному машиностроению не в состоянии, в силу финансовых и др. затруднений, справиться полностью с задачей снабжения сельского хозяйства достаточным количеством орудий производства по доступным для крестьянина ценам, постольку совершенно несомненно встанет вопрос об экономической целесообразности ввоза достаточного количества сельско-хозяйственных машин из-за границы, потому что всякая искусственная задержка под'ема сельского хозяйства является в то же время и тормазом для развертывания нашей промышленности *).

После того, как вопрос о снабжении нашей промышленности и транспорта достаточным количеством топлива разрешен в положительном смысле, вопрос о развитии производства черного металла (чугуна, железа, стали) становится вопросом первоочередной важности, потому что без железа немыслимо восстановление в сколько-нибудь широком размере ни одной отрасли народного хозяйства. Нет такой отрасли народного хозяйства, которая в большей или меньшей степени не нуждалась бы в металле. Без расширения производства железа и стали, невозможно развитие металлообрабатывающей промышленности и, в частности, электротехнической. Представители всех отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства вынуждены обращаться к металлопромышленности для восстановления своего оборудования. Отсюда ясно, что «только при мощном развитии машиностроения для создания новых средств производства можно говорить о дальнейшем расширении производительности других отраслей народного хозяйства» **).

Если мы сами не справимся со снабжением сельского хозяйства нашего Союза металлом в достаточном количестве, то мы вынуждены будем этот металл ввозить из-за границы. Ибо, если без значительного потребления металла не может существовать ни одна сколько-нибудь развитая в культурном отношении страна, то тем более не сможет существовать страна, ставящая своей задачей реконструкцию всего народного хозяйства, в целях коммунистического строительства. «Металл—это основа современной культуры и промышленности во всех видах и отраслях ***).

При отсутствии своей развернутой металлопромышленности может быть поставлена под сомнение возможность самостоятельного экономического и политического существования страны, поскольку металлопромышленность является не только основой для хозяйственного развития страны, но и основой обороноспособности страны.

*) См. Н. Бухарин. Наш рост и проблема хозяйственного блока. „Большевик“ № 14.
**) См. План электрофикации РСФСР, изд. ВСНХ, стр. 171.
***) См. Металлопромышленность республики и ее нужды, стр. 6.

Те же, кто будет поставщиком для страны металла, не могут не стать постепенно хозяевами и других отраслей народного хозяйства, поскольку все отрасли промышленности основываются на широком применении машин и металла.

Поэтому проблема развертывания нашей советской металлопромышленности должна стать центральной проблемой нашего хозяйственного строительства, и максимум усилий рабочего класса и нашей партии должен быть направлен на разрешение этой первоочередной важности задачи.

* * *

Наша металлургическая промышленность, больше всего пострадавшая в результате гражданской войны, в течение последних четырех лет пережила значительный восстановительный процесс, что видно из следующей таблицы (в тысячах пудов) *):

	Чугун.	% к 1920/21 г.	Сталь.	% к 1920 г.	Прокат.	% к 1921 г.
Производство в 1913 г. **)	256.837		259.268		214.220	
„ „ 1920/21 г.	7.060	100	10.534	100	9.324	100
„ „ 1921/22 г.	10.389	147	19.368	184	15.642	168
„ „ 1922/23 г.	18.333	260	36 355	345	28.182	302
„ „ 1923/24 г.	39.888	535	60.650	545	41.776	448
Программа на 1924/25 г.	59.681	845	81.568	774	58.094	623
% выпуска 23/24 г. к 1913 г.	15,4		24,1		19,5	
% програм. 24/25 г. к 1913 г.	23,2		32		27	

Таким образом, мы видим, что, несмотря на то, что, в сравнении с 1920—21 г. наша металлургия увеличила свою продукцию в 1923—24 г. по чугуну в 5,6 раз, по стали в 5,4 раз и по прокату в 4,5 раз, все же к началу 1924—52 опер. года мы достигли по чугуну всего 15%, по стали 24,1% и по прокату 19,6% довоенного производства в границах С.С.С.Р. Если же принять во внимание колоссальную отсталость русской металлургической промышленности в сравнении с западно-европейской и в довоенное время, о чем свидетельствует вышеприведенная таблица потребления чугуна на душу населения, то картина будет еще менее отрадной.

Эти цифры говорят о том, что, несмотря на очень значительный темп восстановления нашей металлургической промышленности, общий об'ем ее производства еще незначителен по сравнению с 1913 г., и современный уровень ее производства не в состоянии удовлетворить насущных нужд страны в металле.

*) Данные центрального отдела статистики ВСНХ и Главметалла.

**) В границах нынешнего СССР. См. Технико-эконом. Вестник ст. т. Жданова. Металлургическая промышленность России в 1922—23 г.г.

Другим значительным достижением в области металлопромышленности является то значительное удешевление металла, которое произошло в течение последнего оперативного года. Так, вместо предполагаемого коэффициента вздорожания 2,03, достигнут 1,74, а на 1924—25 год предвидится 1,51. Отпускная цена чугуна доведена с 1 руб. 50 коп. за пуд до 95 коп. на 1/X 1924 г. Столь же значительное снижение цен мы имеем и на другие металлоизделия. Но нельзя упускать из виду, что если снижение цен значительно способствует более полному удовлетворению страны в металле, расширяя спрос, то, с другой стороны, это и дальнейшее снижение цен будет безболезненным только при условии углубления кампании по поднятию производительности труда, рационализации производства и самой решительной и систематической *борьбы за снижение всех элеметов себестоимости*.

На снижение цен массовый крестьянский рынок ответил таким увеличением спроса на ходовые товары, что к концу операционного года начал сказываться значительный недостаток товаров, что заставляет наши металлотресты обратить внимание на увеличение производства за счет предметов широкого потребления.

В дальнейшем снижении себестоимости следует видеть лучшую гарантию продвижения металоизделий к потребителю, что должно, безусловно, благотворно отразиться на хозяйстве всего Союза С. С. Р., сузившего свои потребности в металле до катастрофически ничтожных размеров.

В качестве третьего достижения металлопромышленности в истекшем году следует отметить также расширение роли широкого рынка, в качестве потребителя металлопродукции, с 8% в 22—23 г. до 15,3% в 1923—24 г., за счет уменьшения значения госзаказчиков. Роль госзаказчиков (промышленность, госторговля, коммунхозяйства, НКПС и т. д.) упала с 92% в 1922—23 г. до 84,7% в 1923—24 г. Но усиление продажи госорганам, не состоящим на госбюджете, и на широкий рынок потребовала все более и более усиливающегося кредитования металлопромышленностью всех потребителей.

Так, например:

В I квартале 1923—24 опер. г. % векселей составлял 29% и наличность 71%
Во II „ „ „ „ „ „ „ 47 „ „ „ 53 „
В III „ „ „ „ „ „ „ 52 „ „ „ 48 „
В IV „ „ „ „ „ „ „ 51 „ „ „ 49 „

Причем сроки векселей также удлинялись, если в 1 квартале все 100% были краткосрочными (2—4 мес.), то в IV Югосталь имеет уже 40% долгосрочных (4—9 мес.), Гомза — 73% и т. д. Все это неизбежно вызывает финансовое напряжение металлопромышленности и требует для бесперебойной работы усиления планомерного кредитования металлопромышленности со стороны наших банков.

* * *

Программа по всей металлопромышленности намечается в тысячах довоенных рублях на 1924—25 год в следующем виде:

ОТРАСЛИ.	Выпуск 1923/24 г.	Программа 1924/25 г.	Увеличение в %.
Металлургия черного металла	78 349	115.643	48%
Металлургия красного металла	24.857	41.779	68%
Машиностроение	62.890	96.728	56%
Сельско-хозяйствен. машиностроение	13.410	29.586	121%
Металл. изделия	9.337	11.666	25%
Судостроение	6.231	6.923	11%
Прочие	1.675	1.306	—
ИТОГО	195.386	304.064	54%

При этом, при полном выполнении этой программы, выпуск чугуна достигает всего 23,2%, стали 32% и проката 27% от выпуска 1913 года в рамках нынешнего С. С. С. Р.

Кроме того, если взять средний годовой прирост производства металла за последние пять лет перед войной и предполагаемый прирост на 1924—25 г. (в пудах), то мы увидим, что по чугуну это составит 92%, по стали 98% и по прокатным изделиям 77% от довоенного прироста, и это, несмотря на то, что уже, начиная с 1915 года, мы не имели процесса нормального восстановления основного оборудования ни в одной из основных отраслей нашего народного хозяйства.

Совершенно несомненно, что страна, в течение последнего десятка лет не имевшая возможности удовлетворить свои потребности в металле, могла бы потребовать металла значительно большее количество. Лучшим доказательством тому может служить усиленный рост спроса на металл в течение последнего года, как со стороны города, так и деревни. Развертывающееся производство не в состоянии было удовлетворить еще более быстрым темпом возрастающий спрос на металлоизделия.

Исходя из размеров этой программы, на 1924—25 г. намечены значительные технические достижения. Для выполнения этой программы понадобится увеличение числа рабочих с 194.793 до 219.642, или на 13%, при том же количестве служащих и при росте продукции на 54%.

Средний выпуск изделий на одного рабочего предполагается увеличить с 1.006 рублей до 1.374 руб., или на 36%, по всей металлопромышленности. По металлургии черных металлов вместо 897 рублей отчетных в 1923—24 г. предполагается выпуск на 1 рабочего в год в 1.201 рубль, увеличение на 34%. По общему машиностроению увеличение продукции с 806 рублей в 1923—24 г. до 1.140 рублей в 1924—25 году, или на 40%, по судостроению увеличение выпуска на 15% и т. д. Среднее увеличение выпуска на одного рабочего по всей металлопромышленности 1.010 руб. до 1.390 или на 37%.

Кроме того, при увеличении программы металлопромышленности на 54%, в сравнении с 1923—24 г., расход условного (700 кал.) топлива предполагается увеличить всего на 10%, против 1923—24 года. Таким образом, расход топлива в новом операционном году на единицу изделий должен будет составлять всего 61% от расхода в истекшем году.

Само собой разумеется, что все эти технические измерители окажутся реальными, при условии не снижения размеров производства, планового и бесперебойного кредитования и дальнейшего углубления кампании по поднятию производительности труда. Всякий пересмотр программы в сторону ее сокращения вызывает ухудшение перспектив в смысле снижения себестоимости и улучшения технических результатов.

А увеличение себестоимости, при условии отказа от увеличения отпускных цен, с неизбежностью приведет к необходимости увеличения дотации металлопромышленности со стороны государства, что ни с какой точки зрения нельзя признать целесообразным.

Первенствующее значение для судеб нашей промышленности в течение ближайших лет будет иметь вопрос о заказах со стороны госпотребителей и кредитовании.

Наша металлопромышленность, так же, как и металлопромышленность любой другой страны, не может опираться в своих расчетах только на рынок массового потребления. Овладение этим рынком есть решение только части программы. Не в меньшей, а в еще большей степени, судьбы нашей металлопромышленности зависят от заказов со стороны остальной промышленности и транспорта.

1924—25 год является первым годом, когда транспорт, ставший бездефицитным, сможет, независимо от государственной дотации, дать металлопромышленности значительный заказ. Этот заказ по программе на 1924—25 год определяется в 118 миллионов червонных рублей. Аналогичный расход министерства путей сообщения в довоенное время составлял около 200 миллионов рублей. Следовательно, если принять во внимание, что длина эксплоатируемых путей сейчас не меньше, а больше довоенного, и что транспорт, начиная с 1915 года не производил значительного обновления рельс, мостов и сооружений, нельзя не признать эту сумму затрат необходимой в интересах самого же транспорта. Эта сумма НКПС должна быть из своего бюджета выделена и, главное, своевременно, по мере выполнения заказов, выплачиваема.

Потому что нельзя признать нормальным такое положение, когда несвоевременная оплата заказов приводит к необходимости задерживать оплату труда на 1—2, а иногда и 3 месяца, и тем срывает возможность увеличения производительности труда, а, следовательно, и снижения себестоимости.

Из необходимости удовлетворения минимальных потребностей народного хозяйства в металле и учитывая платежеспособность потребителей, исходит программа по металлопромышленности и в своих расчетах на заказы со стороны отдельных потребителей (промышленность, коммунальное хозяйство, сельское хозяйство и широкий рынок).

Не менее важное значение для ближайших перспектив нашей металлопромышленности имеет и вопрос о кредитах. Такую форму

кредитования металлопромышленности, при которой целый ряд трестов производил расширение производства за счет систематической задержки в выплате зарплаты нельзя признать целесообразной ни с точки зрения чисто экономической, ни, тем более, с точки зрения политической. Такой кредит экономически страшно невыгоден, потому что он приводит к колоссальному понижению производительности труда и дезорганизации производства, а политически он приводит к обострению взаимоотношений между рабочим классом и хозяйственниками, что тоже отнюдь не может содействовать нормальному ходу производства.

Поэтому, исходя из необходимости пополнения оборотных средств металлопромышленности до уровня, необходимого для выполнения производственной программы, а также учитывая необходимость скорейшей ликвидации задолженности по зарплате. Высшая правительственная комиссия по металлопромышленности считает для этого необходимым увеличение кредитов в 1924—25 операционном году на 46 миллионов*), доведя до 81 миллиона рублей, вместе с имеющейся уже задолженностью банкам в 35 миллионов рублей (не считая кредитования сельско-хозяйственного машиностроения). Ибо недостаточность оборотных средств, как показывает опыт, приводит к задержкам в снабжении сырьем, инструментами и другими вспомогательными материалами, что приводит к простою, как оборудования, так и рабочей силы, и ложится значительным расходом на единицу изделия.

Но, с другой стороны, наряду с необходимостью налаживания планового и достаточного кредитования металлопромышленности, следует об'явить решительную борьбу «стихийщине», которая процветает на местах, когда целый ряд трестов производят не предусмотренное программой расширение производства и ремонт оборудования и ставят высшие правительственные органы перед необходимостью оказания новых кредитов и дотации, непредусмотренных бюджетом. Это дезорганизует не только плановую работу треста, но и возможность планового ведения всего хозяйства. Государство же, поставленное перед фактом задержки выплаты заработной платы рабочим, вынуждено оказывать срочную помощь тому или другому тресту, за счет сокращения расходов по другим статьям, иногда даже более важным в данный момент.

* * *

Резюмируя все вышеизложенное, можно притти к следующему выводу:

I. Металлопромышленность за последние годы пережила значительный восстановительный процесс и достигла значительных успехов в смысле удешевления производства.

II. Металлопромышленность стоит на верном пути расширения производства предметов массового потребления и ориентируясь на завоевание широкого рынка (увеличение производства с.-х. машин в 2,2 раза и т. д.).

III. Дальнейшее движение вперед возможно лишь при самом бережном и вдумчивом отношении к нуждам металлопромышленности. В первую очередь необходимо создание таких условий, при которых металлопромышленность, перед которой стоят крупнейшие организационные задачи, по поднятию и удешевлению производства, была бы избавлена от обязанности тратить силы и энергию на вырывание средств, принадлежащих ей по праву, за выполненные заказы или по утвержденным правительством ассигновкам. Урегулирование отношений с госбюджетными заказчиками в сторону выполнения последними договорных обязательств, сыграет большую роль в деле снижения себестоимости столь необходимого С. С. С. Р. металла.

*) См. Экономическая Жизнь № 316 от 22 октября.

IV. Для дальнейшего развития металлопромышленности необходимо обеспечение оборотными средствами, путем планомерного кредитования, и усиления ее основного капитала, за счет дотации, для капитальных затрат, организации текстильного машиностроения и т. д.

V. Необходимо углубление кампании по поднятию производительности труда и снижению норм расходования сырья, топлива и вспомогательных материалов.

VI. Необходимо об'явить решительную борьбу всякому «стихийному», выходящему за рамки принятых программ, расширению производства, дезорганизующему нормальный ход производства.

VII. Только при условии коллективной работы над разрешением проблемы металлопромышленности, не только со стороны всех хозяйственных, партийных и профессиональных организаций, но и всех рабочих металлистов, можно сказать с полной уверенностью, что уже в течение текущего хозяйственного года границы, намеченные программой, в смысле технических достижений и снижения себестоимости, будут превзойдены и этим будет создана финансовая база для дальнейшего, еще более быстрого, развертывания металлопромышленности. Мы ни на одну минуту не должны упускать из виду, что без ее развертывания мы не только не сможем построить коммунистического общества, но что без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна, на что совершенно своевременно указал Владимир Ильич в одной из последних своих речей (см. речь на IV конгрессе Коминтерна).

Д. Марецкий.

Юбилей трупа непогребенного.

(К семидесятилетию со дня рождения Карла Каутского).

Имя Каутского известно каждому политически-грамотному гражданину СССР. Имя это покрыто черным ореолом измены, имя это пробуждает чувство острой ненависти и жгучего презрения со стороны всякого революционера и занесено оно не на мраморные скрижали пламенных борцов за пролетарское дело, но на позорную доску заклятых врагов его. Интернационал социалистических союзников фашизма, II Интернационал, печально знаменитой звездой которого был и является до сих пор Карл Каутский, с помпой отпраздновал недавно его семидесятилетний юбилей, а берлинские остатки русского меньшевизма паточными устами Ф. Дана пропищали многолетие своему дорогому «Карлу Ивановичу». Революционный пролетариат мира, с отвращением пройдя мимо этой сцены, столь трогательно умиляющей Данов и Черновых, все же скажет Каутскому свое бичующее слово и даст ему свою суровую оценку. Каутский, как вождь, давным давно умер для революционного пролетариата. Но как отступник пролетарского лагеря, Каутский для него больше чем просто свихнувшийся на старости лет «Карл Иванович». Каутский персонифицирует собой международное социал-предательство, он—классическое воплощение последнего, законченный тип ренегата. Поэтому можно и должно выделить Каутского из сонма наших неприятелей и сказать о нем то, что он заслуживает.

I. Каутский прошлого и Каутский закатного десятилетия (1914—1924).

Пролетариату незачем замалчивать заслуги Каутского в прошлом. Заслуги эти навсегда останутся заслугами. В течение десятков лет Каутский служил главным рупором международной социалистической пропаганды. Он был бесспорно идейным гегемоном в интернациональном рабочем движении на перевале обоих столетий. Неспроста некоторые нервные журналисты из буржуазного стана патетически величали его «великим инквизитором» от марксизма. Пролетариат нашего Союза, так ненавидящий нынешнего Каутского, уже тем воздает его прошлому, что в десятках тысяч экземпляров печатает его произведения, по которым учится наша советская молодежь, и еще существует вопрос, где больше читаются работы Каутского — в Германии или в России, упоминание о некультурности и безграмотности которой в пасквилях самого Каутского, стало своего рода знаком препинания.

Начало оппортунизма у Каутского принято относить к началу мировой войны. Обычно представляют себе дело таким образом, как-будто четвертое августа 1914 года стало роковой гранью для Каутского, произвело в нем психологический переворот, как-будто до об'явления войны он был чистым марксистским голубем и лишь кровавый Марс его оппортунистически попутал. Это не так. Никаким таким метафизическим волшебным ковром-самолетом, на котором Каутский мог бы мгновенно перенестись из храма марксистского целомудрия в дремучие леса ревизионизма, история его не снабдила. День 4-го августа для Каутского, как и для многих других, был лишь эффектным днем реформистского преображения. В действительности же измена Каутского имела длительную историческую подготовку: и еще задолго до войны не одна тропа вела Каутского в дебри военного и послевоенного оппортунизма. Напомним здесь про его ошибки в полемике с анархистами. Напомним про его сомнительное опровержение бернштейниады, про его фактическую сдачу позиций в вопросе о теории обнищания. Напомним, наконец, что еще в 1889, т.-е. целых 35 лет тому назад, Каутский совершенно недвусмысленно выдвигал теорию внеклассового государства, по которой государственная власть является не политическим инструментом господствующего класса, но особой надклассовой силой, наделенной самодовлеющим бытием, и как таковой парящей в социальной среде. Можно было бы привести и ряд других «уклонов» из самых разнообразных областей «до-военной» идеологии Каутского *). Весьма характерно, что Каутский всегда плохо разбирался в проблемах партийного руководства и недооценивал перспектив внутрипартийной борьбы. Рассказывают, между прочим, что когда Каутскому прежде приходилось сталкиваться с борьбой между большевистским ЦК и меньшевистским О.К., он беспомощно разводил руками и говаривал лишь: «Sie haben Z.K., O.K. und Gott weiss noch welche K.» (у вас ЦК, ОК и бог весть еще какие К.»). О том, что меньшевистская ОКа через несколько лет будет готовить вооруженные заговоры против «ЦК», Каутскому не могло тогда и грезиться. Зевес II Интернационала любил себя ставить выше партийно-эмигрантских дрязг. Что эти «дрязги», что жестокие внутрипартийные битвы являются неизбежным мучительным этапом в историческом процессе отбора, революционного откристаллизовывания кадров подлинной пролетарской партии, Каутский не понимал еще задолго до своего старческого «заката».

Мы видим, таким образом, что семена оппортунизма были заложены в воззрениях Каутского очень давно, и что период кровавой катастрофы 1914 года принес с собой лишь пышные всходы. Год величайшего исторического экзамена, на котором с таким треском провалилась международная социал-демократия, сделали

*) Уклоны имеются даже в высокой сфере философии. Чтобы не ходить далеко расскажем про один маленький курьез. Редакция теоретического органа германской с. демократии „Die Gesellschaft“ („Общество“) выпустило к юбилею Каутского специальный посвященный ему номер. В этом номере профессор Карл Форлендер, прославившийся своим неудачным „этическим“ сводничеством Маркса с Кантом, в статье „Каутский как философ“ (что само по себе звучит гордо!) открывает задним числом у Каутского ревизионистские взгляды. Форлендер утверждает, что в известной „Этике и материалистическое понимание истории“ в решении проблемы связи между причинностью и телеологией Каутский приближается к неокантианской трактовке. Насколько в настоящее время юбиляру „философу“ приятны такие неокантианские комплементы, судить не беремся.

лишь явным то, что было раньше скрыто, то, что дремало в потенциях, и то, что можно было обнаружить только под специальной лупой острого социологического анализа. И только в таком условном смысле оппортунистическим в биографии Каутского позволительно считать лишь хронологический отрезок истории с 1914 года по сей день.

Начиная с мировой войны, оппортунизм Каутского проходит две основные фазы. Первая фаза — центристская, межеумочная, с культом «независимых» иллюзий, с обильным потоком революционной фразеологии. Вторая фаза — начиная с «об'единения» с Шейдеманами и Носке — фаза откровенного предательства и переход на сторону буржуазии.

Центристские шатания Каутского, вызывали в свое время не мало несбывшихся надежд на его счет. Но, несмотря на то, что своей марксистской фразой Каутский, по видимости, еще иногда тяготел к революционному флангу пролетарской армии, каждое новое политическое событие, требуя от него дела и недвусмысленных лозунгов, каждый раз все решительнее и решительнее срывало с него хамелеонообразный покров центристского примиренчества. Как раз к этому периоду относятся безжалостные разоблачения каутскианства Лениным, разоблачения, которые всегда приводили то в негодование, то в недоумение забытых теперь всеми «четверть большевиков» из «Новой Жизни». Центризм в истории Каутского по самому существу своему должен был быть и был переходным. Жернова истории имеют тенденцию размалывать межеумочные группировки, а эклектические промежуточные идеологии никогда не могут претендовать на длительное существование. В эпоху революционного «Sturm und Drang'a», это положение можно считать непреложным законом. От огромной, многомиллионной в былые исторические часы партии «независимых» вскоре остались лишь жалкие черепки, за собиранием которых мы можем теперь застать только уныло-одиноких путников, вроде Ледебура. Каутскому же, который по натуре своей вовсе не пловец «против течения», хотя бы даже в мало героическом ледебуровском смысле—Каутскому не улыбнулась судьба честного «центристского» одиночества, и он покорно отдался в об'ятия Мюллеров и Вельсев. За теоретическим разузориванием политических шашен этих прожженных реформистов и застает Каутского его семидесятилетняя годовщина.

Предательство вождей часто губит дело рабочего класса. Но оно имеет свою положительную сторону в том, что всегда, в конце-концов, проясняет сознание пролетариата. История грехопадения Каутского типична и потому поучительна. Мы отказываемся здесь дать эту историю и ограничим свою задачу тем, что, взяв Каутского таким, каким он есть теперь, Каутского на современном зените его оппортунистического бесславия, Каутского, так сказать, химически чистой пробы,—попытаемся дать беглый набросок каутскианства, как логически законченной системы оппортунистических взглядов.

II. Отречение от «аза» и логика измены.

Где зарыта основа ревизионистого перерождения Каутского? В чем, собственно, следует усматривать забвение им марксизма? Нет ничего легче, чем изобличить анти-марксистские уклоны Каутского в самых разнообразных вопросах. Ошибок, наделанных Каутским, злокачественных искажений, фальсификаций, неясностей, противоречий — целая тьма. Одна простая регистрация этих ошибок и заблуждений потребовала бы от нас целых страниц. Но сквозь густой слой больших и малых грехов Каутского просачивается некая единая тенденция, которая оплодотворяет собой и определяет до деталей весь идеологический рисунок современного каутскианства. Под все мало-мальски важные частные ошибки и идейные промахи каутскианства можно, оказывается, подвести некоторый общий теоретический знаменатель. Знаменатель этот крайне элементарен и заключается он в забвении величайшего революционного принципа марксизма, в з а б в е н и и у ч е н и я о к л а с с о в о й б о р ь б е. И поскольку в воззрениях Каутского парализован центральный нерв марксизма, поскольку классовая борьба выброшена из них за борт, постольку из всего идейного сооружения Маркса вытравляется, выветривается его революционный дух и все отдельные положения марксизма подвергаются автоматическому самосожжению. Правда, Каутский никогда и нигде не заявлял, что он от учения о классовой борьбе отказывается. Правда, он попрежнему считает себя ревностным ортодоксальнейшим адептом этого священного аза марксизма. Правда, официально он попрежнему признает классы, классовые противоречия и классовую борьбу. Но, ведь, и буржуазные социологи «признавали» и «признают» факт классовой борьбы. «Признавали» его и прежние ревизионисты, вести решительную борьбу с которыми Каутский когда-то считал своим первым долгом. Очевидно, тут дело сводится не к дешевому декларативному признанию классовой борьбы, но к чему-то другому. Это другое — не только словесное признание классовой борьбы де-юре — но последовательное и беспощадное теоретическое проведение ее де-факто, бесповоротная ориентация на классовую борьбу, как на руководящий принцип по всей линии социально-политических и научных проблем. И вот такой социально-классовой ориентации днем с огнем не сыщешь в современных работах Каутского.

Взятый в определенном разрезе марксизм слагается из двух элементов. С одной сторны, марксизм является учением об об'ективных закономерностях общественного целого. Вместе с тем, марксизм есть учение о классах и классовой борьбе. Оба момента в марксизме неразрывно спаяны. Поддержание и развитие общественного целого, как раз и осуществляется через посредство людей, разгруппированных на классы, данные в определенных сочетаниях и ведущие между собою борьбу. В писаниях нынешнего Каутского, наоборот, оба момента всегда разорваны. Его излюбленная манера аппелировать к об'ективной закономерности, к фактам суровой реальности п р о т и в к л а с с о в о й б о р ь б ы. Для него она (т.-е. «об'ективная закономерность»), всегда служит суверенным аргументом против разжигания классовых инстинктов, заветной реформистской уздечкой, на каждом шагу осаживающей назад поступательный ход рабочего движения. Диаметрально противоположен подход подлинного революционного марксизма. Для последнего изучение «об'ективного», так наз. «холодный язык фактов», постоянно является лишь могучим стимулом для классовой борьбы, лучшей питательной почвой для нее. Именно поэтому марксизм всегда, даже в эпохи мирного органического процветания капитализма, оставался всегда самой революционной обществен-

ной идеологией, потому, что трезвая оценка реальных перспектив служила для него средством изыскания самых благоприятных путей для максимального форсирования классовой борьбы. Об'ективное здесь двигает классовую борьбу вперед, тогда как у Каутского оно ее лишь тормозит. В нынешнюю эпоху «войн и революций», эпоху кульминационного напряжения классовых противоречий конфликт между «об'ективным» и принципом классовой борьбы в учении Каутского принимает особенно нестерпимый характер. И Каутский, конечно, целиком на стороне «об'ективного»; классовая борьба для него преступное «бунтарство», поощрение ее сейчас, по его словам, удел «демагогов».

Хребет, на котором должны располагаться ошибки Каутского, мы теперь знаем. Посмотрим же, какие эти основные ошибки, которые как бы по радиусам расходятся из единого центра: из забвения марксистского учения о классах.

1) Концепция государства и роль госаппарата. Сущность государственной власти под углом зрения революционного марксизма, находящего свое наивысшее завершение в ленинизме, такова. Государство есть орудие классового господства. При развитии капитализма происходит количественный рост пролетариата, одновременно прогрессирует качественная дистиляция классов и вместе с тем, усугубляются классовые противоречия. Держать в повиновении усилившиеся качественно и количественно массы эксплоатируемых становится делом более трудным и сложным. Это еще более повышает значимость государственной власти, как классового инструмента. Взорвать капитализм без «разбития» государственной машины и установления диктатуры пролетариата становится беосмысленной утопией.

Иной результат мы получим, если вместе с Каутским откажемся от социально-классового подхода к «государственной» проблеме. Тогда государство не представится чисто-классовым механизмом. Развитие государства пойдет не по классовой линии. Эволюционирует не классовое содержание государственой власти, но ее формально-юридическая природа. А это обрекает Каутского на постоянную подмену анализа социального существа государства, поверхностным анализом его «правительственной формы». Форма у Каутского начинает вытеснять содержание; республика в его глазах получает совершенно фантастические преимущества перед монархией; перед республикой он всегда религиозно благоговеет, какие бы фашистские оргии не справлялись за республиканскими кулисами. Культ республики сопряжен у него с культом парламентаризма, с верой в чудодейственную силу избирательной арифметики. Конституционные фетиши становятся для него самоцелями и «по пути демократии», по его словам, общество может беспрепятственно развиваться в направлении к социализму. Управление государством мало-по-малу переходит в руки просвещенных избирателей, которые услужливо «примиряют» деликатно, на пятачок, где-то на задворках враждующие между собой «классы»; тем временем энергично преуспевает социалистическая пропаганда, «все» понемногу начинают убеждаться в преимуществах социалистического способа производства, и капитализм сам-собой, демократически, «бездиктатурно» перерастает в социализм. И на воздушных рельсах такой эволюционной мечты Каутский переносит своих читателей в заманчивые социалистические дали.

Фанатическое преклонение Каутского перед принципами демократии фатально влечет его за собой и бешеную атаку на принцип пролетарской диктатуры, которая является, ведь, ничем иным, как отрицанием «демократии» в пользу государственного «насилия». Диктатура пролетариата по Каутскому тождественна с «государственным рабством *).

Но, ведь, сами творцы научного социализма Маркс и Энгельс указывали на Парижскую Коммуну, как на образец диктатуры пролетариата? Да, это так соглашается Каутский. Но методы пролетарской диктатуры, которые применяла в свое время Парижская Коммуна, находят свое историческое оправдание в том, по мнению Каутского, что Парижской Коммуне пришлось иметь дело со старой, гигантски разросшейся «военно-бюрократической» монархией. Разбить такую старую военно-бюрократическую машину Каутский милостиво разрешает. Но с тех пор, со времен Коммуны, прошли десятилетия решительных успехов демократии. На фоне этого процветания демократии значение государственной власти, как капиталистической классовой машины, прогрессивно убывало. А вместе с этим исторически исчезало основание для возобновления методов пролетарской диктатуры.

Нечего и говорить, что такая произвольно сконструированная Каутским «гипотеза» о своего рода убывающем значении государственного аппарата параллельно росту демократии прямо противоположна действительным историческим фактам. В действительности, не взирая на рост «демократии» и вместе с этим ростом, непрерывно возрастали функции государства и в их об'еме, и в их интенсивности. Капитализм новейшей империалистической формации еще более подчеркнул тенденцию к усилению «значимости» государственной власти. Государственно-капиталистический единый трест-комбинат стал самым модным словом в истории буржуазного общества. Стоит только сравнить бюджеты старого капиталистического государства с современными госбюджетами, чтобы наглядно представить себе всю вздорность утверждения Каутского. То, что раньше поглощал весь госаппарат, теперь приходится на бюджет его отдельного, незначительного ведомства. И тот «военно-бюрократический» характер прежних монархий, которым пытается запугать своих читателей Каутский, ни капли не исчезает. Напомним про военные бюджеты, про лихорадочный рост милитаризма и, наконец, про войны, которые как раз и характеризуют последнее «демократическое» десятилетие **). Государственные «военно-бюрократические» чудовища современности, безразлично республиканского или монархического цвета в бесчисленное число раз превосходят государственно-бюрократических пигмеев времен Коммуны и потому в тысячи раз с большим правом могут требовать булатного меча диктатуры для своего поражения.

Непонимание классовой сущности и динамики государствен-

---

*) Один из озлобленнейших памфлетов Каутского против Советской России как раз и носит такой характерный заголовок „От демократии к государственному рабству".

**) Забавно, что когда Каутский ближе подходил к вопросам о милитаризме и войне, он наоборот перегибал палку в другую сторону, преувеличивая милитаристический характер современного государства настолько, что в 1915 году пытался „об'яснять" войну мобилизациями.

ной власти влечет за собой неизбежное «непринятие» знаменитого положения Маркса о том, что между капитализмом и социализмом лежит переходный период пролетарской диктатуры. И Каутскому ничего другого не остается сделать, как произвести ошеломляющую «вариацию» великого тезиса Маркса, «вариацию» теперь уже прочно вошедшую в арсенал критических аргументов рядового немецкого коммунистического агитатора, — «вариацию», гласящую, что между капитализмом и социализмом лежат прелести «коалиционного» правительства. Мы видим опять, что на место государства определенно отчеканенного классового типа, ставится юридическая «правительственная форма» соглашательской коалиции.

2) *Искажение задач международного социализма.* Величайшая задача, которая когда-либо практически стояла перед международным социализмом, была борьба с военной опасностью, предотвращение войны, и в случае, если бы война разразилась, активное противодействие ей. II Интернационал и вместе с ним Каутский позорно спасовали перед этой задачей. Почему это случилось? Легко видеть, что и здесь секрет заключается в забвении «начала всех начал» в революционном марксизме. Раз забыта ориентация на классовую борьбу, раз посеяно недоверие к классовой активности пролетариата, то лозунг «война войне», сам собой становится потусторонним мифом. И если война стала трагическим фактом, если и капиталистическое «государство», и капиталистическое «общество» стали единым милитаристическим кулаком, то говорить в такой обстановке о продолжении классовой борьбы означало бы: «пораженчество», «государственную измену», «превращение империалистической войны в гражданскую» — означало бы, другими словами, боевой революционный ленинизм. Но так как заповедями Каутского, гражданская война решительно запрещена, то это значит, что на время военного ненастья Интернационал должен «отрицать» самого себя, закрыть за ненадобностью свою лавочку и очистить место великой каутскианской формуле — «Интернационал—орудие мирной эпохи» — на чем и успокоить рабочих, бессмысленно погибающих в траншеях.

3) *Непонимание своеобразия переходной эпохи.* Касаясь проблемы переходного периода к социализму, Каутский и ее разрешает в полном согласии со своим испытанным «внеклассовым» методом. Переходная эпоха в изображении Каутского это—гладкая, мирная эволюционная дорога, не омрачаемая никакими вредными «социальными» экспериментами. На этом сентиментальном пути органического «врастания» в социализм совсем не существует возвещенной в «Капитале» экспроприации экспроприаторов, которая предусмотрительно заменяется Каутским справедливым «выкупом» собственности у капиталистов. Никакой революционной потасовки, могущей расстроить плавный ход хозяйственной машины, переходный период Каутского не терпит. Как не допускается классовая борьба, так не допускается и связанное с ней нарушение процесса общественного воспроизводства. Неизбежность распада всех прежних производственных и «надстроечных» классовых связей, неизбежность временного экономического краха отрицается. Принцип «безостановочности производства» становится незыблемой догмой. (Заметим здесь в скобках, что по этому вопросу в общей кампании с Каутским оказался один

из печально «левых» теоретиков III Интернационала, что и было отмечено на последнем конгрессе Коминтерна).

Совершенно иную природу, чуждую ревизионистской романтике Каутского, имеет переходный период в действительности. Постигнуть его специфичность возможно лишь на основе теории классовой борьбы.

Переходный период в целом, сам распадается на ряд составных «переходных периодов», из которых особую важность имеют два. Первый переходный период или, вернее, подготовка к переходному периоду, есть неотвратимый этап революционного взрыва, распадения старых связей, период гражданской войны, расправы и подавления классовых врагов и чисто-физического захвата правящих «командующих высот». И только после такого закрепления позиций, после этого революционного пролога, утверждающего пролетарскую диктатуру, может начаться следующий основной «переходный период в переходном периоде». И только здесь вступает в свои права эволюция, смягчение противоречий, отмирание собственности, отмирание классов, отмирание государства и постепенное органическое врастание в социализм.

На просмотре той внутренней железной связи, которая существует между обоими главными фазисами переходного времени и который, в свою очередь, обусловлен «просмотром» классовой борьбы — и воздвигнута вся каутскианская фантазия о «бездиктатурном» вызревании социализма.

4) *Теория нереволюционной революции.* В тесной связи с предыдущим состоит своеобразное учение о пролетарской революции, развиваемое Каутским. Постановку им проблемы революции мы можем теперь угадать априори. Требуется соорудить такую теорию революции, в которой на долю классовой борьбы приходилось бы самое большое — роль стилистического придатка. Как же Каутский решает такую хитрую задачу, которая иному могла бы показаться кое-чем вроде квадратуры круга? Сущность пролетарской революции Каутский поясняет сопоставлением ее с революцией буржуазной. «... Между тем, как исходной точкой развития буржуазной революции», — говорит Каутский,—«является борьба за демократию»... «Пролетарская революция развивается... на основе демократии *). Во-вторых, утверждает Каутский, в то время, как темп буржуазной революции отличается все возрастающей имманентной стремительностью, пролетарская революция от начала до конца проходит спокойной и медленной поступью, осторожно, без всякого треска и шума. Мнение Розы Люксембург, по которому бурный темп и стремительность являются «законом жизни всякой великой революции» Каутский считает верным лишь в отношении революции буржуазной, в применении же к пролетарской революции он его считает большевистским заблуждением. Наконец, в-третьих, тогда, как «улица», вооруженное восстание и гражданская война для буржуазной ревоэюции служат обычными спутниками—в процессе революции пролетарской гражданская война, по Каутскому, мож т

*) Взято из большой книги Каутского „Die proletarische Revolution und ihre Programm. Berlin 1922 г.“, которая является сводкой его последнего ревизионистского credo.

фигурировать только, как уродливое, сугубо «ненормальное явление». Присоединяя затем к посылкам, данных в этих сопоставлениях то, что отсутствие демократии, бурный темп и гражданская война в максимальной степени были присущи последней русской революции, Каутский ее естественно зачисляет по буржуазному разряду *).

Свои соображения о различии в характере буржуазной революции Каутский старается подпереть той известной цитатой из «Восемнадцатого Брюмера», в которой Маркс самокритику и строгость к себе квалифицирует, как признак, отличающий пролетарскую революцию. Имеет ли, однако, это место из Маркса хоть что-нибудь общее, с только что выведенным у Каутского, образом пролетарской революции. Конечно, ничего общего не имеет. Самокритика и сообразование своих великих маневров с об'ективным научным диагнозом данной конкретной исторической ситуации — вот чего лишь строго требовал от пролетарской революции Карл Маркс. Настоящей пролетарской революции, с огромностью ее исторического размаха, с ее гигантскими задачами и гигантскими средствами их решения настоящей пролетарской революции, такая беспощадная самокритика в духе Маркса не только не «противоречит», но она ей необходима, как кислород. Эта самокритика совсем другого рода и ее никак нельзя смешивать с девизом «трусость, трусость и еще раз трусость», которую Каутский превращает в категорический императив для своей улиточной «пролетарской революции».

Предположим, однако, на минуту, что прав не Маркс, а Каутский. Но что же представляет собой его пролетарская революция? Если в ней нет «улицы», нет вооруженных боев, нет гражданской войны, нет никакого насилия, нет ни малейших заминок в хозяйственной жизни, нет экспроприаций экспроприаторов, нет никаких таких «внешних эффектов», которые Каутскому угодно обозначать почему-то «буржуазными» — если ничего этого нет, то где же, спрашивается, в чем же революция, и почему собственно вся эта идиллическая история называется революцией. Тут может быть все, что угодно: и дворцовый переворот, и новая парламентская комбинация, — но революции тут ни пролетарской, ни даже буржуазной нет и следа.

В известном смысле революцию можно представить, как сумму от слагаемых: классовая борьба плюс «улица», классовая борьба плюс вооруженное восстание, классовая борьба плюс гражданская война. У Каутского нет ни одного из этих слагаемых. Но в таком случае не наша вина, если у него нет и самой революции. Его теория революции есть только слово революция, лишенное всякого конкретного содержания.

5) Аграрный вопрос в связи с проблемой крестьянства. Мы не собираемся здесь касаться тонкостей

*) В книжке Каутского „Пролетарская революция и ее программа“ указан еще один из „критериев“ различения буржуазной и пролетарской революции. В буржуазной революции главной движущей силой было население столицы, в пролетарской—должна, видите ли, быть провинция. А так как в российской революции первенствующую роль сыграли революционные массы Москвы и Ленинграда, то отсюда Каутский вновь делает заключение о... буржуазном характере русской революции. И за подобные перлы „марксистского анализа“ восхищенный меньшевик Абрамович именует Каутского „мастером общественной алгебры“. Хороша алгебра!

проблем аграрной теории, хотя и в этой области Каутский, когда-то пользовавшийся репутацией лучшего марксистского специалиста-аграрника, заметно отходит от своих прежних ортодоксальных позиций. В центральном вопросе аграрной теории, в проблеме соотношения между крупным и мелким сельским хозяйством он становится ныне на половинчатую точку зрения, не отдающую преимуществ ни крупному и ни мелкому хозяйству и утверждающую лишь равноценность шансов для обоих конкурирующих экономических форм. Мы отметим здесь другую сторону дела, политически более существенную. В современных государствах, где рабочий класс ведет свою борьбу, имеются в большей или меньшей степени массы крестьянского населения. Не дооценивая классовой борьбы пролетариата, Каутский естественно и подавно не дооценивает роли крестьянства, как революционной силы, точно также, как он совершенно чужд той мысли, что крестьянство может стать политическим союзником пролетариата в социалистической революции. Для Каутского наличность крестьянства — сплошной аргумент против революции. Немудрено, что мы то и дело застаем его за перепеванием на разные лады мотива о том, что простое товарное хозяйство и крестьянское население в России представляет большинство, чем еще и еще раз он услаждает свою навязчивую идею относительно буржуазного характера русской революции.

6) Колониальная проблема. Ее Каутский в настоящее время не очень-то любит затрагивать, что само по себе достаточно яркий симптом. Марксистски разобраться в колониальном вопросе возможно лишь при условии, если он будет взят в общемировой орбите классовой и империалистической борьбы, если будет понятна связь между перипетиями классовой борьбы в метрополиях и империалистическим нажимом на колонии и если будет учтена историческая необходимость превращения нынешних об'ективов империалистической политики в суб'екты международной революции. Нечего и говорить, что такой постановки вопроса мы стали бы тщетно искать у Каутского. Было, правда, время, когда Каутский, хотя и смутно, но все-таки сознавал грандиозность задач колониального движения. В 1902 году он писал: «В настоящее время поле борьбы охватывает весь мир. В настоящее время сражения освободительной борьбы трудящегося и эксплоатируемого человечества, разыгрываются не только на берегах Шпре и Сены, но и на Гудзоне и Миссисипи, на Неве и Дарданеллах, на Ганге и Гоанго («Путь к власти». М. 1918, стр. 79). Теперь от Каутского, конечно, ни за что не услышишь ни слова о революции, на «Ганге», ни на «Гоанго». Зато от Каутского постоянно можно слышать о «советском Туркестане», как о наистрашнейшем огородном пугале, которое знавало история.

Можно было развернуть еще целый дополнительный веер других ошибок, наделанных Каутским, но уже и приведенного хватает, чтобы с полной определенностью судить о научно-политической физиономии Каутского наших дней.

III. Социальные пружины каутскианства.

Переживаемая эпоха каждый день сызнова ставит перед нами вопрос: выдержит или не выдержит капитализм, получит ли он долгую историческую отсрочку, или он уже придвинут к краю про-

пасти, удастся или не удастся курс на сохранение, стабилизацию буржуазного способа производства?

Эта общая социально-экономическая проблема представляется и в иной специальной классовой формулировке в недрах рабочего движения. Рабочий класс стихийно колеблется между обоими возможностями. Основной поток его симпатий и настроений зачастую меняет свое направление. В один исторический миг чашка весов склоняется на одну сторону, в следующий — в другую. Существуют, однако, внутри пролетарского класса группы, к которым настроения определенного типа прилипают более или менее устойчиво, длительно. Рабочий класс не представляет собой единой, однородной массы. Он делится по квалификациям, разным отраслям производства, разным профессиям. Рабочим некоторых отраслей производства и професии особенно свойственно проникаться настроением, которое можно было бы назвать «стабилизаторским». Основной костяк этой группы образует собой так наз. «рабочую аристократию». Рабочая аристократия, даже и при сохранении капитализма, может быть спокойной за свой завтрашний день, она поэтому держит определенный курс на «стабилизацию». Форсирование классовой борьбы, революционизирование пролетариата в целом для слоя рабочей аристократии не только нежелательно, но даже опасно, поскольку оно угрожает капитализму, соками от которого рабочая аристократия питается. Глашатаем ее интересов и повседневных требований и выступает современный Каутский. Его реформизм об'ективно есть не что иное, как политическая идеология рабочей аристократии. Интересно, что Каутский делает на сей предмет достаточно четкие признания... «Пролетариат распадается на два слоя. Один из них, благодаря особому экономическому положению или благодаря законодательству, находится в благоприятном положении, создает сильные организации, защищающие его интересы. Этот слой образует процветающую часть пролетариата «аристократию», умеющую столь успешно бороться с принижающими тенденциями капитализма». («Пролетарская революция». Стр. 112—113. Рус. Пер.).

Само собой понятно, что Каутский целиком отдает свои симпатии этой группе, ее «боеспособным отрядам», могущим начать всерьез «борьбу за власть». Другое дело... «большая армия пролетариев, поставленных в неблагоприятные условия», и. «благодаря невежеству и неопытности»... легко становящихся добычей всякого рода демагогов. По отношению к этой «большой армии пролетариев» Каутский, понятное дело, ставит себе задачу уговорами и просвещением вновь из'ять ее из рук «демагогов», чтобы затем впрячь в телегу ревизионизма.

В былые, достославные времена идеология рабочей аристократии была представлена учением Эдуарда Бернштейна. Прошли года и путем довольно сложной органической «эволюции» сам Каутский благополучно «врос» в Бернштейна. Однако, современное каутскианство не есть второе издание старинной бернштейниады. Бернштейниада была выражением стихийного «экономизма» в рабочем движении, в этом смысле она была нормальным историческим продуктом капитализма высоких кон'юнктур. Современный каутскианский реформизм, наоборот, идейный продукт мнимых кон'юнктур и периода капиталистической деградации.

Оппортунизм Бернштейна был открытым и циничным. Оппортунизм Каутского упадочен и насквозь лицемерен. Но как и раньше, бернштейниада, так и каутскианство будет смыто прочь приливом здорового рабочего движения. Огромнейшие массы пролетариата выйдут на широкий революционный путь и под аккомпанимент старушечьего дребезжания Каутских водрузят красное знамя своей диктатуры.

Р. Федоров.

Провал Макдональда.

Все в этом мире преходяще — и слова и министерское кресло. Преходяще оказалось и министерство Макдональда,—даже более преходяще, чем он сам ожидал. Это и натурально, и было с самого начала предрешено соотношением партий в парламенте. У Макдональда не было парламентского большинства, и он зависел исключительно от доброй воли либералов. Либералам в один прекрасный день захотелось его сбросить, и они его сбросили. Тем не менее катастрофа произошла весьма неожиданно, как для самого Макдональда, так и для наблюдающей публики. Об этом стоит рассказать.

Макдональд взял власть, хотя, как только что указано было. он не имел большинства. Наиболее многочисленную фракцию составляли консерваторы, на другом конце стояли либералы, а рабочая фракция с Макдональдом занимала середину. Макдональд мог отказаться от чести образовать кабинет, и тогда пришлось бы составлять правительство либералам при поддержке рабочей партии, или парламент пришлось бы вновь распустить. Макдональд. однако, решил взять власть. Он заявлял, — а с ним и вся рабочая партия заявляла,—что было бы трусостью отказаться от выпавшей на их долю ответственности. Рабочая партия имеет право занять правительственные скамьи и должно воспользоваться случаем, чтобы показать миру свою способность управлять британской империей. Все, знавшие Макдональда и его ближайших сотрудников, понимали, что речь идет не о том, чтобы поставить рабочий класс у власти, не о том, чтобы использовать сложившуюся парламентскую ситуацию с целью мобилизовать и организовать рабочий класс, а о том, чтобы «легитимизировать» рабочую партию, до тех пор стоявшую в оппозиции к правительству его величества, как партию не хуже другой в смысле лойяльности и хранения заветов британской империи. Задолго до этого, в течение всех последних лет, вожди рабочей партии горячо протестовали против обвинения противников, будто они, составив правительство, правили бы в интересах класса, а не всей «нации», и доказывали, что они ничего общего не имеют с большевистскими лозунгами о диктатуре пролетариата и что их правительство было бы не классовым, а общенародным. Теперь им представился случай оправдать себя на деле. К этому присоединилось, несомненно, и честолюбие самого Макдональда и его ближайших сподвижников. Скромность и бескорыстный идеализм не принадлежат к числу добродетелей. украшающих современных вождей рабочего класса Англии. Ничто так не может подкупить их, как почесть и даже простой снисходительно-дружеский жест со стороны влиятельных и сильных мира сего. Они все неизлечимо страдают недугом, известным в

Англии под именем «снобизма». На этой слабости английская буржуазия в прошлом умела играть с искусством неподражаемых виртуозов и всегда достигала больших эффектов. Этим средством еще более, чем прямым подкупом, она укрощала самых строптивых главарей английского рабочего движения, начиная от Аппельгартов и кончая Гендерсонами.

Макдональд и его товарищи образовли министерство не без некоторого трепета. Как они продержутся у власти, какими средствами они могут заставить своих политических противников терпеть их на правительственных скамьях сколько-нибудь продолжительное время? Но Макдональд верил в свою счастливую звезду, в свое личное обаяние, в свое красноречие и неотразимое действие своего идеализма и в свой дипломатический талант. Нужно сказать, вопреки составленному о нем людьми, его никогда не встречавшими, мнению, что Макдональд, по существу, фигура довольно посредственная. Ни большим умом, ни большими знаниями, ни сильным характером он не блещет, но он не лишен апломба, обладает даром слова и по-шотландски хитер, т.-е. умеет нащупать слабые стороны своего противника и «обходить» его. Он также не веискусен в интригах. Рядом с ним всегда стояли люди, во много раз превосходившие его умом, способностями и характером, но он всегда умел оттирать их и занимать видное место. Долголетний успех в карьере, несомненно, окрылил его надеждой и на этот раз. Пацифизм в установленных буржуазным радикализмом пределах, внутренние реформы, не идущие дальше дозволенных буржуазным обществом, рамок, осторожная трактовка колониальных вопросов и не меньшая осторожность во внешней политике— такова была программа при проведении которой он надеялся встретить если не прямую поддержку, то, по крайней мере, благосклонный нейтралитет со стороны либералов. Само министерство он составил с чрезвычайной осторожностью. Лучшим знатоком иностранной политики в рабочей партии является Эдмунд Морель, человек, уже 30 лет работающий на этом поприще, который в свои либеральные дни мог рассчитывать на министерский пост и. действительно, представляет из себя одну из самых интересных и ярких фигур в Англии. В области внутренней политики одним из самых популярных людей среди английской рабочей массы является Джордж Лансбери, немного сентиментальный, но все же очень искренний социалист, имеющий за собой чуть-ли не сорокалетний стаж практической работы. Но ни того, ни другого Макдональд не ввел в свой кабинет. Морель во время войны вел страстную борьбу против нее и резко обличал империалистические цели союзников. За это он был прозван германским агентом и поплатился шестимесячным заключением в тюрьме. Лансбери за свою деятельность по общественному призрению в знаменитом Попларском округе тоже стал одиозной фигурой в глазах буржуазии. Макдональд не посмел пойти против течения и вместо этих людей ввел в кабинет лордов Чельмсфорда и Хольдена, из коих первый был всего несколько лет тому назад вице-королем Индии, а второй, старый соратник Асквита, был долгое время военным министром в либеральных кабинетах. Он был творцом территориальной армии, специально на предмет тогда еще предстоявшей войны с Германией и под конец восседал председателем в палате лордов в качестве лорда канцлера. Взяв этих людей в кабинет,

Макдональд тем самым давал буржуазному обществу гарантию, что никаких революционных целей он и его правительство преследовать не будут.

С такой осторожностью он проводил свою внутреннюю и внешнюю политику. Во внутренней политике он едва осмелился сделать попытку решить наболевший жилищный вопрос, который, как и у нас, приобрел в Англии огромную важность. Либеральные и консервативные предшественники кабинета Макдональда, несмотря на все свои обещания, ничего не успели сделать в этой области. Макдональд решил показать, что рабочий кабинет не только дает обещания, но и исполняет их. В результате был создан грандиозный проект, расчитанный на 15 лет и на сооружение чуть-ли не 2 миллионов квартир. Но из проекта ничего не вышло. Либеральные и консервативные противники оказали сильнейшее противодействие, и Макдональд струсил и отступил, не желая поставить на карту существование кабинета. В области безработицы, которая уже 4½ года неослабно свирепствует в Англии, он тоже ничего не сделал, несмотря на велеречивые декларации и грозные филиппики по адресу буржуазного общества, которые им и всей рабочей партией произносились в прежнее время и еще во время избирательной кампании, приведшей их к власти. О налоге на «капитал», с которым рабочие вожди так рьяно выступали, когда были в оппозиции, о национализации железных дорог и горных богатств, с которыми рабочая партия носится вот уже лет десять,—об этом и о многом другом, обещанном и возвещенном многократно и торжественно, не было за 9 месяцев пребывания рабочего кабинета у власти ни звука. Ничего не было сделано и в области колониального управления. В Индии, за которую Макдональд когда-то ратовал и в парламенте, и на собраниях, не было проведено ни одной самой малейшей реформы. Зато аресты и судебные процессы, направленные против националистов, продолжались с неослабной силой, и бастующие рабочие попрежнему подвергались репрессиям вплоть до расстрелов. В Ираке продолжалась та же политика усмирения при помощи аэропланов, и на запрос в парламенте, министр воздухоплавания, господин Линч, человек весьма благочестивый и известный даже, как проповедник, мог только защищаться ссылкой на то, что производимые по его приказу воздушные бомбардировки в иракских селениях были «очень маленькие». По отношению к Египту и Судану та же великодержавная колонизаторская политика, которая ничем не отличалась от керзоновской. Судан, который требует своего воссоединения с Египтом, был за эти несколько месяцев многократно сценой кровавых расправ с туземной интеллигенцией и бунтовавшими туземными войсковыми частями. В Египте премьеру Заглулу Макдональд прямо повторил прежнюю керзоновскую формулу: Англия никогда не выведет своих войск с территории Египта и будет продолжать держать Суэцкий канал в своих руках в интересах британской империи. Нужно ли вспоминать агрессивные действия английских агентов в Персии и в Афганистане, а также в Китае за время макдональдовского режима? В этой области не было никаких изменений, а поскольку они были, они ухудшали положение даже по сравнению со временами Керзона. И в Афганистане, и в Персии подчиненные Макдональду дипломаты и агенты подстрекали реакционные племена к восстанию против центральной власти, снабжали их оружием и, когда нужно, укрывали их с тем, чтобы содействовать разложению этих государств и таким путем обеспечить английское влияние. В Китае эти дипломаты и агенты открыто интервенировали в пользу своих ставленников, угрожая целостности республики.

Только в области внешней политики Макдональд дерзнул на некоторые шаги, которые могли казаться смелыми. В первую очередь, он решился признать Советскую республику и заключить с советским правительством договор. Но всякий помнит хорошо обстановку, в которой это произошло. От признания Советской власти он тем менее мог отказаться, что даже либералы во время выборов сделали это признание одним из главных пунктов своей программы. Макдональд, помимо того, что не смел по этому вопросу разочаровывать сочувствующие нам огромные массы рабочего класса, знал, что, давая нам признание, он крайне обяжет либералов, которым очень не хотелось производить эту операцию своими руками. При этом он все же не раз заколебался под напором реакционной части консерваторов. Он десять дней «размышлял» и обсуждал, прежде, чем послать нам ноту о признании. Вероятно, он колебался бы и размышлял бы еще дольше, если бы рабочая масса не заволновалась и в самом органе рабочей партии не появились угрожающие письма и протесты со стороны как целых организаций, так и отдельных влиятельных вождей.

Затем начались переговоры, но и тут шатания и колебания были приметны на каждом шагу. Сейчас можно рассказать маленький секрет в связи с назначением тов. Ротштейна генеральным секретарем и членом нашей делегации. Это назначение вызвало целую бурю в рядах консерваторов, и сам Керзон выступил в палате лордов с пламенным протестом. Дело в том, что тов. Ротштейн долго жил в Англии и его знали, как большевика и противника британского империализма. Но особенно он стал ненавистен с того времени, как он, в качестве нашего полпреда в Персии, вел борьбу с английским влиянием и успешно преодолел его. Протест лорда Керзона против его назначения столь сильно подействовал на нервы Макдональда, что он попросил наше правительство не посылать такой одиозной фигуры в Лондон. В порядке самих переговоров, он почти с наивной откровенностью становился на позицию бондхольдеров и банкиров, требуя с нашей стороны отказа от аннулирования царских долгов и акта о национализации и не соглашаясь, вместе с тем, давать или гарантировать нам займ. Только под сильным давлением рабочих кругов, давлением, доходившим почти до угроз, Макдональд в конце концов дал свое согласие на предоставление нам гарантированного займа и на такую формулу нашего согласия удовлетворить британские претензии, которая не включала отказа от достижений нашей революции.

В сущности, этими двумя актами ограничились все достижения Макдональда в области внешней политики, так как никоим образом нельзя считать достижением то успешное содействие, которое он оказал осуществлению плана Дауэса на лондонской конференции. Не только с его стороны не было ни малейшей попытки отстоять интересы германского народа, но и все его участие в этом деле явилось лишь исполнением программы его консервативных предшественников. Осуществлением этого пресловутого плана закабаления Германии, Макдональд не стяжал себе никаких лав-

ров ни в смысле оригинальности, ни в смысле услуги народам Европы. Зато на Лиге Наций он произнес сентиментально-пацифистскую речь, которая привела в восторг всех дипломатов, и помог составить резолюцию об арбитраже, безопасности и разоружении, которая самими буржуазными кругами Англии была почти единодушно отвергнута. Зато также он приложил свою руку к обсуждению вопросов о Грузии на той же сессии Лиги Наций,—хотя не столько, может быть, в качестве премьера Англии, сколько в качестве видного вождя II Интернационала.

Вот, каково было внутреннее содержание 9-месячного периода власти рабочего правительства Макдональда. Нужно ли удивляться тому, что он был уверен если не в вечности, то в очень большой длительности своего правительства. Ведь, он ничего не сделал такого, что могло быть дезавуировано консервативно-либеральным составом палаты и что могло бы на него навлечь малейшее подозрение в нелойяльности имперских и капиталистических интересов «нации». Если к этому прибавить еще то, что он встречал весьма дружеский прием при дворе и в аристократическом обществе вообще, что он, будучи в Женеве, со всех сторон встречал самые яркие выражения дружбы и даже преклонения, что на страницах буржуазной—в особенности, либеральной и демократической—прессы всей Европы на всех языках он имел возможность читать нескончаемые дифирамбы своему идеализму и своей гениальности, то не будет удивительно, что у него довольно заметно вскружилась голова и что он вообразил себя крупнейшей фигурой современности, которой даже противники его имели основание гордиться. Тут повторилась та же история, что и с провинциальным профессором Вильсоном, попавшим неожиданно в президенты американской республики, который, благодаря лести умных дипломатов, вообразил себя спасителем человечества и не замечал, что за спиной его те же дипломаты не могут удержаться от улыбки на подобие шарлатанствующих римских авгуров.

И конец был тот же. В один прекрасный день Макдональду вдруг пришлось услышать, что его хотят сбросить. Вначале он даже не верил, как это можно святотатственно поднять руку на такую фигуру, как он, но ему пришлось убедиться, что это, действительно, так. Придравшись к заключенному им советскому договору и к одному незначительному делу, известному под именем дела Кэмпбеля, либералы вдруг заявили о своей солидарности с консерваторами и об'явили Макдональду войну. Макдональд был искренне уязвлен и взбешен. Совершенно очевидно было, что либералы только придумали предлог, чтобы вести его на плаху, и что истинные мотивы лежат где-то в другой области—где, и сам Макдональд не знал. Но нам со стороны яснее было. Макдональд, действительно, не сделал ничего такого, что могло бы создать против него лично и против его кабинета недружелюбное отношение: и дело Кэмпбеля и англо-советский договор представляли из себя сущие пустяки, от которых никто ни в какой мере не пострадал. Какая важность в том, что судебные преследования против коммуниста были приостановлены! Разве такие казусы не происходили и раньше? Не мало было случаев, когда и в прошлом против коммунистов (или, как они тогда еще назывались, социалистов) предпринимались шаги к судебному преследованию, и дело оканчивалось ничем. Были даже случаи, когда выпускались листовки с

призывом к солдатам и морякам не стрелять в стачечников, и дело ограничивалось простой конфискацией листовок или газет, а в худшем случае обыском в редакции или в комитете партии. Также и англо-советский договор ничего дурного из себя не представлял и, во всяком случае, мог быть, по желаниям либерально-консервативного большинства, изменен. Сам Макдональд, при внесении его в парламент 7 августа, пригласил палату высказать свое мнение и вносить свои поправки. Значит, и тут не было ничего такого, что могло бы оправдать такой шаг, как свержение правительства. Мотивы либералов, в руках которых лежала судьба Макдональда, действительно, были совсем иного порядка. Как ни осторожно Макдональд вел свою политику, как ни мало он делал для рабочего класса, как ни лойяльно он не придерживался принципа преемственности в английской внешней политике, однако, одним своим существованием рабочее правительство производило незаметную революцию в умах рабочего класса.

Английский рабочий класс никогда не ставил того, что мы называем проблемой власти, в сколько-нибудь конкретной форме. Для него рабочее правительство было отвлеченной идеей, в которую он не вкладывал никакого определенного содержания. Англия была знакома с правительствами консервативными и либеральными; почему не быть у ней правительства рабочего? Политически и социально рабочее правительство рисовалось рабочим умам в таком же свете, в каком они всегда воображали себе рабочее «представительство» в парламенте. Отдельные интересы буржуазии и поземельной аристократии, интересы лэндлордов, арендаторов, банкиров, железнодорожных директоров, адвокатов, учителей и т. д., имели своих представителей в парламенте; в таком же роде, рабочие рассуждали, могли и они иметь своих представителей. Никакой классовый момент в эту концепцию не входил. Столь же мало он входил в концепцию рабочего представительства. Английским рабочим казалось вполне естественно, что подобно тому, как либеральное и консервативное правительства представляли «нацию» в целом, хотя иной раз и злоупотребляли своим положением, чтобы помочь тому или иному классу, точно также и рабочее правительство могло бы править страной в общих интересах «нации» с той только разницей, что оно уделяло бы больше внимания интересам рабочего класса. Интересы рабочего класса нисколько не противоречили интересам «нации», а скорее составляли часть их. Фактическое пребывание рабочего правительства у власти показало, однако, рабочему классу нечто другое, а именно, что забота о так называемых национальных интересах не совсем совпадает с заботой об интересах рабочего класса и что то, что обычно называется «нацией», является по существу только аристократической и буржуазной частью ее. Без всяких теоретизирований, а действуя исключительно под импульсом своего классового инстинкта, английские рабочие стали фактически на позицию диктатуры пролетариата: рабочее правительство должно бороться против буржуазии и отстаивать всегда и повсеместно интересы рабочего класса. Если же буржуазия оказывает такому уклону сопротивление, то этому сопротивлению не следует уступать, а его следует преодолеть тем или иным способом—хотя бы даже внепарламентским. На борьбе за наше признание и за заключение с

нами договора очень ярко выявилась эта новая позиция английского рабочего класса.

Мало того, многочисленные элементы в рабочем классе все еще стояли в стороне от рабочей партии и либо относились враждебно, либо совершенно равнодушно к идее рабочего представительства в парламенте и, в особенности, рабочего правительства. Соответственно этому многочисленные слои рабочего класса голосовали за либералов и даже за консерваторов или вовсе не принимали участия в политической жизни страны, лишь изредка выволакиваясь из пивных к избирательным урнам красноречием или подарками буржуазных парламентских кандидатов. Вот, эти слои постепенно почувствовали интерес к рабочему правительству. Каким-то образом и у них стал просыпаться классовый инстинкт, и подобно тому, как английский рабочий класс в целом с самого начала нашей революции стал чувствовать, что где-то в далекой и таинственной стране делается близко их касающееся огромное дело, так и индиферентные слои его сейчас стали чувствовать, что правительство Макдональда является чем-то близким им. Идея правительства рабочего класса стала пускать корни и в этих слоях, отрывая их от прежней либеральной или консервативной традиции и заставляя их даже в пивных прислушиваться к голосу рабочих министров в парламенте.

Это-то и было чревато опасностью для либералов, вся традиционная политика которых была построена на их роли политического буфера, смягчающего классовые столкновения и отделяющего рабочий класс от собственной рабочей партии. В течение трех поколений английский либерализм деятельно разыгрывал эту роль с громадным успехом, мешая возникновению рабочей партии и противодействуя ее развитию, когда она тем не менее возникла. Сейчас этой роли стала угрожать опасность быть сведенной постепенно к нулю.

Если вся рабочая масса сгруппируется вокруг идеи собственного правительства, то историческая миссия либерализма придет к концу, классовые линии обнажатся и буржуазное общество в политическом отношении станет той же противоположностью двух социальных слоев, какую оно представляет экономически. И с точки зрения партийных интересов, и с точки зрения высших интересов буржуазного общества, такая эволюция недопустима: тенденции, идущие в этом направлении, должны быть оборваны, и сами факторы, порождающие их, должны быть устранены. По этой причине либералы и решили избавиться от рабочего правительства. Когда они поставили его у власти, они исходили из тех же «буферных» соображений: не следует проявлять враждебность к идее рабочего правительства, а нужно, напротив, дать ему возможность осуществиться для того, чтобы рабочая масса не усмотрела в либералах своего классового врага. Эксперимент оказался неудачным: то, что должно было предупредить нежелательное явление, как раз явилось стимулом к нему. И либералы решили исправить свою ошибку, пока не поздно было.

Нужно только прочитать первые после кризиса речи Макдональда, чтобы видеть, как глубоко он был возмущен и разочарован таким поведением либералов. Для него глубокие мотивы их действия остались скрытыми и сами действия представлялись ему в виде неприличной интриги и безответственного посягательства

на его личность и его плодотворную деятельность. Он громил их варварами, разрушившими великое дело цивилизации, и протестовал против такого порядка вещей, при котором возможны были такие случаи. Ни в одной из своих речей он не поднимал принципиального вопроса о существе рабочей власти и о классовой подоплеке политики либералов, и все они вращались в шаблонных рамках персональных нападок и критики парламентских приемов. Президенту Вильсону пришлось за свою ошибку заплатить здоровьем и жизнью; Макдональд, как человек более здоровый и менее впечатлительный, был только подавлен и оскорблен постигшей его катастрофой.

Надо полагать, что исход выборов был для него еще более глубоким персональным разочарованием. Несомненно, бешеная и недобросовестная агитация его политических противников, превратившая его и его партию в архи-революционеров и сокрушителей буржуазных устоев, сыграла, в особенности в связи с мнимым письмом Зиновьева, немалую роль в отвлечении от него некоторой части тех рабочих слоев, которые постепенно уже начали приближаться к нему. Еще более, однако, подействовала эта агитация на те многочисленные мелкобуржуазные элементы, которые до сих пор облипали рабочую партию, как проказа. Эти мелкобуржуазные элементы состояли не из одних только мелких лавочников; к ним идейно примыкали даже такие по существу пролетарские слои, как домашняя прислуга, учительство, служащие банков и контор и отчасти приказчики. Перепуганные на смерть красным призраком, эти элементы в последний момент, повидимому, дрогнули и сбежали от рабочих кандидатов. Если бы Макдональд и его друзья были хоть немного похожи на те фигуры, которые из них изображали их противники, они должны были бы радоваться такому очищению партии от незрелых или ненадежных элементов. Отныне рабочая партия, действительно, стала партией пролетариев и только, как таковая, она сможет привлекать в свои ряды элементы более пролетарские, до сих пор кормившиеся у груди буржуазии. Но Макдональд и его друзья не принадлежат к революционерам. Для них и эта потеря мелкобуржуазных голосов представляет сильнейший удар по самолюбию, как стратегов, строивших все свои планы именно на поддержке этих элементов. Ради них они в течение 25-ти лет принижали программу партии, ради них они пугались одного имени социализма, ради них они проводили на практике умереннейшую и аккуратнейшую политику оппортунизма и ради них они с такой решительностью отмежевывались от коммунистов и большевиков. И если, несмотря на все эти усилия, в критический момент вся эта стая мелкобуржуазных элементов от них сбежала, то для них это равносильно политическому банкротству. В их политике, которую они так усердно и с неслыханной для них энергией отстаивали против коммунистов, выпало, так сказать, дно, и через образовавшуюся дыру они на выборах провалились так основательно, как никогда.

Надо полагать, что если не всем, то, по крайней мере, Макдональду этот провал обойдется очень дорого. Макдональд был главным теоретиком-апологетом и практическим проводником этой ориентировки на мелкобуржуазное миросозерцание полупролетарских элементов. Макдональд являлся, если не прямо создателем, то одним из творцов рабочей партии и ее оппортунистического укло-

ия. Макдональд был главным противником «катастрофической теории революции» и в многочисленных своих писаниях и на практике отстаивал идею эволюционного и органического врастания буржуазного в социалистическое общество. Макдональд, наконец, был главным вождем в борьбе с коммунизмом, хотя любил выдвигать в качестве «браво» других, пользующихся большим влиянием непосредственно в массе. И вдруг вся эта политика и вся эта тактика потерпела крушение на этих выборах. Не будет удивительно, если он, запачкавшись, к тому же, в грязном деле с мнимым письмом Зиновьева, окажется смещенным с роли официального лидера рабочей партии и будущего премьера нового рабочего правительства.

История, несомненно, пройдет мимо него. Огромная победа, доставшаяся консерваторам и обеспечившая их правительству существование на все пять лет парламента, откроет собой эру такой реакции во внутренней и внешней политике, какую Англия не испытывала уже давно. Нужно иметь в виду, что, не считая короткого эпизода министерств Бонар Лоу и Болдуина до выборов 1923 года, в Англии уже не было подлинного консервативного правительства вот уже 20 лет. Последнее такое правительство существовало 7 лет, от 1898 года до 1905 года, и вписало тогда одну из самых темных страниц в новейшей истории Англии. За эти 7 лет консерваторы успели навести такую реакцию в Англии в области школьной, социального обеспечения и поземельной, от которой она и по сию пору еще не оправилась; а что касается до внешней политики, то достаточно упомянуть позорную бурскую войну, окончившуюся уничтожением двух маленьких республик, разбойный поход в Китай в связи с боксерским восстанием и заключение «сердечного согласия» с Францией, чтобы характеризовать ее содержание. Сейчас предстоит, несомненно, нечто еще худшее. В порядке дня стоит протекционизм, т.-е. обложение высокими пошлинами предметов питания и потребления вообще и агрессивная внешняя политика, сопровождаемая ростом вооружений, во всех странах Востока и, в частности, против нас. Именно громадный размер избирательной победы окрылит смелость консерваторов и толкнет их на шаги, над которыми они дважды задумались бы, если бы им предстояли в ближайшее время новые выборы. Но это окажет свое действие и на рабочий класс. Английский рабочий класс за время после войны проделал огромную внутреннюю эволюцию, которая стоит в полном противоречии с его традиционным соглашательством. Английский рабочий уже не тот «паинька», который когда-то был предметом радости и гордости буржуазии не только английской, но и международной. Под влиянием результатов войны, безработицы и нашей революции английский рабочий осознает себя все больше и больше и все решительнее выступает на непосредственную борьбу с капиталистическим классом. Совершенно неверно, как стараются его изобразить вожди, что он непоколебимо верит в конституционные и парламентские методы борьбы. Он уже имел опыт во вне-парламентских действиях,—в том, что на его языке называется прямым воздействием, т.-е. забастовкой в политических целях. Никакие старания Макдональдов и Томасов не остановят его перед применением тех же методов, когда он увидит, что окопавшееся на пять лет в парламенте консервативное правительство, надеясь на безнаказанность, предпринимает меры, направленные против рабочего класса. В связи с безработицей и предстоящим вздорожанием жизни, благодаря протекционистским мерам консерваторов, рабочий класс будет пребывать в состоянии хронического возмущения, которое будет ждать только момента, чтобы вылиться в грозное действие. В недалеком будущем мы вновь увидим английского рабочего под революционным знаменем, которое с такой честью поднимали когда то старые чартисты.

А. Иоффе.

Советско-Британские договоры.

Хотя, в виду изменившейся политической обстановки в Великобритании, вряд ли можно рассчитывать на ратификацию подписанных в Лондоне 8-го августа 1924 года советско-британских договоров, но тем не менее, было бы чрезвычайно ошибочным рассматривать эти договоры, как лишь исторические документы, не имеющие практического значения. Ибо нет никакого сомнения, что будущие соглашения СССР с Великобританией, которые неизбежны, несмотря ни на какие перемены в составе великобританского правительства, — по существу должны будут строиться на базе этих, подписанных 8-го августа, договоров, представляющих вместе с тем, как известно, согласно постановления последней сессии ЦИК СССР, — предел наших уступок Великобритании и, так сказать, прототип наших договоров с другими государствами.

Поэтому более детальное ознакомление с этими договорами является не только интересным, но и политически необходимым.

История заключения договоров.

Как известно, РСФСР была признана Великобританией de facto еще в марте 1921 года, после краха интервенционистской политики Великобритании, когда правительство Ллойд-Джорджа увидело себя вынужденным прекратить интервенцию и притти с нами хоть к какому-нибудь соглашению. Тогда был выработан договор, подписанный 16-го марта 1921 года с нашей стороны тов. Л. Б. Красиным, а со стороны Великобритании — сэром Кобертом Горном, консервативным депутатом и министром финансов в коалиционном консервативно-либеральном кабинете Ллойд-Джорджа. Этот договор представляет собою ненормальный тип торгового договора, ненормальный потому, что, кроме обычных статей торгового соглашения, в этом договоре имеются и политические статьи, главным образом, по ближне и дальневосточным вопросам.

Но даже коалиционное правительство Великобритании все время понимало, что таким договором удовлетвориться нельзя, что необходимо договориться до конца и разрешить все вопросы, разделяющие оба государства. В Генуе и в Гааге Ллойд-Джордж пытался разрешить эту проблему, но оба раза соглашение разбивалось о непримиримость бывших британских собственников национализированного советской властью имущества, с интересами которых правительство Ллойд-Джорджа, несмотря на постоянные заявления последнего, что он «имеет в виду два миллиона своих безра-

ботных», конечно, считалось, в первую очередь. Когда десять месяцев назад, в Великобритании пал консервативный кабинет, благодаря выдвинутому этой партией лозунгу таможенных пошлин на предметы питания в пользу ввоза таковых из британских колоний, — парламентские выборы в значительной мере шли под знаком русского вопроса. Рабочая партия почти открыто обязалась перед своими избирателями провести признание СССР de jure, если она придет к власти.

Выборы, как известно, не дали большинства ни одной из боровшихся в стране партий. Рабочее правительство могло создаться только при поддержке либералов. В этих условиях рабочая партия — вторая по силе парламентская партия (первой по прежнему, оставалась консервативная), организуя свой кабинет по собственному выражению Макдональда, «получала не власть, а только управление», и целиком зависела от милости либералов, значит, по существу могла вести не рабочую, а либеральную политику.

Но свое обязательство признания СССР de jure, Макдональд должен был выполнить, что было не особенно трудно, главным образом, в виду отсутствия действительного противодействия этому признанию со стороны не только либералов, но и более благоразумной и политически мыслящей части консерваторов.

Признание последовало. За ним должны были начаться советско-британские переговоры по всем разделяющим оба государства вопросам.

С самого начала было ясно, что переговоры должны вестись о заключении двух договоров: во-первых, общего, во-вторых, торгового.

Так как советская власть, аннулировав все царские договоры и в этом смысле оставила пустое место, то необходимо было, конечно, рассмотреть старые договоры и установить, какие из них могут быть удержаны в новых условиях, а какие должны быть заменены новыми.

Советская делегация пыталась при этом пересмотре старых договоров выяснить советско-британские взаимоотношения по всем вопросам мировой политики, но трусливое правительство Макдональда чрезвычайно боялось все время такой широкой постановки вопросов и поэтому пришлось ограничиться лишь разделением старых договоров на такие, которые должны отпасть, такие, которые должны быть частично переделаны и заменены и такие, которые могут временно еще сохранить силу, не внося, однако, никаких конкретных поправок в подлежащие исправлению договоры и не вырабатывая новых, взамен уничтоженных. Все это оставлено для работы в будущем.

Более сложным является вопрос о взаимных претензиях. С самого начала предлагалось, что советская делегация будет параллельно с переговорами с британским правительством вести переговоры и с британскими претендентами. Таких категорий имеется две: «бондгольдеры» — держатели русских бумаг, аннулированых Советской властью займов и частные собственники национализированных советской властью предприятий.

Имелось в виду, что, когда советская власть договорится с этими своими кредиторами, в общий договор внесены будут конкретные суммы и условия этого соглашения, и этот вопрос, таким образом, тоже будет окончательно урегулирован.

Но этот план не удался. И не удался по следующим причинам. Трехмесячные переговоры советской делегации с так называемым «комитетом бондгольдеров», ни к чему не привели, и этот комитет, даже, по мнению самого британского правительства, показал себя совершенно импотентным в разрешении стоявших перед ним вопросов.

Дело в том, что в Англии нет об'единения держателей русских ценностей; там об'единены держатели всех вообще иностранных бумаг. Так как советская делегация с самого начала определенно и весьма вразумительно заявила, что не может быть речи о том, чтобы СССР платил полностью по займам, находящимся в руках британских держателей, то для собственников всяких мексиканских, перуванских, боливийских и т. п. бумаг, входящих в об'единение британских бондгольдеров, но не владеющих русскими ценностями и поэтому заинтересованных не в том, чтобы платил СССР, а в том, чтобы полностью платили Мексика, Перу, Боливия и т. п., создавалась опасность прецендента, неполного платежа по займам, и они всячески саботировали соглашение держателей русских бумаг, готовых пойти на уступки для того, чтобы получить от нас хоть что-нибудь, вместо того, чтобы не получать ничего.

С другой стороны правительство Макдональда имело все основания спешить с окончанием вереговоров. Переговоры, по настоянию британской делегации, велись втайне; даже парламенту ничего не сообщалось о ходе их, несмотря на частые запросы членов буржуазных партий. Однако, Макдональд обязался в весьма категорической форме представить парламенту доклад о советско-британских переговорах до роспуска последнего на летние каникулы. — Этот роспуск должен был иметь место между 7 и 9-м августа. — Когда выяснилось, что соглашения с бондгольдерами и частными собственниками к этому сроку достигнуть не удастся,— весь договор в этой, своей части, должен был принять иную форму: вместо конкретных цифр и условий могли быть установлены только общие формулы соглашения, и договор, естественно принимал форму прелиминарного, предварительного.

Понятно также, что переговоры об общих формулах затрудняли в сильнейшей степени работы обоих делегаций: советская делегация стремилась к тому, чтобы такие общие формулы, по возможности, менее связывали СССР, британская—к тому, чтобы они, по возможности, все же были достаточно ясными и максимально обязательными.

Поэтому-то по самому болезненному вопросу, на котором в свое время разорвались переговоры и в Генуе, и в Гааге, по вопросу о претензиях частных собственников национализированного у нас британского имущества, такой удовлетворяющей, обе стороны формулы найти не удалось, и в ночь с 6 на 7-е августа советско-британские переговоры были разорваны.

Понадобились переговоры президиума советской делегации с ближе, нежели рабочее правительство, связанными с массами, лидерами рабочей партии, выяснение последним советской точки зрения, их согласие с нею и их нажим на правительство, для того, чтобы переговоры опять возобновились, общая формула была найдена и договоры были подписаны в том виде, в котором они распубликованы.

Основные положения договоров.

Главнейшими постановлениями договоров, понятно, являются те, которые подвергаются особым нападкам со стороны буржуазии.

В «Договоре о торговле и мореплавании», таким пунктом является признание нашей монополии внешней торговли и вытекающие отсюда постановления об экстерриториальности и иммунитете «Торгового представителя и его помощников» и их служебных помещений и о том, что, хотя торговля, осуществляемая советским торгпредством, «подчиняется законам и судам Великобритании и Северной Ирландии», но, «в виду ответственности за эти сделки (производимые торгпредством), которая принята на себя правительством Союза, ни ему (торгпреду), ни его представителям, не будет предлагаться давать обеспечение в том, что они будут выполнять постановления суда». Довольно странным является то, что через семь лет после Октябрьской революции, в Англии находятся деловые люди, настолько еще плохо понимающие положение, что, могут воображать, будто от СССР возможно добиться отказа от монополии внешней торговли. Правда, что таких наивных людей немного и большинство теснее связанных с нами торгово-промышленных кругов Великобритании, уже прекрасно усвоили, что в торговом договоре с СССР необходимо исходить из нашей монополии внешней торговли.

В этом же случае все остальные возражения против постановлений торгового договора основаны на простом недоразумении.

В самом деле, если внешняя торговля составляет государственную монополию, то во взаимоотношениях с другими государствами возможны только два пути: либо можно сказать, что так как официальные представители другого государства и их организации экстерриториальны, согласно духу международного права— их вообще не может существовать на территории другого государства, либо нужно признать, что эти представители, хотя и экстерриториальные, в своей оперативной деятельности подчиняются законам того государства, где работают.

На заре нашей революции, когда наш строй был еще совершенно непонятен буржуазному миру, последний стоял на первой точке зрения и, например, в 1918 году германское правительство предложило пишущему эти строки, бывшему тогда советским послом в Берлине, ликвидировать в Германии отделения «Соединенного Банка», после изданного Советским Правительством декрета о национализации банков, с тою мотивировкой, что после национализации эти отделения становятся государственными предприятиями, как таковые являются экстерриториальными, не могут нести ответственности перед германскими судами и, следовательно, не должны существовать на германской территории.

По существу, при монополии внешней торговли, когда советское правительство выступает единственным контрагентом,—такая точка зрения означает полный отказ от торговых сношений с СССР. А так как буржуазный мир с нами торговать очень хочет, то эта позиция не могла долго удержаться, и все государства очень скоро пришли к указанному компромиссу: экстерриториальность торгпредства, но ответственность его по законам

страны за все производимые в данной стране сделки. При этом, конечно, престиж СССР требует, чтобы меры предварительного воздействия (арест на имущество и т. п.) не применялись в отношении торгпредства.

Это именно и сказано во всех наших последующих торговых договорах, в том числе и в советско-британском. После подписания договоров, деловые люди Англии, получавшие в частных беседах с членами советской делегации вышеизложенные раз'яснения, — очень скоро сообразили, что ничего лучшего не придумаешь и что против этих постановлений торгового договора; спорить не приходится, так как единственный путь, заставить нас отказаться от того, от чего мы отказываться не желаем, в данном случае от монополии внешней торговли, есть *путь силы*, а он, как известно, в свое время довольно энергично применялся Великобританией, только без всяких полезных для нее результатов... Последнее тоже весьма популярно раз'яснялось нами британским деловым кругам.

В общем договоре самым большим нападкам, как известно, подвергается пункт о правительственной гарантии займа СССР в Великобритании и зависимость всех принимаемых советским правительством на себя обязательств от этого займа.

Точка зрения советского правительства и советской делегации все время была такова. СССР — единственное государство, экономически даже более других пострадавшее от войны, ее последствий и революции, которое все же, без всякой иностранной помощи, не только стабилизировало свою валюту, но и укрепило общее свое экономическое положение. Эту стабилизацию СССР может и впредь развивать совершенно независимо и самостоятельно, но тем не менее, положение все же таково, что нормальный процесс экономической стабилизации немедленно будет нарушен, как только СССР примет на себя новые материальные обязательства, которые до сих пор не входили в его расчеты. Поэтому в таком случае необходима помощь извне, т.-е. заем, при чем заем должен быть таким, чтобы, вложенный в советское хозяйство, он ежегодно давал больший процент дохода, нежели тот расход, который СССР придется ежегодно нести в виде процентов по самому этому займу и его погашению и погашению признанных СССР старых обязательств.

Нужно сказать правду, что, несмотря на сильнейшую контр-агитацию, эта точка зрения в конце-концов, все же была воспринята и признана деловыми кругами Великобритании, искренне желающими серьезных экономических сношений с СССР.

И если все же советско-британский договор сделался могильщиком рабочего правительства, то этому были совершенно иные причины.

Кампания против советско-британских договоров.

Буржуазную кампанию против советско-британских договоров можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны — это кампания деловая: с другой — чисто-политическая.

Деловая кампания претерпела несколько различных видоизменений.

Наиболее ясная, отчетливая и резко-классовая точка зрения была выражена крупнейшей либеральной газетой «Daily News» в статьях ее сити-редактора, т.-е. как раз редактора, связанного с деловыми, торгово-промышленными кругами.

Здесь прямо заявлялось, что неприемлем советско-британский договор в виду содержащегося в нем косвенного признания наших декретов об аннулировании царских займов и национализации частной собственности (во вступлении к соответственным статьям, в словах: «в из'ятие из декрета от 28-го января 1918 года об аннулировании долгов бывших императорского и временного правительств»... Ст. 6 Общего Договора и «в из'ятие из декретов о национализации промышленных предприятий и земли»... ст. 10 того же договора).

Всякое государство может об'явить себя банкротом и лишь частично не платить своих долгов или даже совсем их не платить, — рассуждала «Daily News» или, вернее, ее устами принципиальная буржуазия из Сити. В этом еще нет ничего принципиально — недопустимого. Но принципиально недопустимо *нежелание платить*, ссылка на закон об аннулировании долгов. Пусть СССР ничего не платит нам, но пусть она принципиально признает, что она *обязана платить*. В скобках отметим, что такова же, приблизительно, давнишняя точка зрения глашатая буржуазного права и пророка буржуазной морали, мистера Юза, министра иностранных дел Соединенных Штатов Северной Америки.

Другую точку зрения заняли британские торговые палаты. Сначала Лондонская Торговая Палата приняла постановление, что договоры от 8-го августа не годятся потому, что в них нет отделения межгосударственных расчетов от расчетов между гражданами и нет указаний на право частных британских граждан требовать с частных советских граждан. К этой резолюции лондонской торговой палаты присоединился комитет ассоциации британских торговых палат, разославший всем торговым палатам Великобритании запрос об их отношении к советско-британским договорам, с изложением вышеуказанной точки зрения самого комитета. Все торговые палаты, за исключением одной только русско-британской, одобрившей договоры,—присоединились к этому мнению лондонской торговой палаты и комитета ассоциации.

Если ближе присмотреться к этому решению, то тут—совершенно явный шантаж. — «Общий договор признает три категории британских претензий: 1) претензии бондгольдеров; 2) смешанные претензии (за реквизированные во время войны и революции автомобили, мебель и т. п. мелочи), которые должны быть покрыты уплатой СССР британскому правительству паушальной суммы, по соглашению с последним, а не с заинтересованными лицами и 3) претензии британских собственников, национализированных советской властью предприятий. При этом в договоре оговорено, что по первой и третьей категории претензий должно состояться соглашение между советским правительством и самими заинтересованными претендентами и определенно подчеркнуто, что *полностью* по этим претензиям СССР платить не должен.

Постановление торговых палат выдвигает *четвертую* категорию претензий частных граждан и юридических лиц одной

стороны, к частным же гражданам и юридическим лицам, другой. Но так как советские граждане и фирмы всегда могут ответить, что их имущество советскою властью национализировано, то по существу, это — новая категория претензий вовсе не к советским гражданам, а опять-таки к советскому правительству. Для чего? Для того, чтобы при предусмотренном договором соглашении с самими претендентами, повысить общий размер претензий и, таким образом, побольше получить. И для того также, чтобы иметь возможность пред'являть претензии к находящимся в Великобритании суммам и имуществам национализированных российских граждан и предприятий, которые на основании ст. 10 соглашения от 16-го марта 1921 года, находятся под запретом и не могут быть тронуты ни советским правительством, ни бывшими собственниками.

Как сказано, эта претензия есть чистейшей воды шантаж.

Наконец, когда страсти несколько поулеглись и когда заинтересованные в экономических сношениях с СССР британские деловые круги сами начали выступать в защиту договоров от 8-го августа, когда, по существу от деловой «критики» этих договоров ничего не осталось, — сделана была последняя попытка выступить еще с новой точкой зрения.

Манчестерская торговая палата обратилась с открытым письмом к правительству, в котором уже ничего не говорилось ни о принципиальной (с точки зрения крупно-капиталистической буржуазии), недопустимости указанных положений договоров, ни о пред'явлении новых категорий претензий к СССР, но возражалось лишь против той статьи «Общего Договора», в которой «правительство Его Британского Величества признает, что финансовое и экономическое положение Союза делает невыполнимым полное удовлетворение претензий... и т. д.».

Письмо манчестерской торговой палаты подвергает детальному анализу финансовое и экономическое положение СССР и приходит к выводу, что вышецитированное положение глубоко неправильно, что в крайнем случае, можно еще было бы говорить о предоставлении советскому правительству моратория, отсрочки в уплате платежей, но ни в коем случае нельзя говорить, что СССР вообще не может платить полностью, ибо последний потенциально достаточно богат, чтобы иметь возможность платить и гораздо большие суммы.

Это было последней попыткой в плоскости установления общих формул протащить такие, которые заставили бы нас как можно больше платить.

Гораздо серьезнее была политическая кампания против договоров от 8-го августа.

Эта кампания, собственно говоря, была направлена не столько против нас, сколько против рабочей партии и рабочего правительства.

Как сказано, рабочее правительство в Великобритании стало вообще возможным только при поддержке либералов.—Если верно, что в нашу революционную эпоху мировая буржуазия нигде не может уже царствовать непосредственно, а повсюду нуждается в соглашательском орудии из верхушечного предательского кадра рабочих социалистических партий, то это верное, само по себе положение, все же нуждается в серьезнейших модификациях, и особенно для Великобритании.

В Великобритании огромную роль играют политические традиции. В продолжение столетий Англия привыкла к системе двух партий, при которой власть периодически переходила из рук либералов в руки консерваторов и обратно. Уже одно появление на политической арене третьей сильной политической партии, рабочей, для английских условий означало чуть ли не революцию.

С другой стороны, британская либеральная партия одним своим крылом опирается на крупно-капиталистическую буржуазию, почти уходящую в консервативный лагерь, а другим на широкого демократического избирателя, почти сливающегося с правым крылом рабочей партии. Либеральная партия посадила на трон Макдональда для того, чтобы он творил ее волю. Но, быть может, именно благодаря своему оппортунизму, правительство Макдональда, за 9 месяцев не сделавшее ничего такого, чего не могла бы сделать и либеральная партия, стал опасен последней, так как показал левому ее мелкобуржуазному, наиболее трусливому флангу, что ничего страшного в рабочем правительстве нет и грозил поэтому оторвать этот левый фланг от либералов. С другой стороны, правое крыло либеральной буржуазии, руководимое Ллойд-Джорджем, явственно поняло (особенно на истории с советским договором), что как ни прекрасен сам по себе Макдональд и соглашательская верхушка, но пролетарская масса гораздо левее их, и постоянное давление последней на рабочее правительство, в конце-концов, заставит его принять политику, нежелательную либералам. Отсюда — отказ либеральной партии дальше поддерживать рабочее правительство, с угрозой правого крыла отойти к консерваторам, резкая борьба этого правого крыла против рабочей партии и правительства и падение последнего.

Правда, эта борьба означает крах английского либерализма, теряющего свою политическую физиономию и идущую на поводу у консерваторов, но как раз правому крылу либеральной партии это безразлично, ибо оно и без того готово уйти в консервативный лагерь, а Ллойд-Джордж уже давно в мечтах своих видит себя лидером консервативной партии, которая, кстати сказать, и не имеет подходящего лидера.

То, что сейчас происходит в Англии—это об'единение буржуазии против пролетариата, конечно, как всегда, бывает в подобные эпохи не под либеральным, а под консервативным знаменем. Промежуточные партии — в Великобритании, таковою является либеральная — естественно, изживаются. Поэтому совершенно неизбежен и заранее ясен был имевший место на последних выборах разгром либеральной партии.

Но об'единение буржуазии и поправение ее, укрепление реакции на одном фланге, неизбежно приводит к об'единению пролетариата и революционизированию пролетарских масс на другом.

Недаром парламентские выборы в Великобритании проходили под знаком небывалого классового ожесточения, когда, по выражению той же «Daili News», каждый, даже самый лойяльный и правый рабочий, «должен выступать, как большевик». И недаром буржуазии для одержания победы необходимо было выдвинуть старое, испытанное средство запугивания мещанских масс красным призраком коммунизма и создать фальсифицированный заговор с подложным письмом т. Зиновьева.

Перспективы советско-британских договоров.

Какие же в этих условиях существуют возможности для советско-британских договоров от 8-го августа?

Согласно британской конституции, международные договоры вообще не ратифицируются парламентом, но королем. Однако, со времен мировой войны узаконена практика, по которой каждый международный договор «лежит на столе» в парламенте 21 парламентский день. В этот период договор дебатируется, но никакого голосования не происходит. Для того, чтобы имело место голосование, нужно, чтобы какая-нибудь парламентская фракция внесла вотум недоверия правительству. Тогда происходит голосование этого вотума недоверия, косвенно, следовательно, и самого договора, по поводу которого внесен вотум.

Можно определенно сказать, что, если бы в Великобритании не произошло такого резкого обострения классовой борьбы, — советско-британские договоры 21 парламентский день подвергались бы жесточайшим нападкам со стороны и либералов, и консерваторов, но в виду того, что в самом договоре от 8-го августа предусмотрено заключение второго договора (а билль о займе должен голосоваться парламентом); в виду того, что деловая критика этих договоров по существу не выдержала никакой критики и в виду, наконец, того великого энтузиазма, с которым многомиллионные пролетарские массы единодушно поддерживают эти договоры — ни одна из буржуазных партий не рискнула бы вносить вотума недоверия на этом вопросе. И договор был бы преспокойно ратифицирован королем, а затем начался бы еще более ожесточенный бой по второму советско-британскому договору, главным образом, по вопросу о правительственной гарантии займа.

Но теперь этого не может быть. Ибо в день роспуска парламента, либеральная партия в азарте борьбы против рабочей, внесла на рассмотрение парламента петицию к королю о не-ратификации советско-британских договоров от 8-го августа. Эта сессия парламента была чрезвычайной, созванной специально по ирландскому вопросу. Согласно конституции при возобновлении работ парламента, в первую очередь должны обсуждаться запросы, оставшиеся от прошлой сессии, в том числе, конечно, и внесенная Асквитом петиция королю по русскому вопросу.

Конечно, парламент может этого не делать, опираясь на то, что за это время произошел роспуск старого парламента и новые выборы, имеется новый парламент и новое правительство. Но так как последние выборы были, так сказать, русскими выборами и в центре их стояли именно вопросы об отношении к советско-британским договорам и СССР вообще, и так как кроме того, борьба буржуазии против пролетариата выборами не заканчивается, а теперь только развивается, то трудно себе представить, чтобы буржуазное большинство парламента согласилось замазать русский вопрос. Вернее всего, что он немедленно встанет во весь рост при открытии сессии нового парламента 19-го ноября и вернее всего, что договоры от 8-го августа не будут ратифицированы.

Но с другой стороны, ни одна партия в Великобритании, даже консерваторы, не смеет открыто заявлять, что не хочет соглашения с СССР, а подпись на договоре премьер-министра Великобритании,

хотя бы и падшего, что-нибудь, да значит. Наконец, рабочая партия, несмотря на об'единение буржуазии, входит в новый парламент, имея за своей спиной пяти с половиной миллионную, сплоченную и решительную пролетарскую армию. И с этой силой должно будет считаться всякое правительство Великобритании. Рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, любое правительство Великобритании должно будет притти с СССР к тому самому соглашению, которое, и консерваторы, и либералы ныне так стараются похоронить.

С. Тимов.

МССР, бессарабская проблема и румынская буржуазия.

Наш Союз обогатился новой республикой — Молдавской.

Молдаване — это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию, Подолию, Херсонщину и отчасти Екатеринославщину. Это — потомки древнего народа даков, смешавшихся еще в первые века христианской эры с римлянами-завоевателями; они до сих пор сохранили свой национальный быт и язык, представляющий диалект романского (латинского) происхождения, подвергнувшийся влиянию славянских и балканских языков. В частности, язык приднестровских молдаван подвергнулся сильному влиянию русского, или вернее украинского языка.

По преимуществу земледельцы, молдаване в бывшей царской России были одним из самых угнетенных и культурно-отсталых народов, представляя предмет самой невероятной эксплоатации со стороны правящего класса. В пределах нашего Союза молдаване населяют компактными массами приднестровскую полосу, где составляют свыше 400 тысяч населения. Молдаванам не принадлежит абсолютное большинство, но зато они располагают относительным большинством по отношению к другим национальностям. Вот почему трудящиеся Украины и решили выделить это население в самостоятельную национальную единицу, Автономную Молдавскую Социалистическую Советскую Республику.

Выделение молдавского населения в самостоятельную государственно-национальную единицу будет иметь неизмеримо великое значение в деле национального и экономического возрождения молдавского народа. Вместе со всей Украиной, молдавское Приднестровье было об'ектом международного империализма и нашествия контр-революционных банд, которые разоряли страну. Еще в 1914 г., когда только вспыхнула война, Германия, желая привлечь на свою сторону Румынию, обещала ей, в случае победы, не только Бессарабию, но и нынешнюю территорию Молдавской Республики, включая Одессу. Этот исторический факт не безынтересно напомнить именно теперь, потому что он неопровержимо свидетельствует, что судьба молдавского населения (как, впрочем, и всякого национального меньшинства) осужденного, при буржуазном строе, только на роль об'екта эксплоатации и спекуляции. Теперь же трудящиеся молдаване, знавшие гнет турецких беев, румынских бояр и русских помещиков, впервые получают возможность собственными усилиями, при помощи трудящихся

всего Советского Союза залечивать раны, нанесенные своему хозяйству мировыми хищниками, и возрождать свою древнюю культуру.

Однако, создание Молдавской Республики имеет не только внутреннее, для нашего Союза, но и международное значение. Не даром иностранная печать так внимательно следила и сообщала о каждом шаге, предпринимавшемся в этом направлении.

В своей исторической перспективе, Молдавская Республика связана с бессарабской проблемой. Не без основания румынская буржуазия восприняла весть о создании республики, как прямой вызов по своему адресу. «Они» (т. е. мы, большевики), писала одна румынская газета при первых известиях о республике, — «создают там румынскую ирреденту (?!), источник действий для последующего присоединения Бессарабии — если даже не всей Румынии!!... к молдавской республике». Само собой разумеется, что дело не в наших «кознях», а в том, что в Румынии национальности угнетены, что в тисках иностранного гнета находятся не только народы Трансильвании, Добруджи и Буковины, но и сами бессарабские молдаване, столь родственные запрутским румынам. Национальное самоопределение приднестровских молдаван, поэтому, об'ективно представляет угрозу румынскому господству над чужими национальностями. Впрочем, не только румынскому. Балканы и юго-восточная Европа — это конгломерат господствующих и угнетенных национальностей и каждый шаг в деле национального раскрепощения, предпринимаемый в нашем Союзе, представляет угрозу для господствующей буржуазии этих стран.

Бессарабия непосредственно соприкасается с территорией Молдавской республики. Что все симпатии бессарабского населения на стороне Советов — об этом достаточно свидетельствуют последние восстания в этом крае. Национальное самоопределение молдаван по эту сторону Днестра только усилит эти симпатии. Но Бессарабия, представляющая очаг революции в Румынии, непосредственно соприкасается с Добруджей, Буковиной и даже Галицией и всякое событие в ней отдается эхом во всех этих угнетенных крестьянских провинциях. Вот почему иностранная буржуазия так болезненно реагирует на практическое осуществление национальной политики нашей партии.

Румынская буржуазия зорко следит за событиями в СССР. Она уже начинает точить зуб против новой республики. «Может случиться, — писал в конце сентября «Адеверул», — крупная буржуазная румынская газета, — что ничего не выйдет, но также может случиться, что получится как раз обратное тому, что думает Москва. Бессарабия добровольно (??) вернулась к нам. Кто знает — тайны будущего настолько неизвестны (?) — кто знает, не протянет ли и она — Молдавская республика, Заднестровье нам руку? Русские играются. Но не пожалеют ли они когда-нибудь?».

Таков тон всей румынской печати. Румынские правящие круги смертельно напуганы осуществлением нашей национальной политики на берегу Днестра и тешат себя надеждой, что этот «инструмент» может обратиться против нас. Чем бы дитя не те-

шилось, лишь бы не плакало! Но все же, если невеждам из румынской буржуазной печати неизвестны движущие силы истории, то мы ни на минуту не сомневаемся не только в классовом инстинкте приднестровских молдаван, по и заднестровских.

Создание Молдавской республики, с одной стороны, и сентябрьское восстание в Бессарабии, с другой, выдвинули в самой Румынии вновь бессарабскую проблему. Буржуазное общественное мнение Румынии начинает себе отдавать отчет в том, что рано или поздно, но Бессарабин должна будет выскользнуть из ее гладения. Поэтому оно начинает прилагать усилия к тому, чтобы хотя бы несколько, но отдалить этот момент.

Один видный публицист недавно писал, что: «...нельзя оспаривать, что Бессарабия — румынская не столько потому, что одно революционное собрание (речь идет о «Сфатул Церии», постановление о присоединении к Румынии которого служит главным аргументом румынского правительства в оспаривании прав на Бессарабию. С. Т.) вотировало воссоединение с румынским королевством, сколько в силу того, что запрутская Молдавия была отнята актом предательства и насилия... Если все же Бессарабия кажется нам находящейся под угрозой, то это беспокойство исходит не из внешних обстоятельств, смысл которых заключается в соблюдении мира и границ, существующих между нациями, а обязано, — мы должны это признать, — тому отношению, которое практиковалось нами по отношению к Бессарабии и которое возмущало и продолжает возмущать румынское сознание жителей этой провинции». И автор призывал «все политические партии сложить свои орудия борьбы на берегу Прута и об'единиться на время в общем деле национализации, изучения и гармонического облегчения нужд всех классов (?!). Нужно создать для Бессарабии специальный режим мира, свободы и справедливости и об'единить все политические силы для подготовки румынского самоопределения сознания бессарабцев» (!).

Таким образом, сама румынская буржуазия вынуждена признать: 1) что присоединение, вотированное в свое время «Сфатул Церием» не стоит ломанного гроша и 2) что население враждебно румынскому господству. Эти признания приобретают особенное значение именно в настоящий момент, когда у нас в Союзе призываются к национальному самоустроению молдавского населения.

В целях приобретения симпатии (это после подавления сентябрьского восстания) бессарабского населения, румынское правительство предприняло «культурное наступление», сопровождаемое... усилением белого террора. Для этой цели в край отправляются для устройства школ и ячеек румынской пропаганды учителя, кстати сказать, выполняющие одновременно роль агентов охранки в школе, попы и... жандармы, так что даже буржуазная печать вынуждена была заметить, что все эти мероприятия «являются очень слабым ответом на жалобы жителей на совершаемые несправедливости» (какие изыскано мягкие выражения!). В то же время она предприняла маневры флота в дунайских водах против Бессарабии в целях демонстрации своей мощности «против опасностей революции» в Бессарабии.

Но сколько бы румынская буржуазия не предпринимала шагов с целью расположить к себе бессарабское крестьянство и рабочих, все эти меры заранее обречены на неудачи, потому что они, в конечном счете, имеют целью не улучшение их положения, а закрепление господства буржуазии. Между заднестровским и приднестровским молдаванством существует постоянная живая связь; заднестровские молдаване видят, как свободно живут на этой стороне их национально-классовые собратья и это обстоятельство еще больше оттеняет то русское положение, в котором оно находится. Теперь этот контраст еще больше увеличится. Факт существования Молдавской республики послужит новым стимулом в той героической борьбе за национальное и социальное освобождение, которое ведет бессарабское крестьянство и которое недавно воплотилось в восстании на юге Бессарабии.

Мы уже в другом месте указывали, что, наряду с финансовым кризисом, переживаемым сейчас румынской олигархией, вторым актуальным вопросам, сильно озабачивающим ее, является бессарабская проблема. Бессарабский вопрос стал для румынской буржуазии камнем преткновения не только во внутренней жизни страны, но и во внешней политике. Италия, по всей видимости, не склонна ратифицировать бессарабского протокола. Япония тоже. Малая Антанта определенно не хочет брать на себя какие бы то ни было обязательства в этом вопросе, а Юго-Славия даже довольна осложнениями между Румынией и СССР на этой почве. В бессарабском вопросе Румыния совершенно изолирована, ибо даже те государства, которые не настроены враждебно к Румынии, не хотят притти ей в данном вопросе на помощь, чтобы не испортить себе отношений с СССР (например, Чехо-Словакия). Те же государства, которые до сих пор ратифицировали бессарабский протокол, как, например, Франция, требуют себе мзду за это в виде концессий и пр. услуг, что также не выгодно для румынской буржуазии, борющейся сейчас за монопольную эксплоатацию румынского крестьянства и пролетариата введением ограничительных мер против иностранного капитала.

Резюмируя, мы можем сказать, что после 6 лет господства в Бессарабии, румынская буржуазия добилась только смертельной ненависти бессарабских трудящихся. Создание Молдавской республики послужит не только громкой пощечиной для националистической буржуазии, но и явится стимулом для молдаван, украинцев, мадьяр, немцев, населяющих «Великую» Румынию к национально- освободительной борьбе против господствующей иностранной румынской буржуазии. Развитие молдавского народа по эту сторону Днестра будет служить одним из залогов развития классового и национального самосознания молдаван по ту сторону Днестра, что далеко не безразлично для судеб национально освободительного и рабочего движения в самой Румынии.

Румынская буржуазия надеется обратить МССР против нас, мы же глубоко уверены, что она послужит одним из тех остриев, которые пронзят румынскую олигархию.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

И. Степанов.

О моих ошибках, „открытых и исправленных" тов. Стэном.

Ян. Стэн (см. «Большевик» № 11, стр. 82 и сл.) захотел, чтобы на ошибки, открытые им у меня, обратили совершенно исключительное внимание. Не ограничиваясь тем, что он выписал название рецензируемой книги («Г. Гортер. Исторический материализм. Приложение: И. Степанов» и т. д.), как вообще принято в отделе «Критика и библиография», он пишет наверху особенный заголовок: «Об ошибках Гортера и тов. Степанова». Конечно, этак оно вышло ярче, и сотни тысяч читателей «Правды» об'явлениями содержанием очередного номера «Большевика» предуведомлены, что Степанов надслал ошибок и дождался заслуженной расправы от Ян. Стэна.

Но в таком случае пусть же и Стэн не посетует на меня за то, что я привлеку вполне заслуженное внимание к его рецензии.

Начну со второй из двух грубых ошибок, найденных у меня Стэном. По словам Стэна, «вторым следствием невнимания тов. Степанова к диалектике является его движение вспять от диалектического материализма к материализму механическому». А для того, чтобы «уяснить методологическую природу диалектического материализма», — продолжает Стэн, — «мы вкратце остановимся на этапах развития материализма в новое время». Это «мы остановимся» сводится к тому, что Стэн «своими словами» излагает страницы Энгельса, посвященные истории материализма до Фейербаха (см. L. Feuerbach, нем. изд. 1910 г., стр. 19 и сл.). Впрочем, не просто излагает, но и дополняет некоторыми выписками из ученических тетрадок по истории философии.

Я могу сообщить Стэну, что Энгельс в этом случае в основном воспроизводит ту характеристику старого материализма, которая была дана в «Святом семействе», работе, относящейся к 1844—1845 году (см. «Aus dem literarischen Nachlass», II B., стр. 232 и сл.).

Маркс дал здесь блестящую критику **некоторых** течений «механического материализма» и показал, между прочим, что в лице отдельных своих представителей этот материализм является возвратом к идеализму.

Но какое имеет все это касательство к воззрениям, развиваемым мною в послесловии к Гортеру? Стэн не ставит этого вопроса. Он строит свою аргументацию так: механический материализм XVII—XVIII века давно отвергнут и превзойден. Степанов же отстаивает механистическое понимание природы. Следователь-

но, Степанов со своими заскорузлыми, чисто личными воззрениями просто примазывается к ортодоксальному марксизму.

Однако Стэн, следуя за Энгельсом, пишет: «материализм не есть какая-нибудь постоянная, неизменная и самой себе равная величина, он имеет свою историю развития». А что же, у термина «механический» или «механистический» нет никакой истории развития? Что же, его значение осталось неизменным с 1845 года, к которому относится «Святое семейство», и до настоящего времени?

Не подобает механически повторять слова и фразы, не понимая их смысла. Неужели Стэн думает, что это утверждение сколько-нибудь опорочивает механику?

Что такое представляет механистическое понимание природы, за которое Стэн вридает меня публичной казни? Так как рецензент, ухватившись за слово «механистическое», не дает ни малейшего представления о действительном содержании моего послесловия, то я вынужден сделать из него выписку:

«Современное естествознание — говорю я на стр. 166—167, — смотрит на растение и на всякий живой организм, как на чрезвычайно сложный, тонкий, но тем не менее все же механизм, который усваивает энергию из внешнего мира и превращает, претворяет ее из одних форм в другие... Во всех случаях она (современная наука) показывает, что **закон сохранения энергии остается в полной силе по отношению к растительной жизни.** Нигде не находится места для какой-то особой «жизненной силы», представляющей в своем действии из'ятие из закона сохранения энергии. И нигде не удается открыть никакого придатка к тем количествам энергии, которые усваиваются растением из внешнего мира, и **никаких особых таинственных форм энергии сверх тех, которые вообще наблюдаются в химических и физических процессах.**

«Марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает **это так называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание ее».**

Затем, упомянув о том, как идеалисты ищут последнего прибежища для «непознаваемого», «непостижимого» и т. д. в области психической жизни, я продолжаю: «механистическое понимание природы, раскрывая, что **и область психической жизни не дает исключений из закона сохранения энергии**, идет к своему завершению и вместе с тем к величайшему торжеству».

Положительно чудовищно, что человек, мнящий себя теоретиком марксизма, не просто отвергает эти воззрения, но и старается опорочить их в глазах партии.

Почтеннейший тов. Стэн, неужели вы не почувствовали, что защите, между прочим, и этих воззрений посвящен «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина?

Стэн воображает, напр., что он окончательно добивает меня, приводя следующие слова Ленина: «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более

сложную картину мира, как движущейся материи» *). Это сказано Лениным в связи с некоторыми новыми воззрениями на строение материи. Автор рецензии не понимает, что это не имеет никакого касательства к механистическому пониманию природы. Настолько не имеет касательства, что в своей «Электрификации» я дал как раз электромагнитную теорию строения вещества и до сих пор не расстался с нею.

Кстати сказать: первая глава моей «Электрификации» («Энергетика процессов природы»), а затем отдельные места в других главах дают именно то понимание процессов природы, которое я излагаю теперь в послесловии к Гортеру. Это прямо указано в моем послесловии. Знает ли Стэн, какой отзыв дал Владимир Ильич об этой работе и как в частности он отнесся к упомянутой главе, которая и была-то написана после совещаний с ним? Поразительно, как это Владимир Ильич не разнес меня за то, что свои личные взгляды я выдаю за марксизм!

Кто не знает, какую настойчивую борьбу вел Ленин с университетскими противниками тех воззрений, которые я изложил в «Энергетике процессов природы» и затем еще раз — в дополнении к книге Гортера?

И сколь беззаботным по отношению к естествознанию надо быть для того, чтобы проглядеть, что великое дело жизни К. А. Тимирязева, одного из наших величайших ученых, заключалось в развитии и пропаганде этих воззрений **).

Но здесь мне скажут: зачем же я ввел в искушение невинного младенца от марксизма и естествознания? Зачем изобрел свой термин «механистическое понимание природы» и тем самым заставил Стэна рыться в своих ученических записях и разыскивать, нет ли там чего-нибудь противо-«механического» вообще?

На беду Стэна термин не выдуман мною, а давно употребляется в иностранной биологической литературе. Впрочем, зачем предпринимать заграничное путешествие, — достаточно лишь слегка посмотреть текущую биологическую литературу в РСФСР, чтобы разом найти «механистическое понимание природы», именно в том значении, как это слово употребляется у меня. Вот, напр., сборник «Философия науки. Ч. II—биология», вышедший под редакцией проф. М. и Б. Завадовских, продолжателей К. А. Тимирязева (Гиз. 1923 г.). На стр. 7—8 мы читаем: «До настоящего времени каузально-аналитический метод с очевидностью показывает, что в пределах организма действуют те же виды энергии, что и в неживой природе»... Авторы «отдают предпочтение каузально-аналитическому методу, перед телеологическим, механистическим концепциям перед виталистическими, уже в силу несоизмеримой их продуктивности».

Или вот еще очень ценный сборник: «Очерки по теории эволюции» (Изд. «Кр. Новь». М. 1924). Составители его пишут, что они «стремятся дать наиболее механистические об'яснение эволюционного процесса, на основе отказа от всяких представлений, связанных с жизненной силой, и антропоморфического представления о целесообразности». Следовательно, и в этом случае, как у меня, вопрос ставится ребром: или механистическое понимание процессов жизни — или витализм. Начинает ли схватывать Стэн, какую желтую чепуху преподнес он читателям своей борьбой против ясно формулированных мною механистических воззрений?

Для всякого не абсолютно безграмотного в естествознании человека «механистическое понимание» означает, что виды энергии, действующие в живой природе, признаются теми же самыми видами ее, которые действуют в неживой природе. В самом названии необходимо подчеркнуть этот плодотворнейший принцип всего современного естествознания. «Диалектическое понимание» — слишком общее название. Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механическое понимание, т.-е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращениям тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией *).

Но тов. Стэн скажет: вот здесь-то Степанов и обнаруживает всю глубину своего марксистского падения. Степанов, сам не замечая того, уходит от тонкой диалектики Маркса-Энгельса к грубой механике естествознания.

Так как мышление у тов. Стэна вообще подменяется цитатами, то постараюсь растолковать дело понятным для него способом.

А. Деборин. «Введение в философию диалектического материализма». Гиз. 1922. Прим. на стр. 159. «Борьба между материализмом и феноменализмом (подчеркнуто, как и дальше, тов. Дебориным), сводится, таким образом, к борьбе между признанием материалистически-механической структуры действительности, количественной ее определяемости и метода об'яснения, с одной стороны, и психологически-феноменальной структуры действительности, качественной ее определяемости и метода описания — с другой».

Не хотите принимать материалистически - механистических об'яснений, так идите к Маху, Авенариусу, Оствальду и проч., — вот что говорит тов. Деборин. Ясно? Утешительно?

Г. В. Плеханов, примечания к «Л. Фейербаху», Энгельса, как раз к тому месту, которое дало тов. Стэну бо́льшую часть его рецензии, и открыло его глаза и уши (Степанов защищает «механические» воззрения, а Энгельс их отвергает) к восприятию моих ошибок (Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VIII. Гиз. 1923. Стр. 396): «По этому поводу можно заметить, пожалуй, что и химия, и биология, в конце концов, сведутся, вероятно, к молекулярной

*) Стэн не указывает, каким изданием „Материализма“ он пользовался. В издании 1920 г. использованные им места стоят на стр. 265—266 и 284. Очень рекомендую читателю отыскать эти места и посмотреть, как использованы они у Стэна. Веселые минуты обеспечены.

**) На 5 стр. его „Жизни растения“, М. 1920, мы сразу встречаемся с таким положением: „Для того, чтобы об'яснять явления жизни, т. е. свести их на более простые физические и химические явления, в чем и заключается задача физиологии,—для этого нужно предварительно быть знакомым с этими последними явлениями“. Сравн. в моем послесловии стр. 146 и только что цитированное место. Сравн. также речь К. А. Тимирязева „Витализм и наука“: „Все, что приобретено физиологией до сих пор, приобретено только благодаря приложению к жизненным явлениям физических и химических методов исследования, благодаря распространению на них физических и химических законов“ (Сборник „Философия науки“. Часть II. Гиз. 1923 г. Стр. 67).

*) Пользуясь случаем, не могу не указать на замечательно, редкостно для англичан выдержанную и очень сжатую книжку А. Шефера: „Жизнь, ее природа, происхождение и сохранение“. Гиз, без указания года издания.

механике. Но читатель видит, что Энгельс говорит не об этой механике, которой не имели, да и не могли иметь в виду французские материалисты, равно как и Декарт, их учитель, в деле построения «животной машины».

Отчетливо? Ведь, это, как-будто, специально по адресу тов. Стэна: когда в современной литературе встретишь «механику» и «механистический», не думай ниспровергнуть их, приведя то, что Энгельс говорил о французских материалистах и Декарте. А вся, буквально вся, разница тов. Стэна свелась к тому, что он, просто, повторил несколько соответствующих страничек из Энгельса, воображая, что они имеют какое-нибудь касательство к современным механистическим воззрениям.

Нет, тов. Стэн, так дело не пойдет! Не выйдет никакого толка, если вы просто будете долбить: не механистический, а диалектический, ровнехонько ничего не понимая, что означает то и другое.

А теперь несколько слов о моей первой грубой ошибке, открытой Стэном. Гортер признает, что последовательное современное миропонимание требует выдержанно материалистического понимания общества. Но, полагает он, можно быть хорошим историческим материалистом — и в то же время давать идеалистическое истолкование явлениям природы. Конечно, я решительнейшим образом выступил против этого «философского нейтрализма». Но, уверяет Стэн, при этом сам Степанов «ухитрился совершенно обойти вопрос о диалектике и диалектическом материализме». «Тов. Степанову,— вещает Стэн, — не проходит даром такое холодное равнодушие к материалистической диалектике. Первым следствием такого невнимания к диалектике у тов. Степанова является управление марксистской философии. Ввиду того, что материалистическая диалектика исчезла из поля внимания Степанова, ему приходится об'явить тождество философского материализма и современного естествознания. По этому поводу он (т.-е. Степанов) пишет: «Исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части выполнено философским материализмом, или, употребляя более ясное и прямое название, выполнено современным естествознанием: для марксизма не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него — последние и наиболее общие выводы современной науки».

Чтобы читатели яснее почувствовали весь комизм поучений Стэна, я продолжу цитату из своего послесловия. «Идеалистическую философию он (марксизм) отвергает потому, что она мнит, будто бы обладает какими-то иными способами познания мира, кроме применяемых наукой, а на практике подменяет действительное знание произвольными построениями и прямыми фантазиями. Таким образом, идеалистическая философия не раскрывает мир, а обволакивает его туманами и, частью сознательно для идеалистов, частью бессознательно, задается целью подчинить людей власти фантазий вместо того, чтобы люди подчинили себе мир посредством труда, направляемого знанием».

Я, говоря о научном понимании природы, заявил, что для марксиста не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для марксиста — последние и наиболее общие выводы современной науки.

Чтобы дать Стэну добавочный материал для расправы, я выволоку еще одного автора, который в данном случае говорит о понимании не природы, а общества, и приходит к таким выводам:

«Там, где прекращается спекуляция, т.-е. у порога реальной жизни, начинается реальная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Исчезают фразы о сознании, их место должно занять реальное знание. Когда начинают изображать действительность, теряет свое raison d'être самостоятельная философия. На ее место может, в лучшем случае, стать суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей» (Чем отличается это от моих «последних и наиболее общих выводов современной науки»? И. С.). «Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности» (А это что такое, как не отрицание «философствования», отдельного и обособленного от науки»? И. С.).

Конечно, читатели уже по стилю узнали этого автора. Конечно же, это Маркс [1].

Великолепный Стэн так поучает меня (а теперь оказывается, и Маркса); «Забыв, что существует метод материалистической диалектики, и что основная задача марксистской философии и заключается в выработке научной методологии, логики науки, тов. Степанову ничего не осталось делать, как свести понятие марксистской философии к плоскому определению: «последние и наиболее общие выводы современной науки». В окончательное посрамление меня Стэн приводит следующие слова Энгельса: «От всей прочей философии остается еще, в качестве самостоятельной науки» (науки, заметьте это, Стэн), «учение о мышлении и его законах— формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной науке о природе и истории».

Очень хорошо. Но, во-первых, об этом, как мы только что видели, забыл и Маркс. И во-вторых, что сказали бы мы о таком комике, который, встретившись с разделением наук на науки о природе и науки об обществе, с видом величайшего умника спросил бы: «а позвольте вас спросить, куда вы девали низшую и высшую математику?» И заметьте, Энгельс (Dühvings Umwäbrung, стр. 137) действительно сближает элементарную математику с формальной логикой, а высшую математику — с диалектикой.

Как ни надоело мне возиться со Стэном,—а надоело убийственно, невыразимо, — еще одна цитата: «Если мы станем выводить мировую схематику не из головы, а лишь посредством головы из действительного мира, выводить основы бытия из того, что есть, то нам для этого нужна не какая-либо философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем совершается; и то, что при этом получается, опять-таки не какая-либо философия

[1]) „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса". Книга I М. 1924. 216. Тов. Д. Б. Рязанову принадлежит заслуга открытия и опубликования поразительно ценной работы Маркса, которая еще долго мариновалась бы германской с.-д. Эта работа представляет часть „Немецкой идеологии".

а положительная наука... Затем, если уже нет никакой необходимости в философии, то нет необходимости и в какой-либо системе, даже в какой-либо естественной системе философии. Понимание того, что совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку повсюду, как в частностях, так и в целом, раскрывать эту связь». Этот автор, который дошел до плоского упразднения всякой философии и, забыв о формальной логике и диалектике, целиком заменил ее положительной наукой, не кто иной, как Энгельс (там же, стр. 23) *).

А, впрочем, вот еще пример «плоского упразднения философии», задача диалектического материализма была, таким образом, предначертана заранее. Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была теперь освободить социальную науку из лабиринта ее противоречий. По выполнении этой задачи философия сможет сказать: «я сделала свое дело, я могу уйти, так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии».

Это — из «Очерков по истории материализма» Г. В. Плеханова («Сочинения». Т. VIII. Стр. 145).

Тов. Стэну остается только грызть и изворачивать это ясное положение.

Но как же все-таки обстоит дело с моим отношением к диалектическому материализму? И не грешит ли на этот счет мое послесловие к Гортеру?

Обращаемся опять к Стэну.

Обрисовав механический материализм XVII—XVIII века, он продолжает: «отсутствие диалектического метода не дало возможности точно и ясно установить конкретные особенности, качественную определенность механических процессов в отличие от органических и наоборот». Но уже Гегель показал, что «познать закономерность всякого развития, заключающегося в исчезновении старых и возникновении новых, особенных состояний, можно только на основе качественно-конкретного исследования. Категория качества указывает ту линию, по которой проходит грань между формальной логикой и логикой диалектической». «Из материалистов уже Фейербах понял важное значение качественно-конкретного момента». И, наконец, у Маркса и Энгельса диалектический материализм становится высшей формой материализма, «которая «отменяет» в гегелевском смысле этого слова прежние, ограниченные формы материализма и покоится на изучении всей природы и человеческой истории» (стр. 86—87).

Если бы не последняя фраза, то история новейшего материализма превратилась бы у Стэна в историю «саморазвития духа, «саморазвития диалектического метода». Однако, мы сейчас увидим, что Стэн равнехонько ничего не понимает в том, как это диалектический материализм связан в своем развитии с развитием положительной науки.

Посмотрим, как это дело выясняется у Энгельса.

*) Предупреждение для читателей: почти каждый раз, когда я хотел привести цитату из Анти-Дюринга по изданию 1923 г. Гиза, я открывал либо вольное изложение вместо перевода, либо прямые искажения. Нигде не проставлено имени лица, ответственного за перевод. Когда же этому будет положен конец?

Останавливаясь на причинах ограниченности материализма у Фейербаха, Энгельс говорит, что, хотя три решающих для современного естествознания открытия: клеточка, закон превращения энергии и эволюционная теория Дарвина, были сделаны при жизни Фейербаха, однако, последний жил в такой мурье, что для него осталось недоступным «сделавшееся теперь возможным историческое понимание природы, устраняющее все односторонности французского материализма» (L. Feuerbach, стр. 21—22).

В последнем предисловии (1885 г.) к «Анти-Дюрингу» Энгельс обстоятельно показывает, почему так важны для развития диалектического материализма упомянутые три открытия. Еще лет десять тому назад,—говорит он,—основной закон движения понимался просто как закон сохранения энергии. «Теперь это узкое отрицательное выражение все более вытесняется положительным выражением превращения энергии, при котором только и воздается должное качественному содержанию процесса». Теперь уже можно особенно не останавливаться на том, что количество движения во всех превращениях его из одной формы в другую остается неизменным: закон превращения энергии дает прочный базис для много более богатого содержанием исследования «самого процесса превращения, этого великого основного процесса, в познании которого резюмируется все познание природы» (стр. XVII—XVIII).

Мы уже видели, что, когда я сжато формулировал «этот великий основной процесс, в познании которого резюмируется все познание природы», и которым воздается должное качественному содержанию явлений природы, Стэн вытряхнул несколько цитат, в которых встречается слово «механический», и потребовал «качественно-конкретного исследования». Не знает ли кто-нибудь, какое словцо пустил бы Влад. Ильич по адресу такого критика?

Следуем дальше за Энгельсом.

«С того времени, как биология пользуется светом эволюционной теории, в области органической природы рушатся одна за другой закостенелые пограничные линии классификации» и т. д.

А наш рецензент умудрился не упомянуть ни единым словом, что я даю сжатый очерк именно этих воззрений на развитие органической природы,—именно этих диалектических воззрений.

Указав дальше, что было привнесено в диалектическое понимание природы открытием клеточки, Энгельс продолжает: «Но именно эти представлявшиеся непримиримыми и неустранимыми противоположности, эти насильственно фиксированные разграничительные линии и классификационные различия придавали современному теоретическому естествознанию его ограниченно-метафизический характер».

А наш рецензент и не заметил, что значительная часть моего послесловия посвящена как раз изображению того, чем становится современное естествознание, освобождаясь от метафизической ограниченности!

И, наконец, говорит Энгельс, «понимание того, что, хотя эти противоположности и различия встречаются в природе, однако, имеют лишь относительное значение, что, напротив, упомянутая

выше кажущаяся закостенелость и абсолютность вносятся в природу только нашей рефлексией, — понимание этого составляет ядро диалектического воззрения на природу».

Всякий, кто прочитает мое послесловие, признает, что в нем как раз и дана попытка раскрывать это ядро современного диалектического понимания природы.

А вот наш великолепный Стэн ничего этого не заметил. Да и не мог заметить. «Анти-Дюринг» остался для его понимания книгой за семью печатями. Для того, чтобы написать ее, для того, чтобы поднять диалектический материализм до такой высоты, требовался именно Энгельс с его жадным интересом к естествознанию, с его неустанными работами в этой области, с его поразительным чутьем тех открытий, которые действительно составили эпохи в истории естествознания. Для того, чтобы понимать «Анти-Дюринга», надо быть знакомым хотя бы с элементами современного естествознания. А Стэн, — ну, что же сказать о нем, если его возмущает одна мысль об упразднении «философствования, отдельного и обособленного от науки». Очевидно он предпочитает и видит свое особое преимущество в том, чтобы, отгородившись от положительной науки, целиком отдаться «философствованию», не стесняемому связью с наукой.

И вот этот-то начетчик от марксизма имеет, мягко выражаясь, «смелость» закончить свою рецензию таким увещанием: «Если тов. Степанов считает возможным не отнестись к этому (к критике Стэна) серьезно, то мы можем дать ему только единственный совет, не выдавать того, что является его «личным», «индивидуальным» взглядом, за марксистскую философию, за ортодоксальный марксизм».

Больно, обидно, досадно становится, когда приходится ухлопывать время не на положительную работу, а на возню с «марксистом-машиной», построенным не по Декарту и не Ламетри, а по Эдисону.

Когда Владимир Ильич прочитал мою «Электрификацию», он прислал мне предисловие и препроводительную записку, в которой, между прочим, писал: «... от этой книги я в восторге. Вот это дело! Вот это—образец того, как надо русского дикаря учить с азов» (два раза подчеркнуто), «но учить не полунауке, а всей науке». «Азы» — это глава об «Энергетике процессов природы», положенная в основу моего послесловия к Гортеру.

Владимир Ильич не мог предвидеть, что найдутся люди, которые вместо того, чтобы поучиться азбуке, с большим самодовольством станут учить ее составителя.

Ив. Теодорович.

Много шуму из ничего.

В «Большевике» (№ 7—8) помещена статья тов. Я. Берзтыса, посвященная разбору напечатанных в первом выпуске «Трудов Земплана» работ проф. Кондратьева и Огановского о перспективах развития сельского хозяйства С.С.С.Р.

Тов. Берзтыс привел ряд аргументов и соображений, которые, видимо, казались ему убедительными и достаточными для того, чтобы сделать нижеследующий «сокрушительный» вывод: «появление работы Кондратьева и Огановского под фирмой Земплана служит показателем того, насколько сильно влияние буржуазных аграрников даже (курсив тов. Б.) в руководящих правительственных учреждениях. На этом примере мы лишний раз убеждаемся в том, насколько небрежно относится наша партия к аграрной теории». (Стр. 113).

С самого начала я должен заявить, что статья проф. Кондратьева и Огановского не являются их индивидуальным творчеством; что основные положения статей разработаны и обсуждены полным составом Земплана, под моим, автора этих строк, руководством, по прямым директивам Коллегии НКЗема и что последняя, равно как и с.-х. секция госплана, утвердила соответствующий доклад Земплана. Таким образом, крайне суровый отзыв т. Берзтыса получает большой не только литературный, но и общественный интерес. Вот почему я не могу оставить без ответа выступление тов. Берзтыса.

Перечитаем еще раз его отзыв. Вряд ли сам гоголевский капитан Копейкин выразился бы более «энергично» об английской интриге! По истине, «все смешалось в доме Облонских». Наркомзем, Земплан, сама партия — изобличены, посрамлены, а тов. Берзтыс стоит, как купец из знаменитого рассказа Глеба Успенского, словно Минин и Пожарский на Красной площади, а вокруг него «пространство распространено».

Нам остается только взглянуть, действительно ли так «монументален» тов. Берзтыс с его аргументацией?

Тов. Б. начинает свою критику со статьи проф. Кондратьева. Эта последняя, прежде всего, «констатирует, как факт, наличие определенного вида основных тенденций развития сельского х-ва в 1900—16 г. (стр. 3). У т. Б. нет ни малейшего указания на то, что он считает в какой бы то ни было мере неправильной характеристику этих тенденций. Бой начинается совсем по другому поводу, а именно по вопросу, с какими причинами и факторами были связаны эти тенденции. Проф. Кондратьев перечисляет ряд таких факторов, и вот тут-то тов. Берзтыс бросается в атаку.

«Начнем,—говорит он,—с первого и, по видимому, самого главного фактора *)—роста населения».

Ну, что-ж, начнем!

Прежде всего приходится спросить, к кому же собственно относится слово «повидимому»? Кому видится», будто рост населения есть самый главный фактор? Так как из текста рецензии т. Б. ясно, что он в таком грехе не повинен, то, очевидно, что так должен думать как раз критикуемый автор. Но это — прямая неправда. Во всей работе проф. Кондратьева нет и намека на то, что он считает рост населения не то что самым главным, а даже просто главным фактором. Напротив, на стр. 7 он пишет: «оговариваемся, что мы не занимаемся здесь исканием какого-то одного основного (т.-е. «самого главного!» И. Т.) фактора; мы говорим о совокупности органически связанных между собой условий». И несколькими строчками ниже заявляет: «для удобства изложения начнем анализ с указания на рост населения». Итак, с роста населения проф. Кондратьев начинает не потому, что считает его «самым главным» фактором, а по более прозаической причине: «для удобства изложения».

Итак, констатируем, что т. Б. начать то начал, но начал нехорошо: с передержки, с подсовыванья противнику того, чего тот не говорил. Дурное предзнаменование для нашего путешествия по «распространенному пространству!».

Но идем дальше.

Тов. Б. продолжает: «Прирост населения в 19% связывается (у Кондратьева) с таким же увеличением дохода от сельского хозяйства в первом (до-военном Ив. Т.) и в третьем (после-изповском Ив. Т.) периодах; уменьшение населения во второй период вызывает деградацию сельского хозяйства; наконец, «темп прироста сельского населения мы можем признать за минимальный темп развития и самого сельского хозяйства» (это цитата из Кондратьева Ив. Т.) в будущем. Словом, плодитесь и размножайтесь и уплотняйте Советскую территорию—вот вернейший рецепт для под'ема сельского хозяйства!» (стр. 109).

Развернем критикуемую т. Берзтысом книгу на стр. 40—41. Там мы читаем: «На известной ступени плотность земледельческого населения также является фактором, толкающим крестьянское хозяйство к рынку. При отсутствии же рынка высокая плотность становится не фактором, а тормазом сельско-хозяйственного прогресса. Именно такой момент наступает у нас в большинстве районов России».

Теперь я попрошу читателя сопоставить два последних курсива: из статьи т. Б. и из разбираемой книги. Что прикажете делать с критиком, позволившим себе на глазах у читателя, среди белого дня, превратить «тормаз с.-х. прогресса», в «вернейший рецепт для под'ема сельского хозяйства? Нехорошо, тов. Берзтыс, очень нехорошо! «Роза» вашей убийственно грациозной иронии,—говоря языком одного из персонажей Чехова,—«стала издавать запах вспотевшей лошади»: ибо, т. Б.,—то, что вы проделываете, есть наездничество самого дурного тона.

*) Все курсивы, если я не оговариваю их особо, принадлежат мне. Ив. Т.

Но и, кроме этого, бесподобного перла — «плодитесь и размножайтесь» — выписанные ранее слова нашего критика заключают в себе ряд других искажений и передержек: например, увеличение дохода от с.-х. в первый период (кстати, не на 19%, как пишет т. Б., а на 33,8%) вызывается, по Кондратьеву (стр. 4) вовсе не ростом населения, а «повышением производительности труда; деградация же с.-х. во второй период об'ясняется не уменьшением населения, как «излагает» т. Б., а целью совсем других причин (см. стр. 12, где перечисляется целых семь причин).

Допустив такие непозволительные передержки в первых же 8 строках своей «критики», т. Б. не унимается и далее. У него постоянно проскакивают такие «формулировки», якобы, мыслей проф. Кондратьева: «движение производительных сил сельского хозяйства прямо пропорционально движению прироста народонаселения»; «прирост населения верный барометр развития производительности сельского хозяйства», «рост населения—причина возникновения общественного разделения труда, отделения промышленного труда от сельского хозяйства» и т. д., и т. п.

Нечего и говорить, что подобные «формулировки» мыслей проф. Кондратьева самым недобросовестным образом навязаны ему т. Б., и что в действительности проф. Кондратьев не утверждает ничего подобного, ни в одном месте своей статьи.

Один из героев О. Генри откровенно и простодушно говорил о себе: «я корреспондировал одно время в Спрингфильдскую газету, и когда у меня не было фактов, я их сочинял». Неужели тов. Б. думает, что пример этого милого литератора достоин подражания?

В чем же, наконец, дело? Где зарыта собака и какая?

А дело в том, что проф. Кондратьев, хотя и не считает «фактор» народонаселения «самым главным», «основным», «причиной причин», верным барометром и пр., тем не менее находит, что действие этого фактора — иногда отрицательное, иногда положительное, — приходится учитывать, приходится подвергать тщательному конкретному изучению и анализу в цепи других факторов и причин.

Тов. Б. считает такой взгляд явным буржуазным предразсудком. Но попробуем справиться на этот счет у настоящих учителей марксизма.

«В земледелии, (если оно ведется капиталистически), постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением, и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения». (К. Маркс, III т., стр. 212).

«Стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкуренции (т.-е. рынка — Ив. Т.), рост индустрии» (Ленин. т. IX «Капитализм в сельском хозяйстве», стр. 40).

Ленин говорит о капиталистическом земледелии, Маркс — о земледелии при других способах производства, — но оба автора, с неоставляющей никакого места для сомнений отчетливостью, говорят о громадной роли фактора народонаселения. В «Основных вопросах марксизма», в работе, которую — скажу во избежание возможных придирок т. Б.—т. Бухарин называет «лучшей рабо-

той по теории исторического материализма», Плеханов говорит: «фактор» народонаселения, как выражается А Кост, бесспорно оказывает очень большое влияние на общественное развитие» (стр. 59). Итак, Маркс, Ленин, Плеханов — все в один голос свидетельствуют, что серьезному исследователю общественных явлений нужно очень и очень считаться с разбираемым фактором. Вряд ли поэтому можно назвать иначе, чем легкомысленными, упреки, бросаемые тов. Берзтысом по адресу проф. Кондратьева, который — вольно или невольно — но не разошелся с указаниями лучших учителей марксизма, когда считал необходимым учет действия фактора народонаселения. Почему же тов. Берзтыс попал в такой просак? Мне кажется потому, что он слишком упрощенно и прямолинейно понял знаменитую формулу Маркса о всерешающем значении уровня развития производительных сил.

Тов. Берзтыс, подобно солдатам армии Кромвеля, провозгласившим: «Иисус Христос—и никакой пощады», твердит с пугающей мрачностью: степень развития производительных сил и к чорту все остальное! А между тем прав, разумеется, Плеханов, который со свойственной ему тонкой иронией высмеивал подобных упростителей марксизма. «Хотя у Маркса всякое общественное движение об'ясняется экономическим развитием общества (т.-е. уровнем развития производительных сил — И. Т.), но оно очень часто об'ясняется им лишь в последнем счете, т.-е. предполагает промежуточное действие целого ряда других «факторов» (l. с., 61 стр.).

Теперь спросим себя, каково же «промежуточное действие» нашего фактора народонаселения? При каких условиях оно является положительным и при каких—отрицательным? Тут нам приходится опять процитировать тов. Берзтыса, склонного высказаться за «отрицательное». «Если,—говорит он,—в результате прироста населения за одним плугом стали бы ходить два рабочих, или вместо прежнего одного пустили в работу два плуга, то от этого не повысилась, а понизилась бы производительность труда, следовательно и сельского хозяйства» (стр 109). Когда мы прочитали эти строчки у тов. Б., они показались нам подозрительно знакомыми. И действительно, пример с плугом позаимствован автором у Каутского, без всякой ссылки на последнего. (Боюсь, что такая литературная манера делается у нас черезчур модной!). Но гораздо хуже то обстоятельство, что т. Берзтыс вдобавок взял да и исказил мысль Каутского. «Если имеется только один плуг,—пишет последний,—то прибавка еще второго работника, нисколько не увеличит производительности этого плуга. Скорее будет более выгодно употребить в дело вместо одного плуга два. При этом поле было бы вспахано гораздо быстрее, и можно было бы раньше приступить к посеву». — («Размножение и развитие в природе и обществе», стр. 56).

Не без умысла, конечно, т. Б. не передал того оттенка мысли Каутского, который имеется в подчеркнутых нами словах. Дело в том, что, приведя этот пример и еще ряд других, Каутский дает формулу, которая очень точно изображает соотносительные роли формы хозяйства и густоты населения, т.-е. как раз то, что нас интересует в споре с т. Берзтысом. Вот что утверждает Каутский:

«Всякая форма хозяйства предполагает определенное количество работников, а следовательно, и определенную степень густоты населения, при отсутствии которой она не может быть использована как следует. Но она не может применять с успехом добавочные рабочие силы дальше определенного максимума (l. с., стр. 57) и затем: «каждое улучшение, каждый технический прогресс требует определенного количества труда. Это количество вовсе не должно быть неизменным. Но всегда существует определенный минимум труда, без которого вообще немыслимо провести это улучшение, и максимум, при превышении которого всякая дальнейшая прибавка труда бесполезна», (стр. 58). И еще: «Каждый способ ведения с.-х. требует определенной плотности населения; пока не достигнута эта плотность, хозяйство не развернет всей своей производительности» (стр. 265). Поэтому-то «для каждой исторической эпохи приходится особо изучать законы изменения уровня средств существования, как и законы прироста народонаселения» (стр. 268).

Трудно, думается нам, яснее выразить мысль о роли фактора населения и о пределах этой роли.

Мы видели, что т. Б. знаком с вышеупомянутой работой Каутского, но он недостаточно понял ее основные положения, а между тем работа эта должна быть признана образцом марксистского анализа вопроса о роли населения. Я приведу из нее несколько цитат, и пусть т. Б. попробует доказать, что рецензируемая им книга в оценке и в учете роли плотности населения идет в разрез с положениями Каутского.

«Разделение труда, которое до того имело место только между различными полами и возрастами, распространилось и на различные занятия. Одно ремесло за другим отрывается от земледелия, по мере того, как растут излишки продуктов земледелия и по мере того, как в одной и той же местности увеличивается число людей, производящих такие излишки, т.-е. по мере того, как возрастает также общая сумма излишков в одной и той же местности» (стр. 72). И дальше: «Существует еще один отводный канал для излишков крестьянского населения, который играет огромную роль в процессе исторического развития: города, существование и процветание которых было бы немыслимо без постоянного притока новых элементов из деревни (стр. 137) и наконец: «Мы уже указали, какую важную роль в развитии общества играет излишек людей, доставляемых крестьянским хозяйством, что особенно большое значение для этого развития имеет тот излишек, который направляется в города... Разделение труда в городах дает возможность ремеслу производить орудия и инструменты, в которых нуждается крестьянское хозяйство, в более совершенном виде... Ремесло, таким образом, повышает производительность крестьянского труда» (стр. 140). Если читатель внимательно вдумается в последние три цитаты, то он, разумеется, согласится со мною, что те же мысли—и только те же—высказывает проф. Кондратьев, когда пишет: «С ростом плотности населения, как всегда, должно было итти и, действительно шло увеличение разделения труда среди населения. Это разделение шло, прежде всего, в форме дифференциации между городом и деревней... Это создавало не-

обходимые предпосылки для применения лучшей техники с.-х. производства» (стр. 7). А между тем именно эти строки проф. Кондратьева вызвали особенно «язвительное» настроение у тов. Б. Процитировав их, он непосредственно вслед за ними спрашивает: «Значит рост населения—*причина* возникновения общественного разделения труда, отделение промышленного труда от сельского хозяйства?» (стр. 109). Читатель уже знает, что слово «причина» подсунуто проф. Кондратьеву, и что последний не хотел сказать больше того, что говорит и Каутский, указывающий — в более скромных чем «причина» выражениях — лишь на «важную роль», «особенно большое значение» фактора населения. Почему же так «язвителен» т. Б.? Не потому ли, что, как выражается один из персонажей О. Генри, «он уже взобрался на ходули и не хочет вниз ни почем»!

В силу всего вышесказанного мы совершенно отвергаем тот окончательный вывод, к которому пришел т. Б. по вопросу о роли населения. Он пишет: «Словом, рост населения совершенно не пригоден для об'яснения под'ема сельского хозяйства или его регресса» (стр. 110). Наоборот, имея за собой мнения Маркса, Ленина, Плеханова и Каутского, мы утверждаем: без учета «роли» и «значения» фактора народонаселения—в известных условиях—мы рискуем скатиться в плоскость безсодержательных, лишенных и тени конкретности, общих формул. А такое неакадемическое учреждение, как Земплан, призван, разумеется, давать не общие алгебраические формулы, а конкретный анализ конкретной действительности. А его-то ни единым звуком и не коснулся т. Берзтыс.

Итак, каковые же результаты нашего рассмотрения критических замечаний т. Б.? Их два: во-1-х, мы констатировали сличением цитат, что т. Б. исказил точку зрения критикуемой им работы, подсовывая ей не то, что она утверждала, и во 2-х, мы видели, что т. Берзтыс не усвоил себе подлинной точки зрения марксизма на обсуждаемый им вопрос, а потому и не мог заметить, что решительно никакого расхождения между этой точкой зрения и положениями разбираемой им книги — не имеется.

«Перейдем, — продолжает т. Б., следуя за проф. Кондратьевым,—к другим факторам—разделению труда между городом и деревней, между отдельными с.-х. районами и затем к рынку» (стр. 110). Он делает несколько замечаний об «экономической сущности рынка», не идущих большею частью совершенно к делу и излагающих общеизвестные истины, впрочем, и тут со свойственной нашему критику неотчетливостью и упрощенностью *). Все эти замечания понадобились т. Б. для того, чтоб сделать нижеследующий победоносный вывод: «Основной фактор расширения общественного разделения труда в сельском хозяйстве и углубления рынка сбыта продуктов сельского хозяйства—*это прогресс промышленного производства*». Разумеется, автору кажется, что этот вывод целиком направлен против проф. Кондратьева. Но послушаем последнего: «Необходимо учесть еще один фактор, значение которого трудно преувеличить: это рост рынка и повышение рыночных конъюнктур. Несомненно, высокие рыночные кон'юнктуры и особенно на продукты интенсивных отраслей форсировали развитие сельского хозяйства и, в особенности, рост наиболее интенсивных отраслей его. Само повышение рыночных кон'юнктур было обусловлено ростом емкости потребительских рынков, ростом индустриализации России и Европы» (стр. 7) *).

---

*) Например, он пишет: „Отделение обрабатывающей промышленности от с. х. превращает само земледелие в отрасль хозяйства, производящую на рынок“. Это до последней степени упрощено и неточно. Предлагаю вниманию тов. Б. хотя бы следующее место из „Новых данных о законах развития капитализма в земледелии“—Ленина: „общеизвестно, что натуральное хозяйство, т. е. производство не на рынок, а на собственное потребление хозяйствующей семьи, именно в земледелии играет сравнительно *очень большую роль, и особенно медленно уступает место торговому земледелию*“. стр. 54.

Тов. Берзтыс говорит о «прогрессе промышленного производства», как о факторе углубления рынка; проф. Кондратьев говорит об «индустриализации России и Европы», как о процессе, «обусловившем» развитие рынка. Пусть же т. Б. попробует раз'яснить нам разницу между «прогрессом промышленного производства» и ростом «индустриализации»? Разумеется, это ему не удастся.

Запомним же, что т. Б. не повезло и при рассмотрении «*других факторов*» так же, как и при разборе фактора народонаселения. Но на этот раз он применил новый прием: исказил подлинное мнение своего противника тем, что не процитировал того, что процитировал бы на его месте всякий добросовестный критик.

Вслед за этим т. Б. переходит к подведению итогов. «Таким образом,—резюмирует он,—*авторы* ограничились только анализом *второстепенных* взаимодействующих факторов развития сельского хозяйства, на основании изучения конкретно-статистического материала *вне связи с основным*. Поэтому вывод, что с.-х. прогресс довоенного периода, выражавшийся в пяти тенденциях, *вызван совокупностью этих второстепенных* факторов, является *теоретически* (курсив т. Б.) необоснованным».

Выше мы видели, что один из атакуемых т. Б. авторов — проф. Кондратьев—не хуже т. Б. понимает коренное значение для с.-х. факта индустриализации страны. Впрочем, может быть другой автор — проф. Огановский — этого не понимает? Но вот как он начинает свою статью: «Современное состояние народного хозяйства России, как нельзя более ясно показывает, какая тесная зависимость существует между двумя главными его отраслями — сельским хозяйством и индустрией» (стр. 37).

Правда, т. Берзтыс, насчет зависимости между с.-х. и индустрией мыслит до последней степени «самобытно». Он думает, что «основным фактором, определяющим общее направление развития сельского хозяйства, является... крупное промышленное производство, *в системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности*» (стр. 112). Ниже мы цитатами из наших учителей покажем, какую совершенно неприличную карри-

---

*) В работе Кондратьева повсюду разбросаны аналогичные указания на решающую роль индустрии. Но т. Б. делает вид, что их не замечает. Вот например, на стр. 19 Кондратьев пишет: „с осени 1922 г. обнаружилась глубокая депрессия на внутреннем рынке продуктов сельского хозяйства. Она обусловливается... *значительной глубиной разрушения индустрии и городов страны*. И ниже—„рыночный оборот... будет расширяться внутри страны под влиянием—роста разделения труда, дифференциации районов и *восстановления промышленных и городских центров*“ и т. д.

катуру на марксистское учение представляют подчеркнутые нами строки. Теперь же сопоставим цитату из Огановского со следующей мыслью Каутского: «если прогресс с.-х. обусловливается высотой развития и формой городской индустрии, *то прогресс последней, в свою очередь зависит от размеров и формы излишков, производимых почвой»* *) (стр. 141). Кто поймет эту очень верно и точно формулированную мысль Каутского, тот согласится и с Огановским, и с утверждением Кондратьева, что «прогресс с.-х. был вызван совокупностью глубоких и *органически связанных условий»*. По Кондратьеву эти «органически связанные» условия таковы: рост индустриализации России и Европы, углубление рынка как в форме разделения труда между городом и деревней, так и в виде дифференциации районов, и, наконец, та или иная степень плотности населения. Умышленно «проглядев» у Кондратьева и Огановского категорическое указание на роль индустриализации, т. Б. называет остальные факторы «второстепенными».

Выше мы цитировали из Ленина: «Стимулом прогресса капиталистического земледелия **) является рост населения, рост конкуренции (т.-е. рынка с его специализацией.—И. Т.), рост индустрии». Пусть осмелится т. Б. поупражняться на тот счет, что и Ленин в этой своей краткой, но вполне исчерпывающей формуле путает «основной фактор» со второстепенными. Мы уже можем с полным удовлетворением констатировать тот факт, что сотрудники Земплана учли *те же самые моменты*, которые считал важным учитывать и Ленин.

Перейдем теперь ко второму выводу, сделанному т. Б. Указав на то, что не понимая (будто бы?) прошлого в развитии сельского хозяйства, авторы не могут понять и его будущего, наш критик совершенно несправедливо начинает придираться к Кондратьеву за нижеследующее.

Кондратьев, опираясь на факты, установил, что после провозглашения новой экономической политики, в развитии с. х. обнаружились *в основных чертах* те же самые тенденции, какие намечались и в довоенный период. Об'ясняя это явление, Кондратьев сослался на «внутреннюю инерцию с. х.». Разумеется, всякий сведущий читатель не найдет в этой мысли ничего такого, чего бы не констатировали десятки и сотни статей самых ответственных хозяйственников-коммунистов. Ведь стало общим местом то положение, что НЭП, развязав рынок, вызвал—в той или иной степени — возрождение тех же самых линий развития, какие наблюдались в сельском хозяйстве и в до-военный период. Но т. Б. отказывается понять эту несложную мысль. Больше того, он разрешает себе *посмеяться* над противником. «Как философов-идеалистов из всех трудных положений,—замечает т. Б.—выручал бог, так экономистов народнического толка выручает «внутренняя инерция», *особые* (иронический курсив самого т. Б.) законы развития сельского хозяйства» (стр. 111). Итак, т. Б., «особые законы развития сельского хозяйства», по вашему, такая же

---

*) Напоминаем читателю еще раз, что при определении размеров и формы излишков с.-х. Каутский категорически указывает на „*очень важную*“ роль фактора народонаселения. см. выше.

**) Нечего и добавлять, что прогресс русского сельского х-ва в 20 в. был ценно прогрессом капиталистического земледелия. Ив. Т.

смешная чертовщина, как и «бог» философов-идеалистов. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним! Раскроем Ленина, т. IX, стр. 10. Там мы находим такие строки: «Каутский, прежде всего, дает *в высшей степени точную и правильную постановку вопроса*. Он самым решительным образом заявляет: «Не подлежит никакому сомнению, что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: *оно подчиняется особым законам*». Неправда ли, как это суждение похоже на вышеприведенную карикатурную формулировку т. Берзтыса: «Сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим (Sic) законам развития капиталистической *промышленности* *) (Sic). Итак,—заключаем,—т. Берзтыс считает «чертовщиной» то, что Ленин находил «в высшей степени точным и правильным».

Увы, что сделать, итальянец в силе?
Его пугает вид эпитрахили.
Француз же не боится ничего:
Он нападет на папу самого!

По-истине, французский темперамент у этого т. Берзтыса!

В последней части своей работы т. Б. останавливается на тех задачах и целях сельско-хозяйственной политики, которые мы должны преследовать и на той «системе государственных мероприятий», которая должна послужить рычагом для осуществления этих задач и целей. И в этой части его критических замечаний мы наталкиваемся на груду передержек, путаницы, несправедливых придирок.

Для удобства изложения мы начнем «с конца»,—с заключительного вывода т. Б.: «выдвинутые авторами положения следовало бы *заменить* другими, а именно: 1) развитие производительных сил сельского хозяйства и постепенное направление их из русла индивидуального в русло коллективного хозяйствования, 2) поддержание соответствия между развитием производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве, 3) укрепление политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством».

Мы заявляем самым категорическим образом, что никакой *замены* по существу т. Б. здесь не предлагает, что в только что приведенных своих тезисах он дает *только ухудшение* формулировки того же, на что указывает и Кондратьев. Судите сами. Возьмем первую часть пункта первого: «*развитие производительных сил сельского хозяйства*». Сказать: развивайте производительные силы, значит ничего еще не сказать. Кондратьев совершенно справедливо замечает, что *нельзя ограничиться* таким положением. Вот что он пишет: «*наиболее бесспорным и очевидным критерием расценки необходимо считать принцип разви-*

---

*) Предлагаю вниманию т. Берзтыса еще следующие слова Ленина; „Есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранимы... Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии *никогда не будет отличаться всеми теми чертами, которые она имеет в промышленности*. (IX т., стр. 82). Подумайте, тов. Б. Даже „*машинная индустрия в земледелии*“,—не говоря уже о *других* формах сельско-хозяйственного производства.

тия производительных сил. Однако, принцип развития производительных сил народного хозяйства в общем виде является принципом слишком отвлеченным и поэтому недостаточно содержательным. Необходимо вложить в него совершенно определенное содержание, в соответствии с современными экономическими и политическими условиями жизни страны (стр. 21). И это содержание Кондратьев видит, конкретно, в ставке: 1) на интенсификацию определенных районов, 2) на рационализацию экстенсивного хозяйства многоземельных районов, 3) на повышение товарности крестьянского хозяйства и 4) на индустриализацию с. х. Т. Б., ни единым звуком не критикуя этой конкретной расшифровки формулы «развития производительных сил», делает шаг назад, когда выбрасывает конкретное содержание и ограничивается пустой, ничего не говорящей, в данном случае, абстракцией.

Далее. Вторая часть пункта первого: «постепенное направление производительных сил из русла индивидуального в русло коллективного хозяйствования». На этом положении мы вынуждены остановиться несколько подольше. Оно, по мысли т. Б., должно заменить следующую формулировку Кондратьева: «стремиться к организации самодеятельности населения, в частности, к кооперированию крестьянских масс» (стр. 35). Почему же т. Б. не доволен формулой Кондратьева? Какой новый оттенок привносит он своей формулой?

Заглянем в сочинения Ленина. В статье «О кооперации» читаем: «Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительной задачей осталось только кооперирование населения... В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэп'а есть все, что нам нужно... Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения. «Эти мысли Ленина будут совершенно недостаточно поняты теми, кто забыл бы его основные построения, данные в брошюрах: «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге». Их крайне необходимо напомнить читателю. В современной России Ленин констатирует наличие элементов пяти различных общественно-экономических укладов. Эти уклады располагаются ступенями так, что каждый нижележащий уклад является более отсталым, более реакционным, чем следующий за ним. Вытеснение ниже лежащего одним из следующих — в известной закономерности — было бы огромным шагом вперед. «Как же быть? — пишет Ленин. Либо попытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее... либо (последняя, возможная и единственно разумная политика), не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма».

(О продналоге, стр. 15). «Весь вопрос, как практический, так и теоретический — состоит в том, чтоб найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма». (Там же, стр. 16). И, наконец, с поразительной ясностью мысли, многими недостаточно понятой, с решительностью, многими недооцененной, Ленин заявляет: «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности, направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил (стр. 21).

Какое же отношение к вопросу о кооперации имеют эти суждения Ленина?

Самое непосредственное. Установив, что «государственный капитализм был бы у нас гигантским шагом вперед», Ленин продолжает: «Кооперация есть тоже вид государственного капитализма... Кооперация мелких товаропроизводителей неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения... Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением. Но «кооперативный капитализм», в отличие от частно-хозяйственного капитализма является, при советской власти, разновидностью государственного капитализма и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен... Нам необходимо приложить усилия, чтоб это развитие капитализма . . . направить в русло кооперативного капитализма... Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения (18—19 ст.).

Теперь нам будут «до полной прозрачности» понятны мысли Ленина о кооперации. Итак, — не бояться неизбежного при наличии в стране многомиллионной мелкобуржуазной массы развития капитализма; переводить это развитие в русло государственного капитализма, в частности, в русло его могучей разновидности — кооперативного капитализма; в меру успехов «кооперирования населения» будет все «необходимое и достаточное» для «построения социалистического общества».

Вернемся теперь к формуле т. Б.: «постепенное направление производительных сил из русла индивидуального, в русло коллективного хозяйствования. «Если здесь под словами «коллективное хозяйствование», разумеется процесс «кооперирования», — то т. Б. не сказал ничего нового и оригинального по сравнению с Кон-

дратьевым. Если же здесь он разумеет то, что говорил несколькими строками выше о «расширении социалистического оазиса в производстве», — то здесь мы можем констатировать полнейшую потерю перспективы, против чего с особенной настойчивостью предостерегал Ленин, хотя бы в следующих строках: «Перечень всех — непременно всех без из'ятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. «Мы, авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь (стр. 20). И этого «гвоздя» совершенно не видит т. Б. Задачей более отдаленной он заменяет задачу злободневную, непосредственно перед нами стоящую. Разумеется, — говоря словами резолюции XIII парте'езда. — «кооперированное крестьянское хозяйство неизбежно будет терять свой индивидуальный характер, превращаясь в хозяйство коллективное». «Здесь резолюция повторяет слова Ленина: «политика кооперативная... даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения». Но для данного момента, для завершения построения главнейших узлов государственного капитализма, у нас важнейшая ставка — это ставка на «кооперирование масс». В понимании этого, Земплан, как видим, ничуть не разошелся с Лениным.

Итак, предложенный тов. Берзтысом «взамен формулировок Кондратьева, пункт первый, не выдержал критики: он говорит о том же самом, но говорит хуже, сбивчивее и неопределеннее. Посмотрим, не будет ли т. Б. более счастлив в пункте втором.

Этот последний у него гласит: «поддержание соответствия между развитием производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве». Прочитаем, что говорит на эту тему Кондратьев: «если государство не может отказаться от планомерного хозяйства в области промышленности и торговли, то тем самым оно не может отказаться и от теснейшей координации этого плана с планом возрождения сельского хозяйства, как наиболее независимой переменой» (стр. 36). Тов. Б., по обыкновению, не заметил и этой мысли Кондратьева, почему и выдвинул свой второй пункт, как нечто новое, как нечто упущенное. Пусть мудрейший т. Берзтыс раз'яснит нам, какая разница между «соответствием», с одной стороны, и теснейшей координацией, с другой.

Но мы боимся, что т. Б. все-таки хотел здесь ввести какой-то свой «ньюанс». Выше, на стр. 112, он сочиняет крайне загадочную и маловразумительную фразу: «исходя из перспектив развития нашей промышленности на ближайшее будущее. . . . . мы могли бы дать нужное теоретическое обоснование своим представлениям о желательном развитии сельского хозяйства». Если только можно понять эту фразу, то ее приходится толковать следующим образом: мы постулируем определенные перспективы развития нашей индустрии, и эти последние показывают нам, чего мы должны добиваться от сел. хоз. Но если мы верно расшифровали мысль т. Берзтыса, то перед нами — чистейший вздор. Декабрьская резолюция ЦКРКП, затрагивая как раз эту тему, говорит следующее: «XII с'езд партии... подчеркнул указание на то, что темпу развития нашей государственной промышленности поставлены об'ективные рамки, определяемые состоянием крестьянского хозяйства, и что тщательное согласование всей хозяйственной политики с уровнем развития крестьянского хозяйства составляет важнейшую задачу, неправильное решение которой неизбежно влечет гибельные последствия не только в экономической, но и политической области. Только коренное изменение нынешней политической и экономической обстановки в промышленных странах Европы и победа там рабочего класса могли бы серьезно ослабить непосредственную зависимость государственной промышленности от состояния крестьянского хозяйства». Стоит ли добавлять, что и в этом случае формулировка Кондратьева вполне выдержала — в противоположность «мысли» тов. Б. — необходимое испытание.

Таким образом, и со вторым пунктом т. Берзтыса получился предательский конфуз.

Посмотрим, наконец, на последний, — третий по счету, — «заменяющий пункт». Он гласит: «укрепление политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством». В сущности говоря, это — не заменяющий, а дополняющий пункт, ибо само собою разумеется, что Земплан не имеет своей задачей обсуждать политические проблемы. Но, конечно, всей работой Земплана, в настоящий конкретный момент руководит основная идея нашей партии, наиболее блестяще формулированная Лениным: «Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие «отречения» от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе... Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно»... (О продналоге, стр. 13). И всякому разумному коммунисту совершенно ясно, почему это так. Развитие производительных сил крестьянского хозяйства укрепляет нашу индустрию, эту основную базу диктатуры пролетариата. В меру укрепления этой базы у пролетариата растет возможность реальной поддержки крестьянской бедноты, а, следовательно, и укрепления «политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством». Итак, «начать»-то все-таки «надо с крестьянства»... Не правда ли, т. Б.?

Мы разобрали все три пункта тов. Бертзыса, «заменяющих», по его словам, положения Земплана. Мы констатировали, что эти пункты, либо не выражают решительно ничего нового по сравнению с тем, что сказано в статьях Кондратьева и Огановского, либо дают более сбивчивые варианты, ибо т. Б. сплошь и рядом теряет истинную реальную перспективу и отделывается общей фразой там, где требуется конкретность. Вот, почему до последней степени курьезно звучит его «последнее слово»: «Если мы заменим эти

положения (т.-е. положения Землпана—Ив. Т.), только что намеченными (речь идет о разобранных нами его «трех пунктах»—Ив. Т.), то мы чисто-капиталистическую линию развития сельского хозяйства заменим линией развития... через кооперацию»... Мы уже видели, чего стоит замена «положения Землпана» «пунктами» т. Берзтыса! Но и вторая «замена» — одной (капиталистической) линии развития другой (очевидно, не капиталистической), стоит не большего. И в этом случае наш критик не видит ясно перспективы, не понимает происходящих в стране общественных хозяйственных процессов. «Мы, — говорит Ленин, — добьемся того, чтоб направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло государственного капитализма» (стр. 26). А ведь кооперация — лишь один из видов государственного все же капитализма. Отчетливая, глубоко реальная перспектива Ленина— от капитализма через русло государственного капитализма к построению социалистического общества — искажена у т. Берзтыса мнимо-революционной фразой.

На этом мы кончаем с т. Б. Мы чрезвычайно подробно рассмотрели по вполне понятным читателю мотивам — все до одного замечания нашего критика. Мы установили целый ряд передержек, навязыванья противнику мнений, им не разделяемых, мы видели, как критик «не замечает» того, что говорят критикуемые им авторы, как он, либо совсем не цитирует, когда цитировать надо, либо обрывает цитату там, где делать этого нельзя. И все эти приемы были пущены в ход для того, чтоб назидательно высказать несколько суждений, выдаваемых за «марксистские». Последнее обстоятельство вынудило нас—против нашей воли—перегрузить статью цитатами из работ наших учителей, чтобы у непредубежденного читателя получилась возможность сопоставить подлинные марксистские суждения с упражнениями нашего критика.

Старик Казанова говорил: «В Риме каждый человек, либо аббат, либо старается им казаться. «Нет ничего удивительного, что в Москве, если не все, то многие «стараются казаться» марксистами. Мы видели, что т. Берзтысу решительно не удалось показаться нам марксистом. Вот, почему за его «сокрушительным» и «убийственным» отзывом насчет «сильного влияния буржуазных аграрников», нет ни тени основания и убедительности. Такая «критика» — плохой помощник в архитрудной, в архиответственной работе «руководящих правительственных учреждений».

У Куприна бравый унтер-офицер «разносит» солдата, примерно, такими словами: «Ну, что я с тобой буду делать?! Вот только рогов у тебя нет, а то ты совсем, как верблюд!»...

Побойтесь бога, т. Берзтыс: не учиняйте подобных «разносов»! Надо же хоть сколько-нибудь уважать зоологическую науку.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

КАК ПОДХОДИТЬ К ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ?

(По поводу «Уроков Октября» тов. Троцкого).

Число исторических работ, воспоминаний, сборников документов, посвященных 1917 году и Октябрьскому перевороту, быстро растет. Тем не менее и 1917 год и Октябрь еще ждут своего историка. Нельзя не согласиться с тов. Троцким в том, что «до сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала-бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты». («Уроки Октября», вводная статья в недавно вышедшем III томе сочинений). Нельзя не согласиться с тов. Троцким, что нужно усилить изучение Октября. Но, никак нельзя согласиться с теми методами «изучения Октября», которые применяет тов. Троцкий, равно как и с выводами, которые он извлекает из этого изучения. Именно потому, что история подготовки Октября и история Октябрьского переворота существуют только в фрагментах, что документы не собраны, не систематизированы, что ряд важнейших фактов вообще не зафиксирован документально, всякий пишущий о событиях 1917 года, если для него имеет цену близость к исторической правде, если он сознает ответственность перед иным, верящим ему на слово читателем, обязан с величайшей тщательностью собирать и проверять факты, на которых он строит свои обобщения. История Октября написана тов. Троцким не в этом стиле, и этого нельзя не поставить ему в укор. В самом деле, взяв с определенным «умыслом» стержнем своей работы разногласия в руководящей верхушке большевиков в 1917 году, он роковым образом сбивается (несмотря на повторные, очень декоративные, но тем менее убедительные оговорки о «мизерности» попыток делать из октябрьских ошибок некоторых большевиков, орудие борьбы против них теперь), с позиции «летописца» и «педагога» на позицию пристрастного прокурора, по заданию лихо сочиняющего обвинительный акт. Но, от этого прокурорски-разоблачительного подхода безнадежно пострадали методы «изучения» Октября, ибо прокурор неизбежно сбивается на доказательство при помощи чтения в сердцах косвенных улик, ссылок на «благонадежных», но уже не могущих взять слово свидетелей и т. п., т.-е. прибегает к способам не столько выясняющим, сколько запутывающим дело. Начнем с примера, имеющего значение второстепенное, но тем не менее рельефно показывающего, как т. Троцкий «переворачивает» историю Октябрьского переворота.

Этот пример — история апрельской демонстрации. «Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого-же дня. Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг «Долой временное правительство». Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение временного правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством... Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения временного правительства»... Так, пишет тов. Троцкий. В его изложении 1) вооруженная апрельская демонстрация является предметом острого столкновения Ленина со многими руководителями партии; 2) Ленин был за вооруженную апрельскую демонстрацию, бравшую «левее» под лозунгом «долой временное правительство», как за разведку после которой снял этот лозунг; 3) позиция Ленина по отношению к апрельской демонстрации дала повод к обвинениям его «правым крылом» в бланкизме. Заглянем в документы. Вот статья Ленина в «Правде» от 23-го апреля — «Уроки кризиса». Ленин заканчивает статью так: «Урок ясен, товарищи рабочие. Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых... Все силы на собственное сплочение... Не давайте сбить себя ни мелко-буржуазным «соглашателям» с капиталистами-оборонцами, сторонникам «поддержки», ни одиночкам, склонным торопиться, и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать «долой временное правительство». Кризиса нельзя изжить насилиями отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками «захвата власти», «ареста временного правительства» и т. д. (разрядка наша). Лозунг дня: раз'ясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны... Сплачивайтесь вокруг своих советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство.

В том-же номере «Правды» в статье «Как запутывают ясный вопрос» Ленин, высмеивая искажение банковской газетой «День» истинной позиции большевиков, пишет: «попытка взять власть была-бы авантюрой или бланкизмом («Правда» особо, специально, точно, ясно, недвусмысленно предостерегала против этого) пока нет поддержки большинства народа. В России теперь такая свобода, что волю большинства можно определить составом Советов Раб. и Солдатских Деп.; значит, чтобы серьезно, не по бланкистски, итти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов». Наконец, 25 апреля Ленин выступает со статьей

«Неумное злорадство».—«Рабочая Газета» (меньшевистская),—пишет он,—злорадствует и пляшет по поводу последней резолюции Ц. К. (содержание резолюции совпадает с содержанием цитированной статьи Ленина — «Уроки кризиса» Г. Сок), обнаружившей (в связи, между прочим, с напечатанным уже заявлением представителей большевистской фракции Совета *) известные несогласия внутри нашей партии. Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики. Нас это не смутит... Убедительно-ли, что люди без организации, без партии с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации... Нам нечего бояться правды... Кризис обнаружил очень слабые попытки взять «чуточку полевее» нашего Ц. К. Наш Ц. К. не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстанавливается и притом добровольное, сознательное, самое полное». Итак, Ленин в апреле 1) против одиночек, склонных торопиться и восклицать: «долой временное правительство», раньше прочного сплочения большинства народа, 2) против бланкистских попыток и частичных выступлений маленьких групп вооруженных людей, 3) осуждает очень слабые попытки взять «чуточку левее» Ц. К., а раздувание меньшевиками этого очень слабого несогласия внутри нашей партии клеймит, как «неумное злорадство». Но с кем-же было раздутое тов. Троцким загадочное «острое столкновение» по поводу апрельской демонстрации? Оно было вопреки тов. Троцкому, не с «правым крылом» руководителей партии, а с небольшой группой питерских работников во главе с тогдашним секретарем Ц. К-та тов. Богдатьевым. Эти товарищи взяли «чуточку полевее» Ц. К-та и именно их осуждала и резолюция Ц. К-та и статья Ленина, отвергавшая их выступление как бланкистскую попытку «захвата власти», «ареста» временного правительства и т. д. Итак, тов. Троцкий, претендующий на «глубокий» анализ, спутал все: 1) апрельская демонстрация не была предметом ни острого, ни какого-либо иного столкновения между Лениным и другими членами Ц. К, 2) Ленин не был за направление демонстрации левее линии Ц. К., 3) не Ленин был по случаю апрельской демонстрации обвинен «правым крылом» в бланкизме.

---

*) Это заявление равно как и примечание к нему редакции были напечатаны в «Правде», № 39. Приводим их полностью:

ВНИМАНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

Товарищи Лашевич (Лашевич? Г. С.), Крымов и Маврин, уполномоченные большевистской фракции Сов. Раб. и Солд. Деп., просят нас заявить, что подавляющее большинство рабочих, участвовавшие в манифестациях 20 и 21 апреля и несших плакаты: «Долой Временное Правительство», понимали этот лозунг исключительно в том смысле, что вся власть должна перейти к советам, и что рабочие хотят взять власть, лишь завоевав большинство в Советах Раб. и Солд. Деп. Данный состав Совета выражает не вполне точно волю большинства рабочих и солдатских масс. Поэтому фракция большевиков считает резолюцию Ц. К. от 22 апреля не точно характеризующей положение дела в данный момент.

От редакции: Само собой разумеется, что вовсе не против организаторов массовых демонстраций направлена резолюция Ц. К. и что при таком понимании указанного лозунга исключена всякая мысль о легкомыслии или авантюризме. Во всяком случае, громадной заслугой названных товарищей, как представителей организаторов манифестации, является мирный и внушительный массовый характер их. Они единственно организовали достойный отпор буржуазии, демонстрировавшей в пользу своего Временного правительства.

а Ленин, в связи с ошибками маленькой группки, при проведении апрельской демонстрации, выступил против бланкистской тактики (прения на апрельской конференции ничего не меняют в этой картине). Как могла приключиться такая ошибка у тов. Троцкого? Ошибка, соответствующая «истории», как она писалась газетой «День» и как она записана меньшевиком Сухановым, но стоящая в противоречии с действительной историей нашей партии? Именно потому, что он увлекается прокурорскими методами доказательства для заранее поставленной цели, что вместо точного анализа разногласий, колебаний, ошибок, вместо установления их подлинных пределов, изображения их в исторической связи с развитием ленинской линии, как отклонений в ту или другую сторону, но отклонений, тем или другим концом всегда примыкающих, при всей остроте расхождения, к основному стержню большевизма, он пытается изобразить историю большевизма перед Октябрем, как борьбу двух партий борющихся внутри одной партии.

Именно, поэтому тов. Троцкому вопреки истории и приходится утверждать, что «расстановка фигур» при Октябрьском восстании была за несколько месяцев до того дана «расстановкой фигур» во время апрельского похода т. Богдатьева и «индивидуалиста» Линде на Мариинский дворец. Тов. Троцкому до-зарезу нужно показать всю «закономерность» разногласий имевших место в Октябре. Именно поэтому у него «апрель» предвосхищает «Октябрь». В этой ошибке тов. Троцкого, и это, особенно важно, полностью отразились все специфические черты его «исследования»: очень плохая осведомленность, очень большое «злорадство» и подход враждебно-настроенного «прокурора».

Обратимся теперь к периоду сентябрь-октябрь. Излагая позицию Ленина и позицию Ц. К. партии со времени демократического совещания по день восстания, тов. Троцкий «искусно» делит имевшие место расхождения между Ц. К. и тов. Лениным на две категории: 1) те, где тов. Троцкий разделял предложения т. Ленина— в этих случаях по нынешнему изложению тов. Троцкого Ц. К. уклонялся на позицию правого крыла и впадал в «социал-демократизм», 2) те, где тов. Троцкий разделял позицию Ц. К. и расходился с тов. Лениным — в этих случаях тов. Троцкий готов «оправдать» Ц. К. Так, по поводу опротестования Петроградским Советом приказа Керенского о выводе части гарнизона на фронт, тов. Троцкий замечает: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении». И там-же: «он (Ленин) не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине Октября»...

Искусное маневрирование разногласиями между Ц. К. и т. Лениным, — при чем дело представляется так, что Ц. К. прав тогда, когда согласен с т. Троцким, а Ленин неправ тогда, когда несогласен с тов. Троцким, — имеет в виду представить Ц. К. партии перед Октябрем, как учреждение, находящееся в плену у правого крыла, и «принимающее» восстание только после «настойчивого, неутомимого, непрерывного напора» Ленина. Это не изложение, а искажение истории Октября. Конечно, «настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральн. Комитет в течение сентябрь—октябрь» — напрягал энергию Ц. К., ни на минуту не

позволял забыть о задаче восстания, буквально электризовал Ц. К. и организации партии. Так именно действовал, и не мог не действовать Ленин. Но Ц. К. как непосредственный организатор восстания, ни на минуту не расходясь с боевыми директивами Ленина, должен был в то-же время точно оценивая ситуацию, выбирать формы, место, сроки восстания, обеспечивающие его победу. И участие в демократическом совещании и участие в предпарламенте, были проведены в значительной мере благодаря предостережениям Ленина против опасных уклонов так, что не дали тех отрицательных результатов, которые конечно были возможны и которых справедливо опасался Ленин, а позволили большевикам политически и организационно придвинуться к восстанию. Именно историк теперь может сказать это спокойно и беспристрастно. Но если участие в демократическом совещании и предпарламенте *) вызывало осуждение со стороны Ленина, то еще более резко характеризовал он политику Ц. К. с конца сентября до дня восстания,—связывание восстания с созывом С'езда Советов, что представлялось ему политикой ненужных «оттяжек». Тов. Троцкий приводит эти отзывы Ленина: «У вас в Ц. К. и в верхах партии,—пишет Ленин 29 сентября,—есть течение или мнение за ожидание С'езда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение». В начале октября Ленин пишет: «**Медлить — преступление, ждать С'езда Советов — ребяческая игра в формальность, нздорная игра в формальность, предательство революции**» (разрядка наша). В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на С'езд Советов»... Что-же говорит тов. Троцкий по поводу **такой** характеристики Лениным подготовки С'езда Советов? Тов. Троцкий, с таким «злорадством» ловящий всякое гневное замечание Ленина, брошенное по адресу того или иного большевика, наивно игнорирующий в этих случаях тактический умысел Ленина, который скрыт за тем или иным выражением и сознательный «перегиб палки», если он может раздуть его и указание на «кризис партии», как он оценивает тут ленинскую оценку, попадающую в план Ц. К., с которым был согласен и тов. Троцкий? Тов. Троцкий на этот раз не принимается за вдохновленные доказательства того, что «предательство революции» и «конституцион-

*) По поводу Демократического Совещания Ленин в статье „О героях подлога“ напечатанной в „Рабочем Пути“ 24 сентября писал: „Участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое-же оправдание, как участие наше в III-ей Думе: и в „хлеву“ надо отстаивать наше дело, и из „хлева“ давать разоблачающий материал в поучение народа“. Иначе оценивает он участие в письме датированном 22 сент., но писанном, повидимому, позднее статьи: „Надо было бойкотировать Демокр. Сов., мы все ошибались не сделав этого, ошибка в фальш не ставится. Ошибку мы поправим, было-бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс“... Таковы были два варианта Ленина по поводу участия в Демокр. Совещании. Это не мешает бесцеремонному автору примечаний к книге т. Троцкого утверждать: „Ленин в разногласиях по вопросу об участии в Демократическом Совещании и бойкоте Предпарламента самым категорическим образом поддерживал бойкотистов“. Послушайте т. примечатель: Можно... „примечать“, но все-же надо знать и меру! и за такие то „примечания“ берет на себя ответственность т. Троцкий! Под таким „соусом“ подается история октября! Впрочем, все это неудивительно, поскольку сам т. Троцкий взял совершенно ложный, не ленинский тон по вопросу об октябрьских ошибках нескольких большевиков.

ные иллюзии» ведут прямо к буржуазному парламентаризму и т. п. Тов. Троцкий не спешит, ухватившись крючкотворски за буквальный смысл ленинской фразы, записаться сам в социал-демократы; обвинения, попадающие в него самого, он расценивает не как злопыхательствующий разоблачитель, а как политик. В других случаях—он находит этот метод «излишним». Он начинает со скромного замечания: «Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента». После чего основательно доказывает, что конкретный план восстания, проводившийся Ц. К-м, был далеко не плох. Впрочем, тов. Троцкий несомненно впадает в преувеличение, когда изображает гибельные последствия, которые мог-бы иметь план начала восстания в Москве, о котором говорил Ленин. Напрасно, совершенно напрасно, тов. Троцкий изображает дело так, как будто Ленин чуть не погубил успех восстания неудачным планом назначения начала восстания в Москве! К чему это?

Примечание: И опять-таки, тов. Троцкий неточно передает Ленинскую постановку вопроса о сроках восстания. Тов. Троцкий пишет: «В сентябре, в дни демократического совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию». Нет. Ленин гораздо осторожнее формулировал свое «требование». Как, в самом деле, заканчивает Ленин знаменитый абзац об окружении Александринки, занятии Петропавловки, аресте генер. штаба и правительства и т. д. в письме в Ц. К., писанном в дни демократического совещания. Предлагал-ли он в самом деле немедленный захват Александринки и т. д.? Ленин заканчивает свою «деловую программу» восстания следующей фразой: «Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, не относясь к восстанию, как к искусству». В другом письме в Ц. К., писанном в те-же дни, Ленин говорит уже вполне ясно: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массой... Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати».

Вряд-ли имеет смысл гадать о том, как вел-бы подготовку восстания Ленин, если-бы не должен был скрываться от ищеек Керенского. Вряд ли имеет смысл разбирать теперь вопрос о том, могло ли восстание успешно быть проведено месяцем раньше. Бесспорно только одно: ленинская критика участия большебольшевиков в демократическом совещании и предпарламенте полностью увязана с планом восстания осуществляемым вне зависимости от С'езда Советов; тактика Центр. Комитета в отношении демократич. совещания и не столько «вхождения», сколько «прохождения» через предпарламент (вхождение для действительного «участия» в предпарламенте — конечно было-бы опасной ошибкой, но эта ошибка вовсе не была сделана) увязана с планом про-

возглашения Советской Власти на С'езде Советов и обеспечения этой власти, одновременно, путем вооруженного свержения правительства Керенского (конечно, весь «нажим» Ленина против возможной опасности «конституционных иллюзий» и подмены задачи захвата власти задачей получения большинства на С'езде Советов был архи-нужен и полезен); тов. Троцкий в свое время поместился по середине между этими двумя вариантами повстанческой стратегии, конечно, не заключавшими в себе ничего, кроме чисто деловых, непринципиальных расхождений. Тов Троцкий пытается теперь использовать выгоды этого среднего положения, представляя в двусмысленном виде и Ц. К. и Ленина. На самом деле именно сочетание ленинского принципиального руководства партией и конкретного руководства по подготовке восстания со стороны Ц. К-та, и Петроградского и Московского К-та обеспечило победу Октября, несмотря на ошибки отдельных виднейших большевиков. Еще и еще раз: Ц. К-т и Ленин были едины, но именно это глубочайшее единство, которое выражало собой единство Ленина и партии, позволяло Ц. К-ту вовсе не рассматривать Ленина, как противостоящую Ц. К-ту инстанцию, каждое «распоряжение», которой подлежит буквальному исполнению. Именно в порядке этого глубочайшего единства и сотрудничества Ц. К-т претворял политическое руководство Ленина в практическую работу партии. Не было-бы подлинного единства если-бы не было этого сотрудничества внутри Ц. К-та между Лениным и прочими членами Ц. К. (в том числе и тов. Троцким, который в те дни, уже л работать, как член коллектива) буквоедские попытки противопоставить их смешны, Ц. К. не имел иной «линии», кроме «линии» Ленина.

Здесь полезно восстановить для истории и для правильной характеристики отношений Ц. К-та и Ленина ряд «расхождений», имевших место между Лениным и Ц. К-том в период между июлем и октябрем. Ленин после июльских дней предложил совершенно снять лозунг «власть советам» до захвата власти и создания тогда новых, революционных советов. В этой категорической форме предложение Ленина не было принято. Корниловский заговор, давший вновь возможность большевикам начать с успехом работу за завоевание большинства в Советах, подтвердил справедливость более осторожной линии Ц. К., с которой затем согласился и Ленин. В связи с этим было и другое расхождение: Ленин советовал переводить партийный аппарат на нелегальное положение, готовиться к изданию нелегальной газеты, не верил в возможность дальнейшего сохранения легального органа Ц. К. в Петрограде. Между тем, Ц. К-т решил сохранять открытую организацию и легальную печать, конечно, во всех нужных случаях комбинируя «легальность» и «конспирацию». VI-й С'езд партии удалось провести вскоре после июльских дней, в Петрограде, с минимальными конспиративными предосторожностями. Контр-революция не была еще настолько организована и сплочена, чтобы иметь возможность в самом деле раздавить нашу прессу и организацию. Орган Ц. К. запрещался под одним заглавием, но вновь начинал выходить под другим и т. д. В корниловские дни Ленин выступил со статьей «О компромиссах». Редакция Ц. О. высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для предложения «компромисса». Ленин настоял на помещении статьи,—она была

напечатана в «Рабочем Пути» через два дня; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция Ц. О., желавшая взять «чуточку левее» Ленина. В чем-же состоял-бы компромисс, условно предлагавшийся Лениным? Ленин писал: «Компромисс состоял-бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве, (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства) *отказались-бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование* (разрядка наша). Условием само-собой разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была-бы *полная свобода агитации и созыва Учредительного Собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок*». Это предлагал Ленин. Этот тактический ход он делал 3 сентября 1917 г. Обо всем этом у тов. Троцкого — ни словечка. Между тем, тот, кто хочет дать подлинную картину большевизма перед Октябрем и в дни Октября не может пройти мимо статьи «О компромиссах». Без ее учета — нет картины ленинской тактики, без ее учета—непонятен истинный характер колебания Зиновьева, Каменева, непонятно отношение Ленина и партии к их колебаниям. Тот, кто хочет не раз'яснения, а запутывания, действительно должен замалчивать статью Ленина «О компромиссах». К сожалению, так и поступил тов. Троцкий.

Эти беглые замечания не претендуют, конечно, ни в какой мере на то, чтобы осветить «общую картину Октябрьского переворота». Их задачей является — показать всю придуманность «схемы» тов. Троцкого, наметить действительные отношения в партии перед Октябрем, такими, какими они были. У тов. Троцкого все идет по прямой линии, проведенной по линейке: но факты нельзя выстроить в шеренгу, как солдат на параде. Отсюда явные ошибки, противоречия, крупные искажения, которыми пестрит «исследование» тов. Троцкого. В живой действительности все было иначе. Ленин вместе с Ц. К-том, вместе с основными большевистскими кадрами, маневрировал в сложнейшей и круто-меняющейся обстановке; и Ленину и другим случалось ошибаться (конечно, ленинские «ошибки» были особого характера), нащупывая путь, и признавать свои ошибки; *на крутых поворотах одни отставали, другие забегали вперед, но фронт неизменно выравнивался в короткий срок*. Пройти без разногласий, без уклонений, без ошибок путь от февраля до Октября никакая политическая партия не могла бы. Большевистская партия прошла этот путь дружнее, чем прошла-бы его всякая иная партия. Конечно, партия не действовала в безвоздушном пространстве. Она претерпевала давление смежных классов и слоев. В известной мере она обязательно должна была с ними считаться, к ним приспособлять свою тактику. В свою очередь, она стремилась подчинить их своему руководству. Когда уступить и выждать, до каких пор выжидать, до каких пределов уступать? Эти вопросы не существовали и не существуют только для тех, кто воображает, что в политике, как в геометрии, прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Ленин, в противоположность подобным политикам, маневрировал, шел в обход, отступал—и

бросался в бешеное наступление. Разногласия среди большевиков в 1917 году могут быть представлены, как борьба двух партий в одной партии, только при нарочитом подходе, естественном только для историка, судящего о партии со стороны. Если-бы был прав т. Троцкий в своем суждении о внутренних разногласиях среди большевиков, если-бы были две партии в одной партии, то разногласия обязательно приводили-бы к тем кризисам внутри партии, т.-е. к таким кризисам, в которых организации раскалывались-бы между собой или с Ц. К-том. Но именно этого-то и не было в 1917 г. Разногласия весной 1918 г. в связи с Брестским миром, гораздо сильнее задели партию, чем Октябрьские разногласия, промелькнувшие на верхах. Если теперь тов. Троцкий поставил октябрьские ошибки нескольких большевиков в центре своего «изучения Октября», то он тем самым, осудил свою попытку «изучения» на полную неудачу. Но, наконец, в чем состоят уроки, извлеченные тов. Троцким из «изучения Октября»? Увы, он не формулирует выводов. Почему-же? Да, потому что эти выводы таковы, что автору пожалуй даже самому неловко их «формулировать». Поэтому все сводится к намекам на необходимость такого «руководящего персонала», который-бы не «дрейфил», и к усиленному обстрелу химическими снарядами нынешнего партийного руководства под прикрытием белого флага «изучения Октября». Но это вовсе не новый урок, а «повторение пройденного», зады прошлогодней «дискуссии». И так-как это «пройденное» у всех еще вполне свежо в памяти и ни у кого нет охоты, еще раз «повторять пройденное» то, поистине, напрасно тов. Троцкий поддается «неведомой силе», которая вновь и вновь влечет его к «грустным берегам» дискуссионных потоков!

Г. Сокольников.

М. П о к р о в с к и й. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. (курс лекций).

Красная Новь. Г. П. П. Москва. 1924 г., 229 стр. Тираж 75 тыс.

Настоящая книга тов. М. Н. Покровского заслуживает исключительного внимания не только потому, что она принадлежит перу остро-талантливого, наиболее крупного русского историка; не только потому, что она является массовым пособием, но и потому что в ней заключен ряд спорных, с нашей точки зрения, неверных положений по довольно существенным вопросам новейшей истории России.

Все оспариваемые нами положения тов. Покровского имеют свою литературную историю, ибо в менее чеканном виде они имелись в более ранних работах автора.

Первое, на чем следует остановить внимание в настоящей работе тов. М. Н. Покровского, — это вопрос *о социальной сущности самодержавия*.

Автору книги принадлежит крупная заслуга выявления *исторической роли* торгового капитала в России, влияния этого капитала на процесс об'единения России под властью самодержавия. Этот в высшей степени важный для понимания истории России мотив развит в работах тов. Покровского очень сильно, убедительно, интересно *).

*) В литературном споре тов. Покровского с тов. Троцким по этому вопросу — прав, несомненно, тов. Покровский.

Однако, особенностью автора всегда являлся известный перегиб палки. Желание дать выпуклую постановку вопроса, приводило часто к некоторому нарушению правильных пропорций. Тоже случилось и здесь.

Торговый капитал заполонил всю русскую историю. Он глядит на нас суровым оком Грозного Ивана, предстоит в образе неистового, нервного и грубого Петра I, женщин на троне и последнего царя, живущего в условиях господства мирового финансового капитала, буржуазной цивилизации.

«В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворяне были только агентами, были его аппаратом.

Нужно было торговому капиталу, — и при Петре помещика гнали на войну, и держали под ружьем в течение 20 лет подряд, не давая ему вернуться домой. Нужно было торговому капиталу, — и он вводил огромные ввозные пошлины, опустошавшие карман помещика...».

«Если мы, став на эту точку зрения, будем рассматривать самодержание, как политически организованный торговый капитализм, мы поймем всю трагедию истории революционного движения» (16 стр.).

Не изменилось дело и в XX веке.

В полном согласии с этими положениями, Столыпин рассматривается, как агент торгового капитала, и только в феврале 1917 года власть торгово-капиталистического самодержавия рушится под напором рабочей революции.

Такая сплошная характеристика социальной физиономии самодержания не отражает, не охватывает его динамики, диалектики его развития,—и потому не может быть принята.

Нам представляется вполне убедительной характеристика эпохи Ивана Грозного, как эпохи утверждения господства самодержавия, являющегося аппаратом торгового, купеческого капитала и помещиков, торгового дворянства.

Однако, нельзя ставить за одни скобки эти две господствующие социальные группы. Они вошли в соглашение в эпоху Грозного, ибо и во внутренней, и во внешней политике у них были общие задачи (закрепощение крестьян — во внутренней политике, захват новых территорий — во внешней).

Но тотчас же после захвата власти между этими двумя господствующими группами начинается борьба за преобладающее влияние на государственную политику. В эпоху Петра I купеческий торговый капитал одерживает верх над помещиками, при наследницах Петра помещики усиливаются, купцы ограничиваются в правах.

Любопытно, с этой точки зрения, проследить борьбу торгового, купеческого капитала с помещиком в Екатерининской комиссии для сочинения нового уложения. Помещики в этой комиссии выступали «либералами» за предоставление крепостным крестьянам права торговли, купцы — против.

Мотивы, как тех, так и других, здесь совершенно ясны:

В связи с этим, частным вопросом удобно разрешить важный вопрос: можно ли помещика и купца об'единять в одну категорию торговых капиталистов?

Конечно, нельзя. Купец и помещик играют различную роль в процессе производства; они имеют поэтому и различные источники дохода.

В данном конкретном случае, в споре о том, имеет или не имеет право крепостной крестьянин торговать, помещик боролся за сохранение «ренты» в максимальных размерах, купец же боялся сокращения своей «торговой прибыли».

После Петра I определяющей государственной силой сделался помещик, правда, считающийся с купцом, ибо поскольку помещик был, кроме того, и торговцем, он имел некоторые общие интересы и с купцом.

Во второй половине XIX века происходит социальное перерождение и помещика, и помещичьего самодержавия. Под влиянием мировых экономических связей и роста вывоза хлеба, помещик капитализирует свое хозяйство; помещичье же государство строит желдороги, являющиеся крупно-капиталистическими предприятиями, и поощряет развитие индустрии, связанное с желдорстроительством.

Таким образом, помещичье государство неизбежно обнаруживает в своей политике элементы буржуазного, капиталистического порядка.

Это и не могло быть иначе в условиях «мирового капиталистического окружения».

Поскольку в начале XX века промышленный капитал перерастает в финансовый, помещичье самодержание контактируется с финансовым капиталом. Картина будет еще более ясной, если принять во внимание, что помещичьи земли были заложены в банках: помещик уже был экономически пленен банковым капиталом.

Можно ли, учитывая эту динамику социального содержания самодержавия, утверждать, что «самодержавие — политически организованный торговый капитализм?». Разумеется, нет.

***

Тов. М. Н. Покровский один из первых приступил к конкретному изучению мотивов участия России в мировой войне.

Вместо общих положений о неизбежности войн в эпоху империализма, он попытался конкретно-исторически, с цифрами в руках, вскрыть причины, толкнувшие русское самодержавие на военную борьбу против Германии, в союзе с Англией и Францией. В частности, несомненной заслугой его является выяснение роли конкуренции русского помещика и германского юнкера в области хлебной торговли, как фактора борьбы. Однако, неправильная методологическая установка мешала тов. Покровскому разрешить поставленную им проблему в целом.

Еще в сборнике статей «Внешняя политика», тов. Покровский смазывал разницу между внешней политикой торгового, промышленного и финансового капитала.

Понятие «империалистической» политики покрывается у тов. Покровского понятием «агрессивной».

Историческая исключительность каждой фазы капитализма и обусловленность внешней политики — имманентными тенденциями капитализма данной стадии — ускользнула из сознания лучшего нашего историка. Все войны — от войн древнего мира до послед-

ней мировой войны — выступают, таким образом, как войны «империалистические».

Но если в прежних работах тов. Покровского было неправильное понимание характера империалистической политики, то в рецензируемой нами книге дается защита и *обоснование* этой неправильной точки зрения.

На этой аргументации тов. Покровского следует остановиться.

Для характеристики точки зрения автора необходимо привести довольно длинную цитату, сразу обнаруживающую его основную ошибку.

«До тех пор, пока мы понимали империализм и империалистскую войну по Гильфердингу, т. е. представляли себе, что империализм есть внешняя политика финансового капитала, а признаком господства этого финансового капитала для нас были синдикаты и тресты, трестизация и синдикализация промышленности и торговли, до тех пор нам, конечно, трудно было ввести в формулу империализма императорскую Россию даже в 1914 году, не говоря о временах, более ранних; ибо, хотя у нас были синдикаты и тресты, но они вовсе не играли определяющей роли, они никоим образом не были, даже в 1914 году, господами положения. Но они не были господами положения в то время и во Франции, не были господами положения в то время и в Англии, хотя и во Франции, и в Англии они были, но под формулу Гильфердинга помещались только две страны, более или менее чистоганом: с одной стороны Соединенные Штаты, с другой стороны — Германия. Поэтому, с точки зрения Гильфердинга, было трудно говорить даже об английском и французском империализме, потому что основного признака империализма по Гильфердингу, — господство финансового капитала с трестами и синдикатами, — не было ни тут, ни там.

Во Франции и в Англии, конечно, было господство финансового капитала, но оно принимало иные формы. В России тоже, конечно, было господство финансового капитала, но опять-таки в иной форме.

Ленин в своей книге «Империализм, как последний этап капитализма», внес чрезвычайно существенную, плодотворную поправку к формуле Гильфердинга, которую вы, наверное, помните. Он рассматривает империализм не как специфическую внешнюю политику финансового капитала только, а как определенную тенденцию этого капитала и капитализма вообще к *установлению монополий*, при чем отличие этих монополий от монополий более раннего периода заключается в том, что те не вытекали с необходимостью из экономической структуры капиталистического общества в данный момент, а что касается эпохи империализма, то тут уже буржуазия не может жить без монополии. Она должна установить монополию. Все страны уже не могут уместиться на мировом рынке; одни из них должны душить другие для того, что бы иметь возможность развернуться. Так что эти новые монополии вытекают с железной необходимостью из общего положения капитализма в этот период.

Но суть дела не в синдикатах и трестах, а суть дела именно в этом стремлении к монополии, в какие бы формы оно не выливалось. Синдикаты и тресты попадают сюда, как частный случай. Как частный случай, они, само собой разумеется, являясь средством установления монополии на данной территории для той или иной

группы предпринимателей, — этим покрывается, но самая формула шире.

С этой точки зрения, для того, чтобы оценить, вошла ли страна в империалистический период, нужно присматриваться не к тому, имеются ли у нее в достаточном количестве тресты и синдикаты, а к двум другим признакам, которые отмечает и Гильфердинг.

Этими признаками являются: во-первых, высокие таможенные пошлины, которые делают территорию страны монопольным достоянием отечественной промышленности, все равно, синдицированной, или нет, а, с другой стороны, — стремление раздвинуть таможенные границы возможно дальше, стремление захватить в эти границы возможно более широкую территорию» (118—119 стр.).

В этом отрывке заключен ряд ошибочных положений.

Во-первых, не верно, что Ленин, в *противоположность* Гильфердингу, не считает синдицирование и трестирование промышленности весьма характерным признаком эпохи финансового капитализма.

Ленин в этом вопросе, как и все марксисты, согласен с Гильфердингом *).

Во-вторых, исторически неверно, что синдицирование и трестирование характерно только для Соединенных Штатов и Германии.

Во Франции и особенно в Англии, действительно *позже*, чем в Соединенных Штатах и Германии, произошло синдицирование и трестирование промышленности.

Однако, уже перед войной это были страны «организованного» капитализма.

Мы не можем здесь приводить цифровых данных, но предлагаем обратиться, хотя бы к книге R. Liefmann'a: «Beteilungs-und Finanzierungsgesellschaften», приводящего данные о регулирующих об'единениях в капиталистической промышленности различных стран.

В-третьих, абсолютно неверно, что Ленин «рассматривает империализм не как специфическую внешнюю политику финансового капитала только, а как определенную тенденцию этого капитала и капитализма *вообще к установлению монополий*».

Мы вынуждены привести общеизвестную классическую формулировку Ленина об эпохе империализма.

«Не забывая условного и относительного значени всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрацию производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на

*) Ленин тем отличается от Гильфердинга в трактовке империализма, что он понимает под империализмом не внешнюю политику финансового капитала, а „новейшую стадию капитализма“, т. е. ставит знак равенства между „империализмом“ и финансовым капитализмом. Но это разногласие терминологическое.

базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

(Ленин. Собр. соч. Т. XIII; стр. 305—306).

И когда, вместо этой полной, всесторонней, охватывающей и внутреннюю динамику, и внешние тенденции финансового капитализма, характеристики империализма, Ленину приписывается понимание империализма только, как «тенденции капитала и капитализма вообще к установлению монополий», — мы не можем с этим согласиться.

Тов. М. Н. Покровский, правда, пытается оговориться, что между монополистическими тенденциями эпохи промышленного протекционизма и эпохи империализма существует разница. Однако, по тов. Покровскому, это — разница количественная, а не качественная. «Отличие этих монополий от монополий более раннего периода заключается в том, что те не вытекали с необходимостью из экономической структуры капиталистического общества в данный момент, а что касается эпохи империализма, то тут уже буржуазия не может жить без монополий» *).

Дело не в том, что одни (тенденции) вытекают «с необходимостью», а другие «без необходимости».

Протекционистская политика, как и связанная с ней политика борьбы за колонии, являющиеся сферами торгового сбыта, несомненно, вытекала «с необходимостью» из отношений эпохи первоначального капитализма, как агрессивно-колониальная политика эпохи империализма вытекает «с необходимостью» из отношений этой новой, «высшей стадии капитализма».

Разница не в том, что в первом случае не было «необходимости», а во втором она была.

Разница заключается в различии самих «необходимостей».

Капитализм первоначального периода нуждался в протекционистской политике, таможенных пошлинах и расширении таможенных границ для закрепления за собой определенной сферы сбыта товаров.

Империализм возвращается после периода промышленного фритредерства к системе почти запретительных тарифов и колониально-агрессивной политике для обеспечения рынков сбыта, рынков с ы р ь я и с ф е р ы п р и л о ж е н и я к а п и т а л а.

В первом случае мы имеем оборонительно-таможенную политику, во втором — наступательную.

*) Несомненно неправильным является узкое толкование монополистической тенденции финансового капитала, как только тенденции к установлению таможенных пошлин.

Во-первых, монополистическая политика не непременно сопровождается ограждением таможенной стеной; во-вторых, если таможенные пошлины есть, они являются лишь частным проявлением монополии.

Радикально меняется тип связей между странами, тип экономических структур, а отсюда и внутренняя подкладка экспансии капиталистических государств.

Поскольку тов. Покровский отказался от анализа и характеристики внутренней структуры финансово-капиталистической системы, он не мог оценить и принципиальное различие внешней политики эпохи первоначального капитализма и империализма.

Нам кажется, что автор, отличающийся редкой особенностью строго-критического отношения к себе, как к исследователю и историку, признает неосторожность и небрежность, приводимых нами формулировок об империализме. В этом мы почти уверены, ибо именно тов. Покровский и в этой же книге пишет: «Наша рабочая революция, — это, как все мы прекрасно понимаем..., есть явление м и р о в о е. Э т о н е е с т ь н а ц и о в а л ь н а я революция, об'ясняемая в узких рамках, вытекавшая исключительно из русских условий, местных и временных условий России».

Такая характеристика русской революции обязывает к анализу м и р о в ы х с в я з е й э п о х и ф и н а н с о в о г о к а п и т а л а, т.-е. характеристики с п е ц и ф и ч е с к о й структуры «новейшего этапа капитализма».

Она обязывает при об'яснении мотивов участия царской России в мировой войне, к учету влияния союзнического финансового капитала на русское хозяйство и политику. Она обязывает к рассмотрению России, как элемента мирового хозяйства.

Но при этой точке зрения тов. Покровскому необходимо было бы расширить круг исследуемых им проблем.

* * *

Столь же сплошной нам представляется постановка вопроса о социальном характере крестьянского движения.

«В России капитализм в сельском хозяйстве может развиваться только, опираясь, в первую голову, на своеобразное русское фермерство, на русского мелкого сельского производителя.

П о к а к р е с т ь я н и н н е с т а н е т т а к и м с в о б о д н ы м м е л к и м с е л ь с к и м п р о и з в о д и т е л е м, в Р о с с и и н е б у д е т п о ч в ы д л я р а з в и т и я к а п и т а л и з м а в т у з е м н ы х у с л о в и я х.

Так ставил Ленин дело в 1905—7 г.г., не подозревая, что через 10 лет наша капиталистическая верхушка уже перегниет через капитализм, и что придется устанавливать своеобразный компромисс между диктатурой пролетариата и социалистическим хозяйством, с одной стороны, и этим м у ж и ц к и м к а п и т а л и з м о м, — с другой».

Здесь налицо некоторая неточность. Во-первых, Ленин никогда не утверждал, что «в России не будет почвы для развития капитализма в туземных условиях, пока крестьянин не станет свободным мелким сельским производителем».

Ленин намечал д в а возможных п у т и исторического развития капитализма: прусский и американский; путь медленного эволюционного перерастания полукрепостнического капитализма в культурный капитализм, и путь революционного быстрого переворота, совершенного против помещика и открывающего дорогу фермерскому типу сельско-хозяйственного развития.

До революции 1917 г. капитализм развивался в России по прусскому типу, хотя партия пролетариата в течение полутора десятка лет сражалась за обеспечение условий американского типа развития, ускоряющего темп подготовки социализма.

Во-вторых, очень сплошной является эта социально-экономическая характеристика деревни, как «мужицкого капитализма». При ближайшем знакомстве с освещением этого вопроса у тов. Покровского мы обнаруживаем и здесь некоторую неисторичность подхода к крестьянскому движению.

«В течение 300 лет боролось мелкое крестьянское хозяйство с крупным, помещичьим, боролось за свое существование» (стр. 8).

Тов. Покровский, желая показать, что крестьянская революция имеет глубокие исторические корни, допускает еще раз перегиб палки. «На самом деле, как доказал еще Рожков, лет, примерно, 20 назад, наше крупное и среднее помещичье землевладение XVI века возникло на развалинах мелкой свободной крестьянской земельной собственности, следов которой в тогдашних писцовых книгах мы найдем сколько угодно, найдем уже в состоянии вымирания, но не совсем естественной смертью» (8—9 стр.).

Здесь вновь неосторожная формулировка. До сих пор мы полагали, что земельная собственность развилась из феодального землевладения, что первым собственником был феодал, раньше крестьянской массы захваченный товарным обращением.

Если это, с точки зрения тов. Покровского, неверно, то тогда следовало бы не ограничиваться вскользь брошенным замечанием, и развить свое положение; если же это, и по мнению автора книги, верно, то тогда нужна большая ясность и точность.

Однако, у тов. Покровского в цепи этих цитат заковано одно положение, логика которого подчиняет себе частности.

«1905 год напомнил, что инстинкты мелкого производителя глубоко сидят в крестьянине».

«В 1917 году он добился своего: помещик-паразит был разбит, помещичьи земли перешли в руки крестьян, и та база для русского натурального туземного мужичьего капитализма, о которой говорил тов. Ленин в 1905—6 годах, была, наконец, найдена» (9 стр.).

«Как видите, товарищи, это современность, настолько современность, что нам с вами, как партийным людям, придется каждый день решать вопросы, связанные с тем фактом, что крестьянин в настоящее время является своеобразным зачатком русского капитализма. Нам придется этот капитализм тренировать, вводить его в рамки государственного капитализма и сочетать его с пролетарской диктатурой. Это все самое современное, и от этого зависит наше будущее. А корни этого факта уходят в XVI столетие».

Современное революционное крестьянское движение, разумеется, имеет известную историческую преемственность с прежним революционным движением крестьян. Однако функциональный исторический смысл крестьянского движения в различные эпохи различен, как различен и социальный облик крестьянства. Крестьянское революционное движение периода Разиновщины и Пугачевщины, — это антикрепостническое движение задавленного крестьянства, еще не имеющего ярко-выраженного буржуазно-демократического характера: крестьянство больше боролось за восстановление до-крепостнических отношений или отношений раннего феодализма, чем за буржуазные условия развития.

Крестьянское движение 1905 года было, несмотря на дифференциацию среди крестьянства, в общем и целом общекрестьянским фронтом против помещика за буржуазно-демократический переворот, за американски-фермерский путь развития.

В 1917 году мы видим более сложную картину. Масса бедного и среднего крестьянства разносит помещика и кулака, под руководством пролетариата, держащего в своих руках государственную власть.

Тот ли это «мужицкий капитализм», что в 1905 году?

Крестьянское хозяйство осталось частно-собственническим и товарным, но, во-первых, кулак сделался об'ектом революционного движения, а не суб'ектом. Во-вторых, и это самое важное, победа крестьянского движения была обусловлена в революции 1917 года победой социалистического пролетариата в его борьбе за власть.

Мелко-буржуазные устремления крестьянства могли быть осуществлены в нашей революции только в том случае, если социалистический пролетариат установит и укрепит свою диктатуру.

В силу этого крестьянское движение приобрело совершенно иной смысл.

Здесь нельзя сказать просто «мужицкий капитализм». Если бы дело обстояло так, то наши перспективы были бы безнадежны.

С одной стороны, развитие товарных отношений имеет своим следствием развитие в крестьянстве капиталистических отношений и рост буржуазии. Но, с другой стороны, масса среднего крестьянства является нашей опорой в борьбе против капитала.

Наша задача заключается не в том, чтобы «тренировать мужицкий капитализм», а бороться за социалистическое кооперирование крестьянства.

У тов. Покровского проскальзывает такая точка зрения, что мужицко-капиталистический «инстинкт» питал революционное крестьянское движение в течение 300 лет и прорвал плотину в 1917 г. Крестьянство, социальный характер его, степень дифференциации, об'ективный смысл этого движения выступают здесь подстриженными под один гребешок для разных эпох.

Гребешком этим тов. Покровский работает, поистине, мастерски. Даже декабрист Пестель, наиболее левый из буржуазных революционеров начала XIX века, после стрижки под этот гребешок, выступает чуть ли не идеологом крестьянства, а его аграрная программа представляется прототипом декрета о земле Советского Правительства.

* * *

Мы заострили внимание читателя на тех моментах рецензируемой книги, которые, с нашей точки зрения, обнаруживают не вполне правильный подход автора к некоторым историческим явлениям.

Это не мешает нам расценивать книгу, как незаурядное явление.

Живой, образный язык, оригинальный рисунок, новая комбинировка материала, с привлечением некоторых свежих данных де-

лают книгу интересной, дающей ценные сведения и постановку ряда проблем по новейшей истории.

Однако, требованиям учебника эта книга удовлетворяет, как нам кажется, меньше, чем «Русская история в сжатом очерке», продолжения которой партия и учащееся поколение ждет от автора.

А. Слепков.

Георгий Малис. Психоанализ коммунизма. С предисловием проф. К. И. Платонова. Изд. «Космос». 1924 г., стр. 86.

Психоанализ, несомненно является одной из самых модных теорий нашего времени. Несмотря на довольно давнее появление в свет, особенное распространение он получил в последние годы после войны в условиях революционного разложения капиталистического мира. В Советской России он приобретает особую известность после перехода к нэп'у, когда значительная часть наименее устойчивых мелко-буржуазных и интеллигентских попутчиков революции заколебалась в условиях возрождающегося товарного хозяйства и видимого спада, для поверхностного глаза, революционной волны. Мелкий буржуа и интеллигент, не понимая в новых условиях положительных задач строительства социалистического хозяйства, ушел в свое личное «я», в вопросы пола, найдя себе на этом пути верного проводника, в лице глубоко суб'ективной целиком построенной на ковырянии в душах, теории Фрейда. Вокруг теории закружился какой то дикий хоровод из протестантских попов, мистиков, психиатров, зараженных своими больными... и марксистов, не весьма твердых в марксизме и падких ко всему сенсационно-новому.

Те крупицы истины, которые мог еще дать психоанализ для изучения некоторых болезненных явлений нашей психики, и те, весьма преклонного возраста, истины, которые в нем заключаются, в виде признания причинной обусловленности всех проявлений нашей психической деятельности и т. д., потонули в океане всеоб'емлющей теории, долженствующей, с своей точки зрения, об'яснить все и вся и открыть новый свет заблудшимся наукам.

Но именно в такой всеоб'емлющей постановке и вскрывается ярче всего упадочность философии фрейдизма, этого трупного червя современной буржуазной науки.

Насколько глубоко фрейдизм проникает у нас, не получая до сих пор должного отпора со стороны марксистов, свидетельствует рецензируемая книжка. Напечатана она в Полтаве и пытается обосновать, с психоаналитической точки зрения, ни более не менее, как коммунизм. Конечно, при этом не обходится без соединения Фрейда с Марксом, ибо еще Плеханов писал, что путанику, лишь было бы желание, можно с Марксом соединить и Фому Аквинского. Мы хотим подробнее остановиться на этой книжке именно потому, что, независимо от того, совпадает ли во всем ход ее рассуждений со взглядами самого Фрейда, она дает наиболее отчетливое представление о тех путях, какими пытаются притянуть Фрейда за уши к марксизму и коммунизму.

* * *

Как известно, в основе учения Фрейда лежит представление о бессознательном, составляющем подпочву нашей психики. Что

такое это бессознательное, автор раскрывает на стр. 38 своей брошюры:

> „До сих пор учтевы только самые поверхвостные момеиты спиритизма и телепатии. Если впоследствии иам придется действительио встретиться с яелениями метафизическим, т. е. лежащими в другой плоскости четвертого измерения (курсив везде наш, Н. К.), то сознательио изучить эти явлевия мы сможем только через бессознательное. Ибо бессозвательвые переживания также не подчввевы заковам вашего времеви и пространства“.

Но, так понимаемое, Бессознательное (при том еще с большой буквы, т.-е., как некая самостоятельная сущность), есть путь к чистейшей чертовщине и поповщине.

Как известно, марксизм в философии есть, прежде всего, материализм, признающий время и пространство формами бытия материи. Все вещи находятся не только в *нашем* представлении во времени и пространстве, но об'ективно, на самом деле, занимают то или иное место в пространстве в тот или иной промежуток времени. Наоборот, у философа, очень далекого от материализма, излюбленного философа ревизионистов Канта, время и пространство не существуют в действительности, они лишь формы *нашей* чувственности и не применимы к вещам так, как они существуют сами по себе, к noumena, по терминологии Канта.

Критикуя Канта с точки зрения учения о бессознательном, наш автор пишет, что основная ошибка Канта то, что

> „Noumena, лежащие вне плоскости вашего времеви и пространства. подлежат нашему изучеению уже по одному тому, что у нас есть представлеeие о вих.“ (31).

Таким образом, критик, в сущности говоря, стоит целиком на точке зрения критикуемого: признает, что *вещи в себе*, лежат вне времени и пространства и каким-то сверхестественным образом отражаются в бессознательном.

Он признает какое-то метафизическое (?!!), никому неизвестное, четвертое измерение мистиков и при помощи его об'ясняет все тайны спиритизма и телепатии.

Это — идеализм худшей марки, и переход к нему совершенно неизбежен, исходя из основных предпосылок фрейдовской теории *). Что марксизм тут совершенно не при чем, конечно, ясно всякому, запомнившему не только слова в марксизме.

* * *

Присмотримся, однако, далее к «Бессознательному» фрейдизма. Согласно нашему автору, содержание его:

> „составляют главным образом либидинозные теелепции, связаивые с половым чувстном, с инстиктом сохранения рода.“ (стр. 43—4.

В связи с этим он набрасывает любопытную философию истории, долженствующую соорудить мостик между Фрейдом и Марксом.

---

*) См. дающую много интересвого для критики фрейдизма статью тов. В. Юринца „Фрейдизм и марксизм“ в №№ 8—9 „Под зваменем марксизма“.

„Через этот последний (инстинкт сохранения рода) libido и представляет источник большинства психических моментов социального порядка. Ибо, как уже было указано, половое чувство связано с стремлением к сохранению не отдельного индивидуума (это—задача голода), а всего рода, социального целого" (стр. 44).

Таким образом здесь ставится знак равенства между социальным и половым, — тенденция распространенная в нашей псевдо-марксистской фрейдистской литературе. В другом месте отличающийся похвальной последовательностью Г. Малис так и пишет: экономика первобытной родовой общины была, в конечном счете, «наиболее благоприятна для удовлетворения половых, социальных стремлений человека» (67). Это — лейт-мотив всей песни. Отсюда же, по аналогии с развитием libido, полового стремления в отдельном индивиде, автор строит и всю человеческую историю:

„Поскольку развитие отдельного человека повторяет развитие человечества в целом (?); каждой стадии libido соответствует определенная ступень в истории человеческого рода" (50).

Из этой цитаты совершенно очевидна основная методологическая ошибка всех социологов-фрейдистов: у них законы биологического развития целиком переносятся на развитие общества. Биологический закон, устанавливающий, что развитие индивида повторяет в сокращенном виде путь развития рода, переносится на историю человеческого общества. Получается чистейшая метафизика, конечно, ничего общего с марксизмом не имеющая, так как марксизм учит именно своеобразию развития общественного человека, употребляющего орудия труда.

Чтобы лучше выяснить самые основания ошибок нашего автора, приведем еще одну цитату. Мы видели выше, что первобытная родовая община удовлетворяла половые, социальные стремления человека. В чем же тогда причина ее крушения, если в основе общественного развития лежит именно половое чувство? Здесь Г. Малис выдвигает другую нашу, тоже биологическую, потребность — голод, и на основе ее развивает целую теорию, которая в этом своеобразном синтезе должна быть как бы представителем марксизма:

„Под флагом удовлетворения голода начинается и протекает до сих пор все развитие общества. Клеймо погони за едой (?) ложится на экономику, через нее отражается в идеологии. Поскольку потребность питания есть личная потребность каждого отдельного индивидуума, этот индивидуализм начинает господствовать и в общественной жизни. В борьбе за существование возникает дифференциация, образуются классы" (стр. 67).

Тут, что ни слово, то перл, и на всем построении неоспоримо лежит клеймо непонимания самых основных истин марксизма.

Ошибки очевидны. Выводить из того, что потребность питания есть личная потребность отдельного человека, индивидуализм в общественной жизни можно только ради курьеза. Это та же старая потугка, стремящаяся непосредственно из биологических потребностей человека вывести формы общества. На деле же для того, чтобы есть, пить, иметь жилища, одеваться и т. д., люди должны предварительно произвести необходимые материальные средства существования. Именно на почве этого производства и воспроизводства материальной жизни между ними устанавливаются те или иные общественные связи. Формы общества определяются именно тем способом, каким совершается это производство. Индивидуализм в общественной жизни, разделение общества на классы, есть результат частной собственности на средства производства, а не на продукты потребления. Потребность питания остается личной потребностью и в коммунистическом обществе, за которое, как-будто, тоже ратует наш автор, но производство и распределение продуктов для этого личного потребления будут там в руках общества.

Таким образом, погоня за едой (и другими средствами к жизни), которая в индивидуальной жизни людей означает не что иное, как производство и воспроизводство материальной жизни людей, оказывается вовсе не тем змием, который нарушил идиллию первобытного полового союза, а движущей силой общественного развития.

Мы имеем две совершенно противоположные философии истории: а) марксистскую, рассматривающую общество, как производственную организацию и об'ясняющую его историю из смены способов производства; б) фрейдистскую, нашего автора, кладущую в основу общества libido и историю общества строющую по аналогии развитие полового чувства.

Какого рода помешательством страдают те, кто стремится об'единить то и другое, параноики *) они или что-нибудь другое, мы сказать не беремся, но что это не имеет абсолютно ничего общего с марксизмом, — совершенно несомненно.

* * *

Как далеко заводит метод Фрейда, можно видеть у нашего автора и на отдельных конкретных об'яснениях общественных явлений.

Так как в основе истории общества лежит развитие полового чувства, аналогичное развитию его в отдельном индивиде, то та или другая идеология неизбежно превращается из категории исторической в категорию возрастную, как ни чудовищно подобное построение.

Последовательно ревизуя марксизм с точки зрения Фрейда, наш автор заявляет, прежде всего, что «экономический базис отражается на форме идеологической надстройки, а не на сущности (?) ее» (стр. 52). Отсюда следует об'яснение религии. В согласии с Фрейдом, он утверждает, что первыми об'ектами любви ребенка являются родители. Тогда, согласно параллели между индивидуальным и родовым развитием человека, в развитии рода этому «Эдиповскому комплексу» (любви к матери) соответствует религиозное (курсив автора. Н. К.) чувство общества» (51). И в другом месте: «религиозные системы построены на детских бессознательных влечениях эдиповского комплекса» (стр. 55, курсив автора). Не бесплодно ли мы отучаем своих пионеров от веры в бога?

Мы обходим целый ряд красот, в роде выведения жестокостей во время войны из предрасположения к ним «в глубине ду-

*) С точки зрения некоторых психоаналитиков марксизм есть выражение паранойи.

ши» каждого солдата, выведение скупости из сублимации (переработки) бережливого отношения маленьких детей к их выделениям и т. д., н. т. п. Пониманием общественных причин явлений нигде и не пахнет. Сосредоточим свое внимание еще на двух вопросах, — на понимании отношений коллектива и личности и на малнсовском коммунизме.

Совершенно естественно, что если движущая сила общественного развития libido, половое чувство, то тогда и коммунизм — не исторически возникшая перед определенным классом, в определенных условиях, задача, а вечная цель, к которой стремится, охваченная половым влечением, личность, рвется тысячелетиями, вместе с коллективом, «биологически предопределенными путями» (курсив наш, стр. 71).

Таким образом, перед нами медленно плетущаяся кляча экономики, сковывающая формы проявления полового чувства, и на ней — нетерпеливый седок, — личность, рвущаяся «биологически предопределенными путями» к будущему! Разве не величественная картина?!

Автор несколько раз возвращается к этой теме:

> „На какой бы степени не стояло человечество, мы видим всегда одно и то же психологическое обоснование данной структуры общества. Ее определяет борьба с голодом, стремление к накоплению материальных ценностей. Человек занимает заранее указанное ему экономикой место, и уходит, ничего не видав за ближайшими, извне ему навязанными, об'ектами. Если он претендует на большее, чем может получить,—он погибает. Так погибли все преждевременные революции, изобретения—обладающие полным идеологическим обоснованием, но не имеющие экономического базиса“ (67).

И, в заключение, такой перл:

> „В момент возникновения им изобретениям и преждевременным революциям не было места в общественной системе накопления материальных ценностей, именуемой „государством“ (67).

Разве не сногсшибательное откровение для марксистов, до сих пор считавших государство орудием классового господства?

И в другом месте:

> „Нам понятен общий ход процесса капиталистического производства, появление механизмов или источников энергии, которые ему необходимы, завершение его рациональной, социалистической организации труда. Но, ведь был целый ряд изобретений, равно как и общественных движений, отнюд не вызванных окружающей обстановкой, даже задавленных ею, вследствии ею. Корни этих исторических вспышек мы должны искать в самой личности. И сделать это поможет нам психоанализ“ (64).

Тем самым раскрывает тайна влечения к психоанализу некоторых горе-марксистов. Они не удовлетворяются марксистским, материалистическим анализом психики. Их влечет в лоно идеалистического суб'ективизма, и они находят эквивалент ему в фрейдовском бессознательном, глубоко-суб'ективном, влекущем личность по своим законам, и борющемся с реальностью. Недаром Г. Малис ухитряется и основное положение марксизма изуродовать в тон этому:

> „Поскольку основная формула марксизма: „бытие определяет сознание“, учение Фрейда психологически показывает нам, как это бытие, т. е. столкновение индивидуальных бессознательных тенденций с социальной действительностью переломляется и отражается на (?) сознании“ (стр. 66).

Не производственный процесс, не борьба классов, а столкновение индивидуальных бессознательных влечений с действительностью, лежит в основе общественного бытия. Вся эта концепция строго выдержана в духе Фрейда.

Понятно тогда, что и коммунизм, прежде всего, — не общественная организация производства, а третья, «биологически-предопределенная» стадия истории человечества, стадия «свободного выбора об'екта», освобожденного от гнета и клейма экономики полового чувства.

Те идеологические формы, сущность которых не может изменить экономика, призвано отменить освобожденное половое чувство, которое перестанет в них сублимироваться:

> „Вот почему в прежнем смысле слова в коммунистическом обществе не будет ни неврозов, ни религии, ни философии (!?), ни искусства (как l'art pour l'art) (76).

Таким образом, самое отмирание религии мыслится совершенно иначе, чем в марксизме. Это — коммунизм, совершенно особого типа выбитых революцией из колен интеллигентов.

Мы кончили. Предисловие к брошюре проф. К. И. Платонова совершенно бесцветно, и о нем сказать нечего.

Мы видим, что автор весьма добросовестно пытался соединить с марксизмом и коммунизмом самые основные положения фрейдизма, а не склеивать с ними те или другие поверхностные мелочи, и потому мы уделили ему столько внимания.

Разбор показал, что между тем и другим лежит пропасть. Предупредить возможные дальнейшие попытки такого противоестественного смешения—задача марксистской критики. Тем более, что, к сожалению, у нас некоторые весьма авторитетные товарищи, хотя и в скрытой форме, высказывались за Фрейда. Мы живем в такой обстановке, когда в воздухе носится, вполне об'яснимое соответственным ростом чуждых нам стихий, пока еще неоформленное, влечение к ревизии ортодоксального марксизма. Если общественно-политическая неустойчивость облекается в костюм священнослужителей, сочетающих столь далекую друг другу пару, как Маркс и Фрейд, то остается лишь пожалеть тех, кто удовлетворяется такой теоретически-нищенской и эклектической пищей, и предостеречь тех, кто хочет быть верным Марксу.

Ник. Карев.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ОПЕЧАТКИ.

				НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:
Стр.	5	строка	10 снизу	остальиых	отсталых
„	6	„	17 сверху	В этом нельзя ие сомневаться	в этом нельзя сомиеватьcя
„	12	„	6 „	последии	последиих
„	16	„	17 „	ие посредствеино	ие непосредствеиио
„	26	„	9 снизу	к типу	и типу
„	31	„	21 сверху	Эначит	Значит
„	75	„	5 „	иеурожаемые	неурожайные
„	79	„	27 „	поступления иалога	поступлеиия налога (в милл. рублей):
„	84	„	6 „	изолюции	изоляции
„	84	„	9 снизу	переходя	переходящее
„	85	„	5 сверху	ореитации	ориеитацин
„	87	„	1 „	кон'юктуры	кон'юнктуры
„	88	„	2 „	увеличив	увеличивать
„	91	„	3 „	федеративное	федеральиые
„	91	„	6 „	федеративных	федервльных
„	91	„	11 „	политическими	патетнческими
„	93	„	34 „	было бы нонцом	было не концом
„	110	„	25 „	Речь идет о том	речь идет не о том
„	114	„	5—6 снизу	Лучше следите за их «внутренней инерцией»	Лучше следите зв «внутренней инерцией» буржуазных профессоров
„	118	„	18 сверху	стаиовится на пути	стаиовнтся иа путь
„	123	„	29 „	физино-механичесних	физико-химичесних
„	137	„	13 „	нсторию аазработки	историю разработни
„	144	„	15 „	иаправить	иатравлять
„	145	„	34 „	писак буржуазныхоппортуиистов	писак буржуазных и оппортуиистических
„	148	„	5 снизу	первонач. капитал	переменный капитал
„	149	„	6 „	поверхности	поверхностности
„	150	„	22 сверху	иекрундироввиных	нефундированных
„	151	„	5 снизу	Одного	Однако,